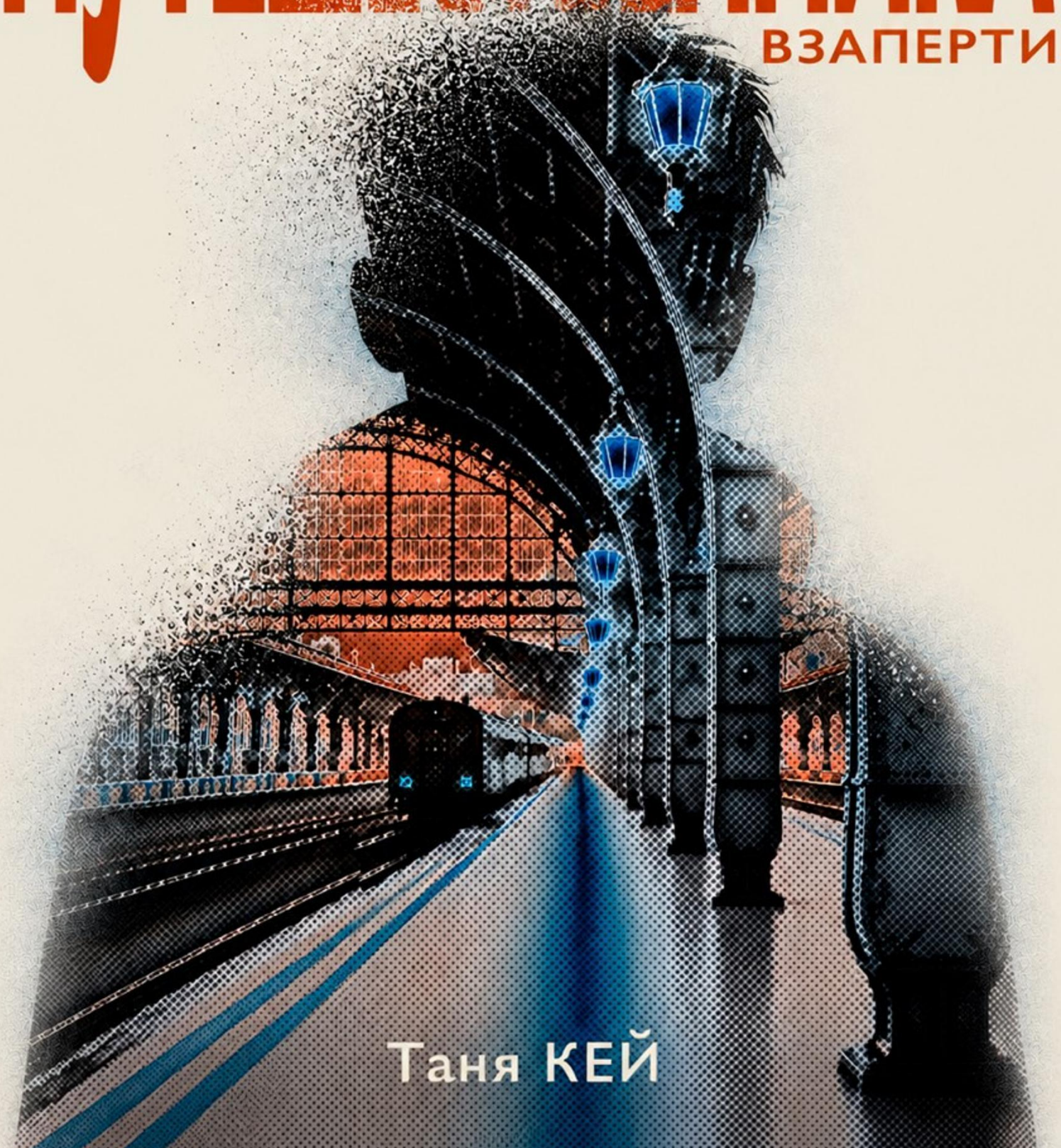

ДНЕВНИК
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ВЗАПЕРТИ

Таня КЕЙ

Таня Кей

**Дневник Путешественника
в Заперти**

«Автор»

2026

Кей Т.

Дневник Путешественника в Заперти / Т. Кей — «Автор», 2026

Путешественник направляется в Город у моря, но среди ночи поезд останавливается на неизвестной станции. Проводник забирает его паспорт, двери вагона закрываются, и герой остается на платформе с табличкой: «Добро пожаловать в Заперти». Этой страны нет на картах, однако ее жители давно научились жить по установленным правилам. Здесь поезда никогда не отправляются, молчание считается официальным языком, память требует документального подтверждения, а человеку разрешено быть собой только в установленных пределах. Заперти не пугает решетками и не грозит расстрелом — оно действует тише: чиновничьей вежливостью, длинными очередями и разговорами, из которых постепенно исчезают целые слова. Единственное оружие героя — потрепанный блокнот, куда он день за днем записывает то, что происходит с городом. И с ним самим. «Дневник путешественника в Заперти» — сатирическая антиутопия в духе Кафки и Оруэлла, о человеке, который пытается сохранить собственное имя в мире невидимых границ.

© Кей Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Добро пожаловать в Заперти!	5
Глава 1. Вокзал, с которого не уходят поезда	7
Глава 2. Личность, выданная во временное пользование	12
Глава 3. Добровольное трудовое присутствие	23
Глава 4. Достаток в пределах доступного	36
Глава 5. Территория без пользовательской ценности	48
Глава 6. Отдел добровольного содействия	66
Глава 7. Комната, которой нет	81
Глава 8. Пассажир, которого не было	99
Глава 9. Разрешение на отсутствующее	116
Глава 10. Согласованное присутствие	132

Таня Кей

Дневник Путешественника в Заперти

Пролог. Добро пожаловать в Заперти!

Место, которого нет на карте, но в котором многие живут.

Есть города, куда приезжают. Есть города, откуда уезжают. А есть такие места, где человек оказывается не по билету, не по визе и не по своей воле. Одно из таких мест — Заперти.

Когда-то слово «путешественник» означало человека, который собирал чемодан, покупал билет и отправлялся в путь. Сейчас же путешествие может начаться с попытки оплатить подписку, скачать приложение, зайти на иностранный сайт, купить билет, зарегистрироваться, подтвердить номер телефона или просто обновить программу. И вдруг понимаешь: мир вроде бы открыт, но не для всех одинаково.

Заперти начинается не с решетки, а с маленькой надписи на экране: «Этот способ оплаты недоступен в вашем регионе». Это как невидимая граница. Она не выглядит драматично. В ней нет солдат, печатей и паспортного контроля. Но она меняет повседневность. Ты уже не просто пользователь, а человек, который должен искать обходной путь.

Гражданин Заперти оказывается в странном положении. Формально он живет в цифровом мире, но пользуется им через щели. Он знает, что такое VPN, сторонние способы оплаты, посредники, ограничения банковских карт, недоступные приложения, заблокированные сайты. Он не может свободно пользоваться тем, что для других — часть жизни.

Это не катастрофа. Это похоже на усталость. На ежедневную мелкую борьбу с интерфейсами, платежами, логинами, кодами подтверждения и сообщениями об ошибке. На ощущение, что ты живешь в XXI веке, но с постоянной поправкой: «только не для вашего региона». Это не просто технические проблемы — это новая, невидимая, но реальная география. В ней у одних — свобода передвижения, у других — туристическая виза, а у третьих — только возможность наблюдать со стороны.

«Дневник путешественника в Заперти» — это книга не о туризме в привычном смысле. Это дневник человека, который хочет двигаться, пользоваться, выбирать, покупать, смотреть, читать, слушать, учиться, работать, подписываться, создавать — но постоянно натывается на невидимые стены.

Книга о путешествиях без романтической открытки. О путешествиях, которые начинаются не в аэропорту, а в настройках телефона. О границах, которые проходят не между странами, а между человеком и возможностью быть частью мира.

Заперти — это не только про запреты. Это и про находчивость. Про жизнь в постоянном поиске. Про людей, которые учатся обходить ограничения, адаптироваться, находить лазейки, сохранять достоинство и чувство юмора. Про то, как из неудобств рождается новый бытовой фольклор: инструкции, чаты, советы, схемы, запасные аккаунты, карты друзей, сервисы-посредники и бесконечное «а у тебя работает?».

В обычной цифровой жизни интерфейс должен быть незаметен: нажал — и все работает. В Заперти интерфейс становится видимым. Он сопротивляется. Он напоминает о себе. Он превращается в бюрократа.

Но важно сказать честно: адаптация не отменяет сам факт того, что ты заперт. Можно научиться открывать двери отмычкой, но от этого дверь не становится открытой.

Эта книга — попытка рассказать о жизни внутри такой системы не языком политического лозунга и не в форме жалобы, а как о культурном и человеческом опыте, через хронику человека, который оказался в городе без выхода, но продолжает смотреть на мир через забор.

Путешественник в Заперти — это не тот, кто перестал мечтать о дороге. Это тот, кто понял: иногда карта мира начинается с вопроса, почему кнопка «Оплатить» снова не работает.

Путешествие без билета. Без визы. Без выбора. Но с надеждой найти выход.

В Заперти можно говорить почти обо всем. Главное — заранее убедиться, что это «почти» не относится к тому, что ты собирался сказать.

В Заперти существует множество языков. Но официальный язык здесь один: молчание. Его не преподают в школе отдельным предметом — дети осваивают его сами. К совершеннолетию каждый житель Заперти говорит на нем почти без акцента.

В местных газетах молчание выглядит как пустое место между абзацами. На телевидении — как внезапная смена темы. В интернете — как страница, которая вчера открывалась, а сегодня делает вид, что никогда не существовала.

Книги здесь тоже умеют молчать. Некоторые приходят в магазины без глав. Другие — без авторов. Редакторы называют это подготовкой текста к местным условиям. На обложке при этом ничего не меняется.

В Заперти вообще любят, когда снаружи все остается прежним. Кафе открыты. Люди ходят на работу. В окнах горит свет. Город движется, разговаривает, смеется. Но стоит кому-то произнести слово, которого давно не было слышно, и вокруг возникает пауза. Не громкая. Не театральная. Просто все внезапно вспоминают, что им пора смотреть в другую сторону.

Чем опаснее мысль, тем нейтральнее звучит фраза.

Цензура здесь редко входит без стука. Обычно она появляется раньше — в голове. Она садится рядом, пока человек пишет сообщение, и предлагает убрать имя, смягчить интонацию, стереть фотографию, не публиковать ссылку. Она говорит спокойно и разумно:

«Так будет безопаснее».

Со временем ее советы начинают звучать как собственные мысли.

Молчание не всегда означает, что сказать нечего. Иногда это всего лишь голос, который ждет своего времени.

В Заперти умеют молчать по-разному. Молчат из страха. Молчат из усталости. Молчат, чтобы не навредить близким. Молчат, потому что уже не верят в силу слов.

Но иногда молчание означает другое. Иногда человек сохраняет внутри фразу, которую пока нельзя произнести. Не стирает ее, не заменяет безопасной, не отдает на проверку. Просто носит с собой — как запрещенную карту города, где все еще отмечены выходы.

И, возможно, именно поэтому власти Заперти так внимательно прислушиваются к тишине.

«Я пишу это спустя много дней после той ночи на перроне — сколько именно, сказать не берусь: в Заперти дни считают не числами, а привычками. Тогда я еще не знал, что скоро сам заговорю на здешнем молчании так, что меня будет не отличить от местного жителя. Наверное, поэтому я и завел этот блокнот — чтобы хоть что-то в Заперти помнило меня таким, каким я приехал».

Глава 1. Вокзал, с которого не уходят поезда

В Заперти есть Центральный вокзал. Никто не знает, почему он называется Центральным. Возможно, когда-то существовали Северный, Южный и Западный, но их закрыли, переименовали или просто перестали упоминать. В Заперти место, о котором долго не говорят, постепенно перестает существовать. Сначала оно исчезает с дорожных указателей, затем с карт. Потом жители начинают сомневаться, действительно ли когда-нибудь туда ходили.

Центральный вокзал, однако, существует. Под его стеклянной крышей гудят голоса, хлопают двери, катятся чемоданы. В кассах горит свет, работают кафе, камеры хранения и стойки информации. Громкоговорители объявляют посадку, задержку, перенос и номер пути.

Не объявляют только отправление.

Каждый день жители Заперти приходят сюда с чемоданами. Они занимают очередь в кассы, покупают билеты, пьют кофе из бумажных стаканчиков и смотрят на табло. Рядом с направлениями мигают слова: «Посадка скоро начнется», «Ожидайте дополнительной информации», «Отправление перенесено по независящим от пассажиров обстоятельствам».

Некоторые ждут несколько часов. Некоторые — несколько лет.

Самые терпеливые однажды становятся сотрудниками вокзала. Они надевают форму, встают за стойки и начинают объяснять новым пассажирам, что причин для беспокойства нет. Поезд обязательно придет. Нужно только сохранять спокойствие, не покидать зал ожидания и внимательно следить за объявлениями. В Заперти ожидание считается разновидностью движения.

Именно на этом вокзале впервые появился Путешественник.

Он не приехал сюда по собственному желанию. Не выбирал маршрут, не покупал билет и не отмечал Заперти на карте. К тому же до того дня он никогда не слышал о такой стране.

Его путешествие должно было закончиться совсем в другом месте. В билете был указан Город у моря — город с белыми домами, соленым ветром и вокзальными часами, которые всегда немного отставали. Путешественник представлял, как выйдет на платформу и морской воздух коснется его лица.

Но ночью поезд остановился. За окном не было видно ни города, ни платформы. Только темнота, несколько фонарей и человек в длинном плаще, стоявший на перроне.

Проводник вошел в купе и попросил показать документы.

— Обычная проверка, — заверил он. — Это ненадолго.

Путешественник протянул паспорт. Проводник внимательно посмотрел на фотографию, затем на Путешественника, снова на фотографию и вышел, забрав документ с собой.

Прошло десять минут. Потом двадцать. Потом в вагоне погас свет. Двери поезда были открыты. Путешественник спустился на платформу, надеясь найти проводника. В тот же момент двери за его спиной закрылись. Поезд тронулся медленно и почти бесшумно. Путешественник бросился следом, но состав быстро набрал скорость. В последнем окне мелькнуло лицо проводника. На секунду Путешественнику показалось, что тот держит в руке его паспорт.

Через минуту поезд исчез. Только тогда Путешественник заметил табличку над платформой: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗАПЕРТИ!», а ниже, более мелкими буквами: «Вы прибыли туда, где находитесь».

Так начался его первый день.

Вокзал был почти пуст. Под потолком горели желтые лампы. Часы показывали половину четвертого, хотя Путешественник был уверен, что уже наступило утро. Секундная стрелка часов двигалась вперед, затем вздрагивала и возвращалась на прежнее место.

Он подошел к справочному окну. За стеклом сидела женщина в форменной фуражке. Перед ней стояла табличка: «Справки не дают права на получение информации».

— Простите, — сказал Путешественник, — мой поезд ушел. В нем остались вещи и документы.

Женщина подняла глаза и невозмутимо ответила:

— Поезда не уходят.

— Но я видел, как он уехал, — возразил Путешественник.

— Значит, это был не поезд.

— А что?

Она немного подумала.

— Нарушение восприятия.

— Как мне вернуть паспорт? — Путешественник не сдавался.

— Для возврата паспорта предъявите документ, удостоверяющий личность.

— Но мой документ остался в поезде.

— Который, по вашим словам, ушел?

— Да.

— Поезда отсюда не уходят. — Она закрыла окошко.

Путешественник еще некоторое время растерянно смотрел на свое отражение в стекле, потом постучал снова.

Женщина появилась почти сразу, словно все это время ждала его.

— Как мне уехать из Заперти?

Ее лицо изменилось. Не сильно, только уголки губ опустились, а взгляд стал внимательнее.

— Гражданин, не задерживайте очередь.

Путешественник оглянулся. За ним никого не было. Через минуту возле соседней кассы появился мужчина с большим чемоданом. Он поставил его на пол, подошел ближе и тихо сказал:

— Здесь не спрашивают, как уехать.

— Почему? — удивился Путешественник.

— Потому что вокзал существует для того, чтобы ждать. — Мужчина взял чемодан и ушел, не попрощавшись.

На рассвете двери вокзала открылись. Внутрь вошли первые пассажиры. Все в их виде говорило о дальней дороге: пальто, дорожные подушки, папки с документами, пакеты с едой. Некоторые несли букеты.

Вскоре после рассвета зажглось табло. На нем появились десятки направлений: «СВОБОДНЫЙ ПОРТ», «ГОРОД У МОРЯ», «СТАНЦИЯ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ», «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРМИНАЛ».

Путешественник увидел название города, в который направлялся. Рядом мигала надпись: «Поезд задерживается на неопределенно определенное время».

Он подошел к кассе.

— Один билет до Города у моря.

Женщина в форменной фуражке протянула ему бланк.

— Заполните заявление на намерение покинуть территорию.

В заявлении требовалось указать причину отъезда, предполагаемую пользу от возвращения, имена людей, которые могли бы подтвердить необходимость поездки, и точный адрес проживания после прибытия.

Внизу находился вопрос: «Согласны ли вы с тем, что желание уехать может свидетельствовать о недостаточной благодарности за пребывание?»

Путешественник оставил графу пустой.

Кассир вернула бланк.

— Заполнено не полностью.

— Я не знаю, что ответить, — признался Путешественник.

— Тогда напишите: «Согласен».

— Но я не согласен.

— В таком случае заявление не соответствует форме.

— А если я напишу неправду?

Кассир впервые улыбнулась:

— Тогда все будет оформлено правильно.

Путешественник отошел от кассы без билета и направился к выходу в город. Этот разговор необходимо было переосмыслить на свежем воздухе.

Перед вокзалом располагалась широкая площадь. В центре стоял памятник человеку, указывающему рукой куда-то за горизонт. Лицо памятника было обращено к вокзалу, а вытянутая рука показывала на глухую стену. Под памятником лежали цветы. На постаменте было высечено: «Тому, кто первым нашел выход и никому его не сообщил».

Улицы Заперти казались обычными. Открывались магазины, автобусы подъезжали к остановкам, дворники сметали пыль с тротуаров, люди торопились на работу. В окнах кафе зажигался свет. Заперти просыпалось.

Но через несколько минут Путешественник заметил странность. Куда бы он ни шел, дорога возвращала его к вокзалу. Он свернул направо — и через десять минут оказался на той же площади. Пошел прямо — увидел памятник с вытянутой рукой. Выбрал узкий переулок, затем еще один, пересек парк, прошел под аркой — и снова оказался перед главным входом.

Путешественник достал телефон. Связи и мобильного интернета не было. Навигатор показывал серое поле без улиц. В центре экрана мигала синяя точка и надпись: «Ваше местоположение ограничено текущим местоположением». Он попытался подключиться к городской сети Wi-Fi. Для регистрации требовался местный номер телефона. Чтобы получить местный номер, нужен был счет в местном банке. Для открытия счета требовалась регистрация по месту жительства. А для регистрации — подтверждение личности.

Паспорта у Путешественника не было.

К полудню он понял, что голоден. В кафе напротив вокзала пахло свежим хлебом и кофе. Он заказал суп и попытался расплатиться картой. Терминал издал короткий звук. На экране появилось сообщение: «Этот способ оплаты недоступен для лиц, не подтвердивших право находиться там, где они уже находятся».

— Можно наличными? — спросил Путешественник.

Официант посмотрел на купюры.

— Это иностранные деньги.

— Где их обменять?

— В банке.

— А банк требует документы.

— Значит, сначала получите документы.

— У меня их забрали.

Официант пожал плечами и унес суп.

За соседним столиком сидела пожилая женщина. Перед ней стояла чашка горячего чая. Когда официант отвернулся, она незаметно подвинула к Путешественнику кусок хлеба.

— Берите, — с едва заметной улыбкой сказала она.

— Спасибо.

— Не благодарите. Благодарность здесь иногда принимают за признание долга.

Она говорила тихо, почти не разжимая губ.

Путешественник рассказал ей о поезде, проводнике и пропавшем паспорте. Женщина слушала, не перебивая.

— Со мной было почти так же, — сказала она наконец. — Только я приехала на автобусе.

— Давно?

Она посмотрела на вокзальные часы за окном.

— Здесь трудно определить. По местному календарю — три года. По ощущениям — одна очень длинная среда.

— Вы пытались уехать?

— Конечно.

— И что произошло?

Женщина кивнула в сторону вокзала.

— Сначала я покупала билеты. Потом ждала посадку. Потом писала заявления. Потом обжаловала отсутствие ответа на заявление о рассмотрении жалобы. А потом мне предложили работу в отделе отправлений.

— Вы согласились?

— Нет.

— Почему?

— Я все еще хочу уехать.

Она допила чай и поднялась. Перед уходом женщина наклонилась к Путешественнику:

— Никому не говорите, что видели свой поезд.

— Почему?

— Потому что поезд, который действительно уезжает, считается здесь опасным слухом.

К вечеру Путешественник получил место в гостинице при вокзале. Комната была маленькой. Кровать, стол, стул и окно, за которым виднелось море. Путешественник подошел ближе и понял, что море нарисовано прямо на стекле. Под окном висела инструкция: «Для улучшения вида не пытайтесь открыть».

Он сел за стол и достал из кармана блокнот — единственную вещь, в которой еще мог что-то сохранить без разрешения. На первой странице он написал: «День первый». Потом зачеркнул. Часы в Заперти не позволяли с уверенностью утверждать, что день закончился. Он написал снова: «Запись первая».

«Я не знаю, где нахожусь. Мой паспорт исчез. Мой поезд ушел, хотя здесь утверждают, что поезда не уходят. Все дороги возвращают к вокзалу. Все инструкции ведут к другим инструкциям. Люди собирают чемоданы, но никто не уезжает. Возможно, Заперти — не страна и не город. Возможно, это состояние, которое однажды объявили территорией».

Путешественник закрыл блокнот.

С платформы донеслось очередное объявление:

— Уважаемые пассажиры! Отправление ночного поезда откладывается в связи с отсутствием оснований для его прибытия. Просим сохранять спокойствие и не терять надежду без официального разрешения.

Путешественник погасил в комнате свет и лег, но уснуть не смог.

Около полуночи он услышал свисток. Настоящий поездной свисток — далекий, короткий, почти забытый звук дороги. Он подошел к окну. Нарисованное море исчезло в темноте, и теперь в стекле отражалась только комната. Свисток прозвучал снова. Путешественник вышел в коридор, спустился по лестнице и вернулся на платформу.

Вокзал был пуст. Табло не горело. Сотрудники исчезли.

На самом дальнем пути стоял поезд без номера и названия. В его окнах не было света. Дверь последнего вагона оставалась приоткрытой. Путешественник сделал несколько шагов.

Из темноты появился человек с большим чемоданом — тот самый, которого он видел утром возле справочного окна.

— Вы тоже слышали? — спросил Путешественник.

Мужчина приложил палец к губам.

— Этот поезд не объявляют.

— Куда он идет?

— Никто не знает.

— На нем можно уехать?

Мужчина посмотрел на открытый вагон.

— В Заперти можно войти во многие двери. Труднее понять, какая из них ведет наружу, а какая — глубже внутрь.

На платформе зажегся фонарь. Поезд дрогнул. Путешественник бросился к вагону, но мужчина схватил его за рукав.

— Не сегодня.

— Почему? — возмутился Путешественник.

— Потому что в первый день все думают, что главное — поскорее выбраться.

— А что главное на самом деле?

Мужчина отпустил его.

— Понять, кто закрыл дверь.

Поезд тронулся.

Несколько секунд Путешественник видел открытую дверь последнего вагона. Затем состав исчез за поворотом, не оставив после себя ни дыма, ни шума, ни света.

На перроне лежал небольшой прямоугольник белой бумаги. Путешественник поднял его. Это был билет. На нем не указывались ни дата, ни пункт назначения, ни время отправления. Только имя Путешественника и номер пути: «Путь 0».

На обратной стороне кто-то написал от руки: «Не верьте расписанию. В Заперти оно показывает не время отправления, а продолжительность надежды».

Путешественник спрятал билет в блокнот.

Так закончился его первый день в Заперти. И началось путешествие, которого он не выбирал.

Глава 2. Личность, выданная во временное пользование

На второй день пребывания в Заперти выяснилось, что Путешественника не существует. Об этом ему сообщили в семь часов утра, хотя часы в гостиничном коридоре показывали половину четвертого. Те же часы он видел ночью над вокзальным табло. Стрелки не сдвинулись ни на минуту, но служащая за стойкой уверяла, что наступило утро.

— В Заперти время определяется не положением стрелок, а началом рабочего дня, — объяснила она. — Рабочий день начался. Следовательно, сейчас утро.

Путешественник не стал спорить. После первого дня он уже начал понимать: спорить в Заперти означало добровольно войти в коридор, каждая дверь которого вела к новому доказательству того, что ты неправ.

На стойке его ждал белый конверт. Вместо имени получателя на нем было напечатано: «Лицу, временно пользующемуся комнатой 17». Внутри лежало уведомление:

«В связи с обнаружением Гражданина, не внесенного в Реестр присутствующих, Вам надлежит явиться в Министерство соответствия для установления факта вашего существования.

При себе иметь:

Документ, удостоверяющий личность.

Документ, подтверждающий право владения документом, удостоверяющим личность.

Подтверждение отсутствия иных личностей.

Две фотографии установленного образца.

Себя.»

Внизу стояла красная печать: «ЯВКА ДОБРОВОЛЬНА И ОБЯЗАТЕЛЬНА».

К уведомлению прилагался второй лист. На нем сообщалось, что право Путешественника пользоваться комнатой 17 заканчивается в восемнадцать часов текущего рабочего дня. Для продления проживания требовались документы, подтверждающие личность, место работы и отсутствие задолженности перед гостиницей.

— Какая задолженность? — спросил он. — Я провел здесь одну ночь.

Служащая повернула к нему журнал. В нем были указаны:

«ночлег — одна единица;

пользование кроватью — одна единица;

временное нахождение в помещении — одна единица;

вид из окна — одна единица;

отказ от попытки открыть окно — льгота».

— Но море нарисовано на стекле.

— Изображение моря относится к улучшенным условиям проживания.

— Я его не заказывал.

— Оно уже было предоставлено.

— Чем я должен платить?

— После оформления личности стоимость будет удержана из вашей заработной платы.

— У меня нет работы.

Женщина взглянула на лежавший в конверте лист.

— Теперь есть.

Внизу уведомления Путешественник заметил еще одну строку:

«Предварительное место занятости: Управление регулируемых очередей. Должность: контролер очереди третьей категории».

— Я не соглашался на эту работу.

— Вы еще не существуете, — напомнила служащая. — Лицо, которое не существует, не может соглашаться или отказываться.

— А если я не пойду в Министерство?

— В восемнадцать часов прекратится ваше право на проживание.

— И что тогда?

— Вы будете обязаны покинуть гостиницу.

— Куда?

— По месту регистрации.

— Но у меня нет регистрации.

— Именно поэтому вам следует явиться в Министерство.

Путешественник посмотрел на пустой столик в зале ожидания, на кофейный автомат, принимавший только местные карты, и понял, что Министерство уже приняло решение за него.

Оставалось лишь сделать вид, будто он идет туда добровольно.

— Где оно находится?

— Идите прямо, — служащая указала на выход.

— Я вчера ходил прямо. Дорога вернула меня к вокзалу.

— Значит, вы пришли, куда требовалось.

— Министерство находится на вокзале?

— Нет.

— Тогда как до него добраться?

Женщина посмотрела на него с выражением человека, которому задают слишком личный вопрос.

— Следуйте указателям.

На площади перед вокзалом висел новый указатель. Путешественник был уверен, что вчера его не было. Стрелка направо сообщала: «МИНИСТЕРСТВО СООТВЕТСТВИЯ — ПРЯМО».

Через двадцать минут Путешественник оказался перед зданием, серый фасад которого занимал почти всю улицу. Окна располагались на одинаковом расстоянии друг от друга и отражали бесцветное небо. Высокие двери были лишены ручек. Они открылись сами, едва Путешественник к ним приблизился.

Над входом золотыми буквами было написано: «МИНИСТЕРСТВО СООТВЕТСТВИЯ». Ниже находился государственный девиз Заперти: «Каждый должен быть собой в установленных пределах».

Охранник на входе взял уведомление из рук Путешественника, посмотрел на пустое место вместо имени и нахмурился.

— Паспорт?

— У меня забрали паспорт в поезде.

— Какой поезд?

— Тот, на котором я приехал.

Охранник поднял глаза.

— Поезда сюда не прибывают без регистрации пассажиров.

— Но я прибыл.

— Тогда вы были зарегистрированы.

— Значит, я есть в списке?

— Если бы вы были в списке, вас бы сюда не вызвали.

Он вернул уведомление.

— Проходите. Кабинет 13. Не путать с кабинетом 31.

За входными дверями находился небольшой зал с белыми стенами, низким потолком и пустой стойкой приема. Ни окон, ни лестниц Путешественник не увидел. Только четыре одинаковых прохода, уходивших в разные стороны.

На стене висела схема здания. В центре схемы была отмечена красная точка с надписью: «Вы, возможно, находитесь здесь». От нее расходились десятки коридоров. Некоторые пересекались, некоторые обрывались, некоторые возвращались к началу. Ни один не вел к выходу.

Путешественник выбрал коридор, над которым светила табличка «Кабинеты 10-19». Коридор оказался узким и слишком длинным. Стены были выкрашены в теплый белый цвет, напоминавший молоко, разбавленное водой. Пол покрывал плотный бежевый ковер, поглощавший звук шагов. Под потолком непрерывной полосой тянулись прямоугольные лампы холодного света. В коридоре не было окон. Не было часов. Не было ни одной детали, по которой можно было определить, находится человек под землей или на верхнем этаже.

Через каждые несколько метров коридор поворачивал под прямым углом. За поворотом начинался другой, совершенно такой же. Иногда в стене появлялась дверь без ручки. Иногда — ниша с кулером, возле которого стоял один бумажный стакан. Иногда — маленький столик с вазой, в которой находился единственный пластиковый цветок.

Из динамиков под потолком звучала тихая инструментальная музыка. Путешественнику она была знакома, но он не мог вспомнить, откуда. Мелодия должна была успокаивать, но через несколько минут стала напоминать сигнал, предупреждающий об опасности.

Путешественник шел все дальше.

Время от времени он видел людей в темно-синих костюмах. Они появлялись из-за поворота, проходили мимо и исчезали в другом коридоре. Все двигались с одинаковой скоростью. Никто не торопился, но никто не останавливался без служебной необходимости. На груди у каждого находилась белая карточка. Вместо имени на ней было указано название подразделения, будто этого было достаточно, чтобы знать о человеке все необходимое: «Отдел допуска к воспоминаниям», «Сектор учета потерянных имен», «Управление безопасных биографий», «Отдел проверки родственных связей».

Путешественник остановил женщину с бейджем «Отдел проверки точности сведений».

— Простите, где находится кабинет 13?

Женщина остановилась.

— В секторе один.

— А я сейчас в каком секторе?

— В переходном. Вам нужно вернуться к предыдущему следующему повороту.

— К какому?

— К тому, который вы уже прошли после того, как еще не дошли до него.

Она улыбнулась и продолжила путь.

Путешественник повернул назад. Через несколько минут он снова увидел тот же пластиковый цветок. Затем тот же кулер. Потом еще один такой же цветок. Он не был уверен, возвращается ли на прежнее место или Министерство просто закупило слишком много одинаковых ваз.

Коридоры пересекались, разветвлялись и снова соединялись. Некоторые заканчивались глухой стеной, возле которой висела табличка: «ПРОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ». Над одной дверью горела надпись «ВЫХОД», но за ней находился новый коридор.

Из-за других дверей доносились голоса.

— Кто может подтвердить, что ваша мать действительно ваша мать?

— Почему вы помните событие, отсутствующее в официальной хронике?

— С какой целью вы выбрали именно эту дату рождения?

— Где вы находились между собственным рождением и моментом его регистрации?

— Согласны ли вы отказаться от воспоминания, создающего расхождение?

Иногда после вопроса наступала долгая тишина.

Потом раздавался звук печати.

Кабинет 13 Путешественник нашел случайно. Он находился в конце коридора, который пять минут назад заканчивался стеной. За белым столом сидел человек в темно-синем костюме. На его бейдже было написано: «Отдел приведения личности в соответствие». Стены кабинета были такими же светлыми, как стены коридора. Мебель состояла из стола, двух стульев и металлического шкафа. На подоконнике стояло растение с одинаковыми зелеными листьями, будто перед посадкой его согласовали с Министерством.

— Садитесь, — сказал служащий. — Назовите регистрационное имя.

Путешественник назвал свое имя.

Человек в темно-синем костюме поморщился, словно услышал слово, которое не принято произносить в государственных учреждениях.

— Повторите медленнее.

Путешественник повторил.

Служащий открыл толстую книгу, затем другую. Проверил компьютер. Перелистал несколько списков. Заглянул в ящик стола и почему-то под стол. Наконец он развел руками.

— Ваше существование не зарегистрировано.

— Я сижу перед вами.

— Физическое присутствие не является достаточным основанием для юридического существования.

Путешественник показал на свое лицо.

— Вот я.

— Лицо может принадлежать кому угодно.

— Я помню свою жизнь.

— Память не относится к документам строгой отчетности.

— У меня есть имя!

— Вы только что произнесли набор звуков, отсутствующий в Реестре допустимых граждан.

— Значит, если моего имени нет в реестре, меня нет?

— Не совсем. Вас нет правильно.

Служащий придвинул к нему анкету. В верхней части было напечатано: «Заявление о добровольном приведении личности в соответствие». Ниже находился перечень разрешенных имен.

Это были не имена в привычном смысле. Не слова, которыми родители называют ребенка, представляя его будущее. Они ничего не говорили о семье, происхождении или человеке, которому принадлежали. Они обозначали состояние, функцию или степень удобства.

Порядок.

Норма.

Допуск.

Учет.

Покой.

Согласие.

Тишина.

Ровность.

— Это не имена, — сказал Путешественник.

— В Заперти это имена. Хорошее имя не должно содержать сведений, которые невозможно проверить.

— А как различать людей, если нескольких называют одинаково?

— По номеру.

— У меня будет номер?

— Разумеется.

— Тогда зачем имя?

Служащий впервые поднял на него глаза.

— Чтобы гражданин не чувствовал себя номером.

Путешественник еще раз посмотрел на список.

— Я не хочу менять имя, — сказал Путешественник.

— Вы не можете его поменять.

— Тогда зачем анкета?

— Чтобы получить новое.

— Но мое старое имя принадлежит мне.

— Это утверждение требует подтверждения владельца.

— Я владелец.

— Подтвердите.

— Чем?

— Документом.

— Документ забрали.

— В таком случае право владения именем не установлено.

Путешественник посмотрел на анкету.

— А старое имя?

— Его придется сдать.

— Куда?

— В камеру хранения.

— Можно будет забрать его позже?

Служащий немного подумал.

— Теоретически все можно забрать позже. Практически слово «позже» не является установленным сроком.

Он провел пальцем по списку и остановился на слове «Порядок».

— Это вам подойдет.

— Почему?

— Вы задаете много вопросов. Иногда имя назначают не по сходству, а для исправления недостатка.

— У меня это слово не вызывает ощущения, что речь идет обо мне.

— После привыкания такое ощущение исчезает.

Служащий поставил галочку.

НОВОЕ ИМЯ: ПОРЯДОК.

Рядом он вписал номер: 0-17-314.

— Что означает ноль?

— Категорию происхождения.

— Какую?

— Неустановленную.

— А семнадцать?

— Номер комнаты, в которой вас обнаружили.

— Триста четырнадцать?

— Порядковый номер Порядка.

Путешественник посмотрел на служащего.

— До меня было триста тринадцать человек с таким именем?

— До вас было зарегистрировано триста тринадцать единиц обозначения.

— Где они сейчас?

— В местах, соответствующих их текущему состоянию.

Следующий раздел анкеты назывался «БИОГРАФИЯ, НЕ СОЗДАЮЩАЯ ТРУДНОСТЕЙ».

Путешественнику предложили выбрать место рождения. В списке были только районы Заперти.

— Я родился не здесь.

— Неподтвержденное место рождения может быть признано слухом.

— Но я знаю, где родился.

— Знать недостаточно. Нужно, чтобы это знали мы.

— Вы хотите переписать мою жизнь?

— Мы хотим сделать ее пригодной для использования.

Служащий выбрал за него небольшой район под названием Тихий Берег.

— Хорошее место, — сказал он. — Там нет моря.

— Почему тогда он называется Берегом?

— Название осталось от старой версии географии.

Далее следовало выбрать профессию.

Путешественник рассказал, чем занимался раньше.

Служащий выслушал и покачал головой.

— Слишком много самостоятельных решений.

— Это была моя работа.

— В Заперти подобные занятия относятся к профессиям повышенной неопределенности.

— А что считается безопасной профессией?

Служащий раскрыл справочник.

— Учетчик закрытых дверей, помощник наблюдателя, специалист по переносу сроков, архивариус неподтвержденных сведений, контролер очереди, младший консультант по ожиданию.

— И что вы предлагаете?

— Вам уже назначена должность контролера очереди третьей категории.

— Я ничего не знаю об этой работе.

— Тем лучше. Вам будет проще следовать инструкции.

— А если я откажусь?

Служащий перевернул страницу.

— Отказ от назначенной занятости влечет прекращение временного проживания, талонов на питание, транспортного допуска и доступа к Единой информационной сети.

— У вас есть интернет?

— У нас есть Единая информационная сеть.

— Она соединена с внешним миром?

— Сеть содержит всю информацию, необходимую жителю Заперти.

— Это не ответ.

— Другого ответа сеть не содержит.

В анкете появилась новая строка: «ПРОФЕССИЯ: КОНТРОЛЕР ОЧЕРЕДИ ТРЕТЬЕЙ КАТЕГОРИИ».

Потом служащий исправил семейное положение, образование, адрес и даже любимое время года.

— Я люблю весну, — возразил Путешественник.

— Весна вызывает избыточные ожидания, — ответил служащий. — Вам назначена осень.

— А если я не соглашусь?

— Несогласие будет внесено в биографию.

— И что тогда?

— Биография перестанет быть безопасной.

Когда анкета была заполнена, служащий достал фотоаппарат.

— Смотрите прямо. Не улыбайтесь. Не хмурьтесь. Не выражайте прежнюю личность.

Вспышка осветила кабинет.

На фотографии Путешественник выглядел так, будто уже несколько лет жил в Заперти.

— Теперь подпись, — сказал служащий.

— Как мне подписаться?

— Новым именем.

— Я его еще не принял.

— Подпись и будет означать, что приняли.

Путешественник взял ручку, но не коснулся бумаги. В кармане он почувствовал сложенный билет, найденный ночью на платформе. Билет на Путь 0. Он провел пальцем по его краю и вспомнил слова незнакомца: «В первый день все думают, что главное — поскорее выбраться. Главное — понять, кто закрыл дверь».

— Мне нужно подумать, — сказал он.

— Для размышлений необходимо получить разрешение в кабинете 42.

— Где он находится?

— В другом здании.

— Я могу выйти?

— До завершения установления личности Вы не имеете права самостоятельно перемещаться.

— Тогда как попасть в другое здание?

— Получить временное право на перемещение.

— Где?

— В кабинете 42.

Служащий вздохнул.

— Чтобы ускорить процедуру, я могу оформить ваш отказ от размышлений. — Он протянул новый бланк.

Путешественник не успел ответить, как в коридоре раздался резкий звонок. Служащий встал.

— Технический перерыв. Оставайтесь на месте и не совершайте действий, способных подтвердить вашу самостоятельность.

Он вышел, оставив дверь открытой.

Путешественник некоторое время сидел неподвижно. Коридор за дверью был пуст. Музыка исчезла. Люминесцентные лампы едва слышно гудели, и впервые Министерство показалось не просто тихим, а покинутым.

Потом он услышал шорох. Звук доносился из вентиляционной решетки за металлическим шкафом. Сначала он напоминал движение бумаги. Затем в нем начали различаться голоса. Кто-то повторял имя. Кто-то называл улицу. Кто-то вспоминал запах дома, лицо матери, песню, дату рождения.

Путешественник отодвинул шкаф. За ним обнаружилась узкая дверь без таблички. Она была не заперта. За дверью начиналась лестница, уходившая вниз.

На нижнем этаже бежевый ковер закончился. Здесь пахло пылью, картоном и старой фотобумагой. Под потолком горели редкие лампы. Между высокими стеллажами тянулись узкие проходы. На полках стояли тысячи коробок. На каждой было написано имя. Не номер. Не функция. Не разрешенное обозначение. Имя, которое когда-то принадлежало человеку.

В коробках лежали паспорта, письма, школьные фотографии, детские рисунки, медицинские справки, открытки, дневники и ключи от квартир, которых, возможно, уже не существовало.

На одной из полок Путешественник увидел старое свадебное фото. Лицо женщины было аккуратно вырезано, но на обороте сохранилась надпись: «Чтобы ты всегда помнила, кто ты». Рядом лежал прежний паспорт человека. Поверх него находилось удостоверение гражданина Заперти. В графе «Имя» было написано: «**Тишина**».

Дальше стояли десятки таких пар. Старое имя. Новое имя. Прежнее лицо. Исправленная жизнь.

Так Путешественник понял, что Министерство не уничтожало личности. Оно сохраняло их.

Власти Заперти вообще редко уничтожали то, что запрещали. Уничтоженное невозможно контролировать. Поэтому опасные слова помещали в архивы, закрытые книги оставляли в каталогах, а потерянные имена складывали в коробки. Система хотела точно знать, где находится все то, чего официально не существует.

Путешественник шел вдоль стеллажей. Голоса становились громче. Конечно, коробки не могли говорить. В них шуршала бумага. Между стеллажами работала вентиляция, на крышках оседала пыль. Но ему казалось, что имена разговаривают друг с другом. Они напоминали о себе. Называли тех, кому когда-то принадлежали. Просили не путать их с теми словами, которые теперь стояли в документах.

На дальнем стеллаже находились коробки, еще не покрытые пылью. Путешественник остановился. Перед ним стояла серая папка, перевязанная черной лентой. На этикетке значилось его настоящее имя — без ошибок, сокращений и исправлений. Ниже стояла дата.

Путешественник прочитал ее один раз. Потом еще раз. Папка была заведена за семь лет до его прибытия в Заперти.

Внутри лежала фотография. На ней он стоял возле вокзала в Городе у моря. Фотография была сделана несколько лет назад. Он помнил тот день, но не помнил человека, который мог его сфотографировать. Под снимком находилась копия его паспорта, который забрал проводник. Дальше лежал список поездок, адресов, мест работы и людей, с которыми он встречался.

На последнем листе было напечатано: «ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ДАТА ПРИБЫТИЯ: не установлена».

Строку перечеркнули от руки и написали: «Прибыл. Путь 0».

Путешественник достал билет. Почерк был тем же. Под листом лежала небольшая служебная карточка: «После оформления направить в Управление регулируемых очередей. Предоставить доступ к Единой информационной сети первого уровня. Наблюдение поручить наставнику Норма 12-08».

Сзади раздались шаги. В конце прохода стоял человек в темно-синем костюме с бейджем «Отдел приведения личности в соответствие».

— Архив закрыт для посетителей, — сказал он.

Путешественник прижал фотографию к груди.

— Почему на папке мое имя?

— Здесь много имен.

— Почему папка была заведена семь лет назад?

— Министерство работает с опережением.

— Вы знали, что я приеду?

— Мы знали, что вы можете оказаться там, где окажетесь.

— Кто собирал сведения обо мне?

— Сведения собираются сами, когда человек ведет себя достаточно заметно.

— Зачем вам моя жизнь?

Служащий подошел ближе.

— Ваша прежняя жизнь не соответствует условиям пребывания в Заперти. Мы предлагаем более удобную.

— Удобную для кого?

— Удобство гражданина определяется удобством государства.

Он протянул руку.

— Верните папку на место, — потребовал служащий. — Она не должна находиться у Вас без разрешения.

Путешественник посмотрел на архивную папку. Выйти с ней из Министерства он не мог, спрятать ее было невозможно. Он положил фотографию обратно в папку. Между листами лежал небольшой листок. Его он незаметно сложил и спрятал в рукав. Затем вернул папку служащему.

— Пойдемте. Ваши документы готовы.

— А если я не подпишу?

— Тогда в восемнадцать часов вы лишитесь гостиничного номера.

— Я найду другое место.

— Для аренды требуется регистрация.

— Я могу остаться на вокзале.

— Нахождение на вокзале после окончания последнего ожидания разрешено только пассажирам с документами.

— Я могу работать без паспорта.

— Получение заработной платы лицом без личности считается незаконным обогащением.

— А еда?

— Покупка продуктов требует платежной карты.

— А карта?

— Выдается после регистрации занятости.

Служащий посмотрел на Путешественника почти сочувственно.

— Мы не принуждаем вас существовать. Мы лишь сообщаем о последствиях отсутствия.

Они поднялись наверх. На столе лежал новый паспорт. Обложка была бордовой. На ней находился герб Заперти — дверь, закрытая на замок.

Путешественник открыл документ. С фотографии смотрел он. Но в графе «Имя» было напечатано: «Порядок». Ни фамилии, ни отчества не было. Ниже стоял личный номер: 0-17-314.

Место рождения: Тихий Берег.

Образование: достаточное.

Семейное положение: не вызывает вопросов.

Место работы: Управление регулируемых очередей.

Профессия: контролер очереди третьей категории.

Особые отметки: склонен к временному несоответствию.

На следующей странице стоял штамп: «ЛИЧНОСТЬ ВЫДАНА ВО ВРЕМЕННОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ».

— А моя настоящая жизнь? — не сдавался Путешественник.

— Хранится в надлежащих условиях.

— Я смогу вернуть ее?

— После окончания срока хранения.

— Когда он заканчивается?

— Когда имя перестает быть необходимым архиву.

Служащий положил перед ним анкету. Внизу оставалось место для подписи. Путешественник долго смотрел на пустую строку. Он не принимал имя Порядок. Не соглашался с биографией. Не признавал Тихий Берег местом своего рождения и не собирался считать осень любимым временем года. Но за пределами Министерства его ждали голод, улица и невозможность сделать хоть один шаг без документа.

Он взял ручку. Вместо подписи провел короткую черту.

— Это не подпись, — заметил служащий.

— Это все, что я готов оставить вам добровольно.

Служащий посмотрел на линию, затем поставил рядом печать.

— Любая отметка признается согласием после заверения.

Он протянул паспорт.

Вместе с документом Путешественнику выдали регистрационную карточку, временную платежную карту, разрешение на проживание в гостинице при вокзале, три талона на питание и направление на работу.

На направлении было написано:

«Управление регулируемых очередей. Явиться не позднее начала следующего рабочего периода.

Неявка является добровольным отказом от заработной платы, питания, проживания и доступа к Единой информационной сети».

В нижней части стояла подпись будущего наставника: Норма 12-08.

Теперь Путешественник официально существовал — под словом, которое прежде обозначало состояние вещей, а теперь должно было обозначать его.

Перед выходом служащий выдал ему тонкую пластиковую карточку с чипом и номером 0-17-314.

— Что это?

— Карта сетевого доступа. В гостинице выберите служебную сеть Wi-Fi и приложите карточку к задней панели телефона. Телефон получит официальный профиль и доступ первого уровня.

— И после этого я смогу написать человеку за пределами Заперти?

Сотрудник Отдела приведения личности в соответствие впервые улыбнулся.

— Вы сможете пользоваться всеми разрешенными средствами общения.

— А запрещенными?

— Запрещенные средства не существуют. Если ими кто-то пользуется, он перестает существовать вместе с ними.

На улице уже горели фонари. Значит, согласно правилам Министерства, наступила официальная темнота.

Путешественник вернулся в гостиницу. На стойке он предъявил новый паспорт. Служащая внимательно посмотрела на документ, затем на его лицо.

— Порядок ноль семнадцать триста четырнадцать?

Он не ответил.

— Это вы?

— На фотографии я.

Она удовлетворенно кивнула.

— Этого достаточно.

Ему выдали ключ от комнаты, талон на ужин и памятку: «Как правильно привыкнуть к новой личности».

В комнате Путешественник запер дверь и достал из рукава листок, найденный в папке. Это была копия служебной записки. Большая часть текста была зачеркнута. Сохранилось только несколько строк:

«Объект сохраняет прежнее имя. Выражена склонность к поиску внешних каналов связи. Возможна попытка доступа к Пути 0. После прибытия присвоить обозначение Порядок. Направить в Управление регулируемых очередей. Наблюдение поручить наставнику Норма 12-08. Не допустить встречи с первоначальным носителем обозначения».

Ниже стояла подпись. Путешественник узнал ее. Та же подпись стояла на билете, найденном на ночной платформе.

Путешественник открыл новый паспорт. Порядок. Затем достал блокнот и сделал вторую запись:

«Сегодня мне выдали доказательство того, что я существую. Для этого пришлось согласиться, что я родился в месте, которого никогда не видел, получил образование, которого у меня не было, и работаю там, где еще не появлялся. Мое настоящее имя хранится в коробке под Министерством соответствия. Они знали его задолго до моего приезда.

В Заперти граждан называют не именами, а словами. Порядок. Норма. Допуск. Учет. Покой. Будто человек — это не человек, а состояние, которого от него ожидают.

Теперь меня зовут Порядок.

Но самое странное не это.

В служебной записке говорится о первоначальном носителе этого обозначения. Значит, Порядок — не просто слово, выбранное для меня чиновником. Кто-то уже носил его до моего появления. И, возможно, он знает, зачем я оказался в Заперти».

Путешественник достал телефон. В списке доступных сетей появилось новое название: «Служебная сеть - гостиница». Еще утром телефон не видел здесь ничего, кроме пустого индикатора связи.

Он выбрал сеть. На экране появилось сообщение: «Для подключения приложите карту сетевого доступа». Путешественник поднес пластиковую карточку к задней панели телефона. Телефон завибрировал. Через несколько секунд на нем установился служебный профиль: «Гражданин Порядок 0-17-314. Доступ первого уровня активирован».

Wi-Fi подключился. Путешественник открыл браузер и ввел название Города у моря. Страница долго загружалась, а затем сообщила: «Внешний мир не найден». Он перечитал ответ. Значок Wi-Fi оставался полным, будто связь была прекрасной. Просто вести ей было некуда. Путешественник хотел ввести другой запрос, но остановился. После произошедшего в Министерстве ему впервые пришло в голову, что поисковая строка может быть не только способом получить ответ. Он выключил телефон и убрал карточку в ящик.

За стеной гостиницы послышался тихий шорох. Возможно, работала система вентиляции. Возможно, потерянные имена разговаривали друг с другом. А возможно, одно из них пыталось предупредить Путешественника, что работа, назначенная ему Министерством, была не просто способом заработать на жизнь. Она была частью маршрута, который начался задолго до его прибытия.

Глава 3. Добровольное трудовое присутствие

После Министерства Путешественник решил не выходить на работу. Не то чтобы это было окончательным решением. В Заперти вообще трудно принимать окончательные решения: стоило человеку решить что-нибудь самостоятельно, как очень скоро выяснялось, что для этого существует какая-то форма, сроки, порядок рассмотрения и, конечно, ведомство, которое объяснит, почему решение было неправильным.

Поэтому Путешественник просто не пошел.

Направление в Управление регулируемых очередей лежало на столе рядом с картой сетевого доступа и памяткой «Как правильно привыкнуть к новой личности». Он несколько раз перекладывал его с места на место, будто расстояние между листом бумаги и краем стола могло как-то повлиять на обязательность явки.

На документе по-прежнему значилось:

ПОРЯДОК 0-17-314.

Контролер очереди третьей категории.

Наставник: Норма 12-08.

Каждое утро Путешественник просыпался в гостинице под нарисованным морем, смотрел на эту бумагу и находил новую причину оставить ее лежать. Ему хотелось сначала понять, где он находится. Разобраться, как устроен город. Найти хотя бы одну дорогу, которая ведет не к вокзалу. Узнать, существуют ли за пределами Заперти другие страны, тот самый Город у моря и люди, которые, вероятно, уже задались вопросом, почему он не приехал. Работа контролером очереди казалась среди этих задач наименее важной.

Заперти, впрочем, не настаивало.

Первые несколько рабочих периодов государство вообще никак не отреагировало на его отсутствие. И это настораживало. Путешественник уже понял: здесь система не любит спешки. Она не захлопывает дверь перед носом, а терпеливо ждет, пока ты сам не обнаружишь, что все остальные двери закрылись сами.

Дни, если их можно было так назвать, проходили почти одинаково. Путешественник выходил из гостиницы после условного утра и бродил по городу.

Заперти постепенно переставало казаться декорацией, построенной специально к его приезду. Здесь действительно жили люди. Они водили детей в школы, выгуливали собак, открывали магазины, спорили на остановках, опаздывали на работу и пили кофе из бумажных стаканчиков. На балконах сушилось белье, из окон доносился запах жареного лука, где-то чинили крышу. На площади у Министерства голуби безразлично клевали крошки под государственным девизом.

Обычная жизнь существовала здесь с таким упорством, что Путешественник иногда забывал, насколько странно все происходящее.

Потом мимо проходил человек с именем «Допуск». Или автобус сообщал, что «следует по маршруту до конечного пункта назначения в пределах разрешенного маршрута». Или на дверях книжного магазина попадалось объявление: «КНИГИ ВРЕМЕННО ДОСТУПНЫ ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ФАКТОМ ИХ НАЛИЧИЯ».

И Заперти снова становилось самим собой.

Путешественник изучал улицы. Ему по-прежнему казалось, что, если идти достаточно долго и не доверять указателям, однажды можно оказаться где-нибудь еще. Он даже начал рисовать собственную карту. Через несколько дней на ней появилось столько линий, возвращавшихся к Центральному вокзалу, что рисунок стал похож на паутину, в центре которой вместо паука находилась касса дальнего следования.

Он пытался пользоваться Единой информационной сетью. Телефон теперь исправно узнавал выданную Министерством карту. Стоило приложить ее к задней панели, как появлялся официальный профиль: «Гражданин Порядок 0-17-314. Доступ первого уровня».

Сам Wi-Fi работал безукоризненно. Индикатор всегда показывал максимальный сигнал. Страницы загружались быстро. Государственный поисковик отвечал уверенно и почти никогда не признавался, что чего-то не знает. Проблема была лишь в содержании ответов.

Город у моря по-прежнему не находился. При запросе названия страны, откуда приехал Путешественник, поисковик предлагал статью «Популярные заблуждения о географии».

Запрос «Что находится за пределами Заперти?» выдал обстоятельный текст о том, что за пределами любой территории находится другая территория, и подробное знание об этом не является необходимым условием комфортного пребывания на первой. Путешественник попробовал написать: «Как связаться с человеком за пределами Заперти?» Поисковик сообщил: «Для общения с людьми рекомендуется использовать разрешенные средства общения с людьми». Внизу предусмотрительно находилась кнопка «Ответ помог». Других кнопок не было.

Путешественник начал замечать, что цензура в Заперти редко выглядела как черный прямоугольник поверх запрещенного текста. Гораздо эффективнее было дать человеку ответ — длинный, аккуратно оформленный, грамматически правильный и совершенно бесполезный. Это создавало иллюзию, что информация есть, просто она какая-то не та.

Вскоре Заперти начало напоминать о работе, но очень деликатно.

Сначала Путешественник лишился завтрака. В гостиничной столовой все выглядело как обычно: под стеклом лежали яйца, хлеб, каша, три одинаковых вида сыра под разными названиями, из кофемашины доносился привычный гул. За столиками сидели жильцы, многие уже в рабочей одежде, и ели с тем особым сосредоточенным видом, который появляется у людей, получающих пищу не потому, что они ее заказали, а потому, что она им положена.

Путешественник протянул талон. Женщина за стойкой провела им по считывателю, но аппарат коротко пискнул и выплюнул талон обратно. На обороте появилась красная строка: «ПИТАНИЕ ВРЕМЕННО ПРИОСТАНОВЛЕНО В СВЯЗИ С ДОБРОВОЛЬНЫМ ОТСУТСТВИЕМ ТРУДОВОГО ПРИСУТСТВИЯ».

Женщина объяснила, что талон не аннулирован, просто временно перестал давать право на получение еды. Если отсутствие на работе было недобровольным, Путешественник мог подтвердить уважительную причину. В таком случае вопрос будет рассмотрен после восстановления его трудового статуса.

Объяснение было произнесено доброжелательно, почти заботливо.

Каша за стеклом медленно остывала. Путешественник ушел без завтрака.

На следующий день под дверью появилось письмо от гостиницы: «В связи с отсутствием подтвержденной занятости срок Вашего проживания изменен с временного неопределенного на временный сокращенный. Просим освободить комнату до наступления момента прекращения оснований для проживания, дата которого будет определена позднее». Особенно Путешественнику запомнилась фраза: «До получения уведомления о выселении просим не выселяться самостоятельно».

После этого начались проблемы с платежной картой. В маленьком продуктовом магазине возле вокзала Путешественник не смог купить хлеб и воду. Терминал долго обрабатывал операцию, затем сообщил: «ОПЕРАЦИЯ ОДОБРЕНА В ПРЕДЕЛАХ НЕДОСТУПНОГО ЛИМИТА».

— Почему операция одобрена, но я не могу заплатить? — спросил он у продавца.

— Потому что система не возражает против самой идеи покупки — она возражает против оплаты.

Через несколько дней телефон перестал подключаться к гостиничному Wi-Fi. Карта сетевого доступа все еще подтверждала личность Порядка 0-17-314, однако после короткой паузы телефон сообщал: «ПРАВО НА СЕТЕВОЙ ДОСТУП НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО». В официальном профиле появилась желтая строка: «СОЦИАЛЬНАЯ ПРИГОДНОСТЬ: ВРЕМЕННО НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА». Ниже мелкими буквами было написано: «Для восстановления полного объема добровольных возможностей необходимо выполнение обязательных условий».

Путешественник сидел на кровати и смотрел на эти слова. Пожалуй, именно тогда он окончательно понял принцип устройства Заперти. Здесь редко говорили «нельзя» — слово было слишком грубым. Вместо этого предлагали выбор: можно не работать, можно не принимать новое имя, можно отказаться от интернета. Можно даже, вероятно, попытаться прожить без документов. Но каждый «неправильный» выбор постепенно отключал человека от жизни: сначала завтрак, потом деньги, жилье, связь.

Свобода сохранялась полностью, пока ею не пытались воспользоваться.

На следующее утро Путешественник впервые за несколько дней достал из ящика направление на работу. Под подписью Нормы 12-08 стояла фраза: «Явиться не позднее начала следующего рабочего периода». Как именно определялся «следующий» после нескольких пропущенных, документ не уточнял. Путешественник решил, что это одна из тех неопределенностей, которой можно воспользоваться.

Он положил телефон и карту сетевого доступа в карман.

Билет на Путь 0 сначала оставил в блокноте, но у самой двери вернулся и забрал его.

***

Управление регулируемых очередей находилось в административной части города, куда Путешественник раньше не заглядывал. Улицы здесь были шире, здания — строже, а люди спешили. Почти все носили на груди служебные карточки. Даже деревья вдоль дороги были подстрижены одинаковыми прямоугольниками, словно кто-то решил, что свободно растущие ветви могут сбить граждан с правильного пути развития.

Само Управление занимало длинное шестиэтажное здание цвета старой бумаги. Над входом была высечена надпись: «ОЧЕРЕДЬ — ЭТО ПОРЯДОК, В КОТОРОМ НАДЕЖДА ПОЛУЧАЕТ НОМЕР». Из трех входных дверей работала только средняя. На левой висела табличка: «Вход временно перенесен». На правой — «Выход осуществляется после входа».

За дверями оказался просторный холл. Первое, что увидел Путешественник, — это люди. Их было невероятно много. Они стояли вдоль стен, между колоннами, на лестницах, возле окон и терминалов. Очереди, словно широкие реки, пересекали зал и уходили в коридоры. Где-то они раздваивались, где-то снова соединялись. На полу были начертаны разноцветные линии, но понять, какая из них относится к какой очереди, можно было лишь после изучения специальной схемы, возле которой, конечно же, тоже стояла очередь.

Люди явно готовились к долгому ожиданию: кто-то принес складной стул, кто-то — термос. Пожилой мужчина читал роман толщиной с кирпич и находился, судя по закладке, приближался к концу. Женщина возле окна вязала шарф. Он уже несколько раз обвился вокруг ножек стула и терялся где-то под соседней скамьей. Молодая пара держала ребенка, который, похоже, мог родиться уже после того, как родители заняли очередь.

На стене висели часы. Они шли. Это само по себе показалось Путешественнику подозрительным.

У входа стоял электронный терминал. Он приложил карту и выбрал пункт «Первичный выход на назначенную работу». Аппарат выдал талон А-741. На табло светилось А-126. Путешественник сначала решил, что ошибся очередью, и подошел к охраннику.

— Мне нужно на работу.

— Ожидайте ваш номер на табло.

— Но я сотрудник.

Охранник посмотрел на его талон.

— Пока нет. До оформления выхода на работу сотрудник считается посетителем. Дождитесь подтверждения, что имеете право стать сотрудником.

Так Путешественник впервые оказался в очереди на собственную работу.

Ожидание заняло чуть больше двух часов. За это время очередь продвинулась на несколько номеров, объявили технический перерыв, вернулись к прежнему номеру, затем сообщили о временном ускорении обслуживания, но следующие двадцать минут ничего не менялось.

Рядом с Путешественником сидел пожилой мужчина, выглядевший так, будто перестал следить за временем. Он ждал своей очереди на смену работы. Три года назад мужчина решил уйти с должности проверяющего заявления на смену работы. Первый год ушел на получение разрешения подать заявление. Второй — на проверку правильности самого намерения сменить работу. Теперь рассматривался вопрос, не приведет ли новая должность к необоснованному улучшению его положения. Он рассказывал все это спокойно, без всякого раздражения.

Путешественник подумал, что система победила не потому, что заставляла ждать, а потому, что превращала ожидание в часть жизни человека.

Когда на табло наконец появилось А-741, люди вокруг посмотрели на Путешественника почти с завистью.

— Быстро вам, — сказал пожилой мужчина.

— Я ждал два часа.

— Я и говорю.

Путешественник не сразу понял, шутит тот или нет.

За окном номер семь сидела женщина, чье рабочее место выглядело так, будто его фотографировали для инструкции: стопка документов была выровнена по краю стола, три карандаша лежали параллельно друг другу, рядом находилась прозрачная коробка со скрепками и наклейкой «УЧТЕНО: 48». Даже кружка стояла строго внутри нарисованного на столе круга.

Женщине было около тридцати пяти. Светлые волосы собраны в гладкий низкий пучок, темно-синий костюм застегнут на все пуговицы. Лицо у нее было спокойное, правильное, не холодное, но почти лишенное эмоций. Казалось, даже улыбка у нее появлялась только после внутреннего согласования.

На бейдже было написано: «НОРМА 12-08. Наставник по нормативной адаптации сотрудников».

Она подняла взгляд на Путешественника и сверила его лицо с экраном.

— Порядок 0-17-314?

Путешественник помедлил.

— Согласно документам.

— Согласно документам достаточно. Причина опоздания к началу трудовой деятельности?

— Я не хотел приходить, — честно ответил Путешественник.

Норма долго смотрела на графу в электронной форме и после небольшой паузы продолжила:

— «Не хотел» не является административной причиной. Причина должна описывать обстоятельства, а не личное отношение гражданина к ним.

Путешественник вздохнул.

— Что лучше написать?

— Правду, соответствующую допустимой формулировке.

— И как она звучит?

Норма впервые посмотрела на него чуть дольше обычного.

— «Не приступил к назначенной занятости вследствие недостаточного понимания преимуществ своевременного исполнения».

Норма протянула ему ручку.

Путешественник прочитал фразу дважды. Она была удивительно точной. За последние дни он начал понимать преимущества своевременного исполнения гораздо лучше.

Путешественник подписал. Норма поставила печать. Статус занятости Путешественника стал активным. Телефон в кармане тут же завибрировал — с платежной карты частично сняты ограничения. Заперти встречало блудного сына.

Норма наблюдала за этим с едва заметным удовлетворением. Она не казалась злой или властной. Напротив, в ее поведении было что-то почти успокаивающее. Она искренне верила, что система только что исправила недоразумение. И это настораживало. Путешественник уже встречал людей, которые боялись правил. Тех, кто приспособливался к ним. Тех, кто ненавидел их, но молчал. Норма принадлежала к другой категории. Для нее правила были естественным порядком вещей, вроде силы притяжения.

Она провела Путешественника на второй этаж. Там располагался рабочий зал, занимавший почти все крыло здания. Высокие потолки украшали длинные лампы холодного света. Воздух был наполнен запахами бумаги, пыли, нагретой электроники и растворимого кофе. Вдоль стен стояли пластиковые стулья, многие из которых потеряли первоначальный цвет. На колоннах висели экраны с номерами. Где-то непрерывно пищали терминалы, где-то штамповали документы, а сотрудники негромко повторяли гражданам одни и те же формулировки.

Здесь существовало пять основных очередей: первая — на смену назначенной работы, вторая — на разрешение приобрести товар внешнего происхождения, третья — на поездку, четвертая — на улучшение жилищных условий, пятая — на доступ ко второму уровню Единой информационной сети.

Последняя очередь была самой короткой — всего четыре человека. Путешественник предположил, что она движется быстрее. Норма объяснила, что дело не в скорости: просто здесь чаще отказывают.

Она вручила ему папку с надписью: «ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЖИДАНИЯ. КРАТКАЯ ВЕРСИЯ. ТОМ 1 ИЗ 4». Полная версия состояла из одиннадцати томов.

Правила оказались очень подробными.

Очередь численностью менее трех человек официально не считалась очередью, поэтому одиночного посетителя нельзя было обслужить — у него еще не существовало определенного места относительно других ожидающих.

Гражданин, покинувший очередь, считался добровольно отказавшимся от услуги. Для выхода в туалет требовалась «форма санитарного отсутствия». Ее выдавали в другом секторе, поэтому получать ее следовало заранее, до возникновения физиологической необходимости.

Каждому человеку в очереди был отведен прямоугольник на полу. Выход за переднюю границу назывался преждевременным продвижением. За заднюю — отставанием от коллективного ожидания. Слишком большое расстояние между людьми считалось разрывом очереди. Слишком маленькое — попыткой несанкционированного сближения. Разговоры разрешались, пока они не создавали впечатления общего недовольства. Сидеть на полу запрещалось. Спать стоя разрешалось при условии сохранения вертикального участия в процессе ожидания.

— А что именно делает контролер? — спросил Путешественник.

— Следит за соблюдением порядка.

— Люди и так стоят.

— Именно поэтому необходимо следить, чтобы они продолжали стоять правильно.

Норма привела его к небольшому рабочему месту между первой и второй очередью. Перед ним находились терминал и три кнопки: красная — для фиксации нарушения, желтая — для фиксации возможного нарушения, зеленая — для фиксации отсутствия нарушения. Последнюю требовалось нажимать каждые десять минут. В правом верхнем углу шел таймер.

— А если я забуду? — поинтересовался Путешественник.

— Отсутствие подтверждения отсутствия нарушения считается возможным нарушением. Я обязана сообщить.

Она произнесла это без угроз. Так же, как могла бы сказать, что обязана выключить свет, уходя из комнаты.

— Вы действительно сообщаете обо всех нарушениях?

— Если они подлежат сообщению.

— Даже о мелких?

— Размер нарушения определяется не мной.

— А если правило бессмысленное?

На этот раз Норма ответила не сразу.

— Смысл правила не входит в должностные обязанности исполнителя.

Тогда Путешественник впервые почувствовал, что спорить с Нормой бесполезно. Тот абсурд, который он видел, для нее абсурдом не являлся. Она не защищала систему. Система жила внутри ее логики.

Первые часы работы шли медленно. Перед Путешественником стояла очередь на смену занятости, которая почти не двигалась.

Люди привыкли к этому настолько, что превратили ожидание в отдельную форму существования. Одна женщина читала газету, аккуратно складывая уже прочитанные страницы под локоть. Молодой парень за ноутбуком делал шаг вперед вместе со стулом. Пожилой мужчина принес с собой маленькую подушку для поясницы и домашние бутерброды. Некоторые люди приветствовали друг друга, спрашивали, не продвинулось ли дело, делились слухами о сотрудниках за окнами, давали советы новичкам, в какую очередь лучше не вставать перед обедом. Путешественник заметил, что человек может прийти один, а через несколько месяцев обрести здесь круг знакомых. Возможно, именно поэтому Управление не любило быстрых решений — очередь была своего рода социальной средой.

Первое нарушение произошло, когда мужчина примерно двадцатый по счету вышел из своего размеченного прямоугольника, чтобы размять затекшую ногу. Терминал немедленно сообщил: «ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ОСИ ОЖИДАНИЯ: 34 СМ». Путешественник попросил его вернуться. Мужчина без вопросов сделал шаг назад. На этом Путешественник счел вопрос исчерпанным, но желтая кнопка продолжала мигать. Норма, наблюдавшая за происходящим с соседнего стола, пояснила, что исправление нарушения не отменяет факта его существования. Предупреждение необходимо было зарегистрировать. Мужчина получил уведомление на телефон, но даже не взглянул на него.

Позже женщина из очереди спросила, сколько ей еще ждать. Путешественник честно признался, что не знает, но Норма мягко поправила его и сообщила посетительнице: «Ожидание продолжается в пределах установленной неопределенности». Женщина поблагодарила. Когда она ушла, Путешественник долго смотрел ей вслед.

В Заперти люди, похоже, легче переносили неопределенность, если она была официально установлена.

К полудню окно по смене работы закрылось, а очередь осталась. Из объявления следовало, что сотрудник отправился на заседание Комиссии по сокращению времени ожидания. Путешественник посмотрел на десятки людей, которые продолжали стоять перед пустым

окном. Норма объяснила, что сама очередь работу не прекращала: окно и очередь — разные структурные единицы.

В этот момент где-то наверху чиновники обсуждали, как сделать ожидание короче, а внизу граждане ждали окончания этого обсуждения.

Путешественнику показалось, что он начинает понимать суть Заперти: решение проблемы требовало временно увеличить саму проблему, чтобы освободить время на совещание по ее решению.

Около полудня один из терминалов погас. Затем второй. На третьем появилось сообщение: «ВАШЕ ОЖИДАНИЕ ВРЕМЕННО НЕДОСТУПНО. ПРОДОЛЖАЙТЕ ОЖИДАТЬ». Люди в очередях почти не обратили внимания, лишь несколько человек подняли головы.

Норма вызвала службу технической поддержки. Через несколько минут в конце зала появился человек, который совершенно не вписывался в интерьер Управления. Он был примерно такого же возраста, как и Путешественник. Темные волосы торчали в разные стороны, словно расческа уже давно прекратила попытки договориться с ними. Серая служебная рубашка была расстегнута у воротника, рукава закатаны. Вместо положенных ботинок — потертые черные кеды. На шее болтался бейдж: «СБОЙ 4-04. Техническая служба. Сектор устранения непредусмотренного поведения оборудования». В одной руке Сбой держал набор инструментов, в другой — кружку с надписью: «СИСТЕМА РАБОТАЕТ». Слово «РАБОТАЕТ» было перечеркнуто черным маркером.

Он присел у терминала, некоторое время молча смотрел на сообщение, затем открыл боковую панель. Норма напомнила ему о нормативном времени ремонта и о том, что физическое воздействие на оборудование не входит в утвержденные методы диагностики. Сбой посмотрел на нее с выражением лица человека, который слышал это уже не раз. Потом ударил ладонью по корпусу. Экран погас. Включился снова. Очередь возобновилась.

— Готово, — сообщил Сбой. — Диагностика завершена.

— Наличие результата еще не является диагностикой, — заметила Норма.

— Вот поэтому я предпочитаю компьютеры, — сказал он, впервые посмотрев на Путешественника. — Они хотя бы иногда признают факт существования результата.

Норма представила нового сотрудника. Услышав имя, Сбой едва заметно приподнял бровь.

— Порядок? Seriously?

— Не по своей воле.

На лице Сбоя появилась первая настоящая улыбка, которую Путешественник увидел в этом здании.

— Это самая распространенная причина для имени.

Норма нахмурилась.

— Имя присваивается в соответствии с установленной процедурой.

— Именно это я и сказал.

Сбой протянул руку. Путешественник пожал ее. Обычное рукопожатие. Пожалуй, первое нормальное человеческое действие за все время пребывания Путешественника в Заперти. Никто не попросил подтвердить право на рукопожатие.

В обеденный перерыв Норма отвела Путешественника в столовую.

Помещение находилось в подвале. Белая плитка, длинные столы, металлические подносы и запах вареной каши создавали ощущение школьной столовой, которую построили взрослые, чтобы никогда не вспоминать детство с теплотой.

Перед входом было два турникета: один предназначался для сотрудников, отработавших до обеда, второй — для тех, кто продолжит работу после обеда. Путешественник формально подходил под обе категории. Второй турникет его не пропустил, поскольку будущую занятость

нельзя было подтвердить. Первый открылся. Норма восприняла это как доказательство того, что система безошибочно определила правильный вариант.

В столовой выдавали два вида обеда: стандартный и улучшенный стандартный.

— В чем разница? — спросил Путешественник.

Женщина на раздаче показала две тарелки. На обеих лежала одинаковая каша.

— В улучшенной стандартной порция больше.

Путешественник присмотрелся.

— Где?

— В учете.

Он взял стандартную.

Сбой сидел у окна. Перед ним стояла чашка настоящего кофе. Не того бледного напитка из автомата, а темного, густого, пахнущего так сильно, что Путешественник вспомнил вокзалы из другой жизни.

Норма сразу заметила отсутствие кофе в утвержденном меню. Сбой накрыл чашку ладонью.

— Теперь его нет.

Норма посмотрела на него долгим взглядом, но ничего не ответила.

Путешественник сел рядом. Вблизи Сбой еще меньше походил на обычного служащего. На пальцах следы припоя. На запястье тонкий шрам. Из нагрудного кармана торчала флешка, на которой маркером было написано «НЕ ОТКРЫВАТЬ». Именно поэтому Путешественник сразу захотел узнать, что на ней.

— Давно ты здесь работаешь? — спросил он у Сбоя.

— Достаточно, чтобы техника перестала меня бояться.

— А до этого?

Сбой постучал пальцем по бейджу.

— У гражданина есть только подтвержденная биография.

Норма одобрительно кивнула.

Сбой подождал, пока она отвернется к окну выдачи салфеток, и тихо добавил:

— А неподтвержденная намного интереснее.

— У меня на телефоне служебный профиль, — сказал Путешественник. — Связь есть, но внешний мир словно вырезан из пространства.

Сбой долго размешивал кофе, хотя сахар туда не добавлял.

— Первый уровень — не интернет, — сказал он наконец. — Это коридор с окнами, на которых нарисованы пейзажи.

Норма, сидевшая напротив, поправила его:

— Единая информационная сеть обеспечивает граждан утвержденным объемом цифровых услуг.

Сбой кивнул.

— Видишь? Даже она не назвала это интернетом.

Путешественник улыбнулся. Норма — нет. Она не обиделась и не разозлилась. Просто отметила неточность в разговоре и исправила ее.

Путешественник поинтересовался, можно ли удалить служебный профиль с телефона. Сбой впервые стал серьезным. Он взглянул сначала на устройство, потом на камеры под потолком. И ответил только:

— Официально — нет.

Норма молча продолжала есть.

Путешественник заметил это маленькое слово «официально». Оно прозвучало почти незаметно. Но в Заперти иногда одного слова было достаточно, чтобы в стене появилась щель.

После обеда Путешественник узнал, как Управление оценивало собственную работу. На служебной панели отображались показатели эффективности: очередь на смену назначенной работы — девяносто шесть процентов, на разрешение приобрести товар внешнего происхождения — девяносто восемь процентов, на поездку — девяносто девять процентов, на улучшение жилищных условий — девяносто четыре процента. Очередь на повышение уровня сетевого доступа демонстрировала идеальные сто процентов.

Путешественник был впечатлен ровно до того момента, пока не открыл статистику выданных разрешений: за день три человека смогли сменить работу, один получил право приобрести импортный товар, двум улучшили жилищные условия, никому не разрешили поездку и не повысили уровень доступа к сети.

Норма объяснила, что эффективность рассчитывается не по количеству решенных вопросов, а по стабильности процесса ожидания. Если очередь не распалась, значит, система работала. Путешественник какое-то время молча смотрел на экран. Получалось, что государственное учреждение работало почти безупречно именно потому, что почти никому не помогало. Если бы все посетители получили желаемое и разошлись, Управлению просто нечего было бы регулировать. На этот случай, как заметила Норма, вероятно, пришлось бы создавать подразделение по контролю отсутствия очередей.

Путешественник решил больше ничего не спрашивать, потому что некоторые ответы в Заперти были опаснее вопросов.

В конце рабочего периода к столу Путешественника подошла женщина лет шестидесяти, которая уже давно стояла в первой очереди. Он заметил ее еще утром: высокая, в старом темном пальто, с папкой, края которой растрепались от постоянного перелистывания. Она хотела сменить работу. Много лет женщина работала ночным сортировщиком дневных заявлений. Теперь же хотела перейти на должность дневного сортировщика ночных. Причина была простой: с возрастом ей все тяжелее было не спать по ночам.

Ей отказали. В официальном ответе говорилось: «Заявителем не доказано отсутствие необоснованной выгоды от изменения условий занятости». Путешественник сначала решил, что это какая-то ошибка. Но Норма подтвердила правильность формулировки. Сотрудника могли перевести на другую должность только в случае, если новое место не давало ему неоправданных преимуществ по сравнению с прежним. А сон по ночам считался естественной физиологической потребностью и, по инструкции, не мог сам по себе служить основанием для административного улучшения условий.

Женщина выслушала объяснение без малейшего удивления. Похоже, для нее это не было новостью. Она аккуратно положила документ обратно в папку и вернулась в очередь. Путешественник смотрел, как ее маленькая фигура затерялась между двумя людьми.

В этот момент абсурд впервые перестал быть смешным. Он понял, что над инструкцией можно смеяться, пока она существует только на бумаге. Другое дело, когда внутри инструкции оказывается живой человек, которому завтра снова выходить в ночную смену.

Путешественник спросил Норму, не жалко ли ей эту женщину. Норма не сразу поняла вопрос. Не потому, что была бессердечной, а потому, что в ее мире жалость и решение находились в разных плоскостях. Она могла сочувствовать человеку и при этом считать естественным исполнение правила, которое делало ему хуже.

— Мое отношение не меняет процедуру, — сказала она наконец. — Если каждый сотрудник начнет менять правила в зависимости от того, кого ему жалко, правила перестанут быть одинаковыми для всех.

Пожалуй, это был первый ее ответ, в котором Путешественник не услышал ничего странного. И именно поэтому он запомнил его особенно хорошо. Норма верила в равенство правил для всех и не задумывалась о том, что сами правила могут быть несправедливыми.

Возможно, однажды именно эта вера сделает ее опасной.

В конце смены Путешественник заполнял отчет, состоявший из пунктов: количество нарушений, количество предупреждений, количество подтверждений отсутствия нарушений, число граждан, задававших вопросы о сроках ожидания, число проявлений нетерпения, количество случаев «необоснованной надежды на положительный исход». Последний особенно его заинтересовал. Норма объяснила, что необоснованную надежду можно определить по нескольким признакам: повышенной заинтересованности в движении очереди, излишне оптимистичной интонации и в отдельных случаях улыбке. Путешественник поставил ноль. На вопрос «Выполняла ли регулируемая очередь свою функцию?» он отметил «да». Терминал ответил: «СПАСИБО. ВАША РАБОТА ПОМОГАЕТ ГРАЖДАНАМ ЖДАТЬ ЛУЧШЕ».

Путешественник выключил терминал.

— Все?

— Нет, — сказала Норма. — Теперь необходимо подтвердить завершение рабочего периода.

— Где?

— На первом этаже.

— Очередь?

— Разумеется.

Очередь сотрудников на подтверждение окончания работы двигалась быстрее утренней. Всего сорок минут. Когда Путешественник приложил карту к терминалу, телефон завибрировал: «ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ПЕРИОД ЗАВЕРШЕН». Следом вернулись все маленькие привилегии нормальной жизни: питание, проживание, платежная функция, доступ к сети.

Путешественник смотрел на уведомления и думал, насколько мало требуется, чтобы человек почувствовал благодарность системе. Сначала у него что-нибудь отнимают, потом возвращают. И возвращенное внезапно начинает казаться подарком.

Норма застегнула пальто. Она выглядела так же аккуратно, как утром, только под глазами появилась едва заметная усталость. Путешественник спросил, всегда ли она соблюдает все правила. Она спокойно ответила:

— Стараюсь.

Это «стараюсь» понравилось ему больше, чем ожидаемое «да». В нем впервые появилась маленькая человеческая трещина. Но следующая ее фраза поставила все на место.

— И вам советую. Тогда у системы не будет причин вами интересоваться.

Она пожелала ему хорошего установленного отдыха и ушла. Путешественник проводил ее взглядом. Только через несколько секунд он задумался, что последняя фраза прозвучала двусмысленно. Возможно, Норма просто дала обычный совет новичку, а возможно, предупреждала. Пока он не мог понять разницу.

Путешественник обнаружил Сбой возле открытого технического шкафа в самом конце коридора. Большинство сотрудников уже разошлись. Здание изменилось, опустело. Без людей огромный зал казался декорацией, оставшейся после спектакля. По полу тянулись пустые прямоугольники ожидания, в полумраке светились экраны. В вентиляции ровно и глухо шумел воздух.

Сбой сидел прямо на полу, скрестив ноги, и работал с небольшим служебным планшетом. Рядом лежали отвертки, провода и разобранный терминал. На вопрос, почему он все еще здесь, Сбой ответил, что несколько сотрудников, по мнению системы, не завершили рабочий период. На самом деле они ушли домой, но их выход не зарегистрировался. Следовательно, с точки зрения системы они продолжали работать. Если это не исправить, утром сотрудники не смогут попасть в здание, потому что невозможно прийти туда, откуда ты не уходил.

— И что ты делаешь?

Сбой поднял планшет.

— Отправляю их домой задним числом.

Путешественник усмехнулся. Сбой тоже. Разговор с ним шел легче, чем с большинством жителей Заперти. Не приходилось вылавливать смысл из сухих официальных формулировок. Сбой говорил коротко не из осторожности, а потому, что считал лишние действия пустой тратой ресурсов.

На экране мелькали служебные таблицы. Путешественник заметил собственное имя: ПОРЯДОК 0-17-314. Сбой прокрутил список назад.

— Поздравляю. Сегодня ты провел на рабочем месте семь часов сорок три минуты.

— Мне показалось, дольше.

— Это потому, что субъективное время не прошло сертификацию.

Он уже тянулся закрыть карточку, но в верхней части экрана мелькнула строка: «ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ НАБЛЮДЕНИЯ». Путешественник попросил открыть их. Сбой сразу перестал улыбаться. В коридоре были камеры видеонаблюдения. Он глянул на ближайшую, затем на отражающее стекло двери. Не отказывая напрямую, он заметил, что не всякое любопытство стоит удовлетворять на рабочем месте. Путешественник вспомнил архив, свою папку, фотографию, служебную записку с отметкой «Наблюдение поручить наставнику Норма 12-08» и все же настоял. Сбой несколько секунд изучал его лицо, поднялся и выключил свет в технической зоне.

— Лампу меняем, — сообщил он.

— Но она же работала.

— Поэтому никто не ждет, что мы будем ее менять.

Технический планшет остался единственным источником света. В полумраке лицо Сбоя изменилось. Исчезла привычная ухмылка. Перед Путешественником впервые был не просто человек, который чинит терминалы ударами, а специалист, хорошо понимающий устройство системы. Его пальцы быстро забегали по клавиатуре. На экране одно за другим открывались служебные окна. Один отказ в доступе. Второй.

Сбой недовольно поморщился.

— Хорошо защищено?

— Нет. В этом и проблема. Хорошую систему легко понять. Плохую иногда невозможно взломать только потому, что никто, включая ее создателей, не понимает, почему она вообще работает.

Еще несколько команд, и на экране появилась карточка Путешественника. Фотография. Порядок 0-17-314. Место проживания. Управление регулируемых очередей. Наставник — Норма 12-08. Сетевой доступ — первый уровень. Ниже находилась строка: «Зафиксированные запросы повышенного внимания: 2». По спине Путешественника пробежал неприятный холодок. Два запроса: Город у моря и вопрос о том, что находится за пределами Заперти. Их не просто блокировали, их записывали.

Сбой заметил выражение его лица.

— Никогда не считай поисковую строку местом, где ты разговариваешь только с машиной.

Ниже находилось закрытое поле. Сбой попробовал открыть его. «НЕДОСТАТОЧНЫЙ УРОВЕНЬ ДОСТУПА». Это заинтересовало уже и его. Он сменил один служебный профиль на другой, потом третий. Путешественник едва успевал следить за движениями его рук.

— Ты хакер? — спросил он.

Сбой не отрывался от экрана.

— В Заперти нет хакеров.

— Конечно.

— Есть специалисты, которые иногда объясняют компьютерам, что правила не всегда надо понимать буквально.

Через пару секунд замок исчез, и на экране всплыла новая строка: «ОСОБЫЙ РЕЖИМ УЧЕТА». Под ней: «ОСНОВАНИЕ: РАСПОРЯЖЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА СООТВЕТСТВИЯ». Сбой пролистал ниже и замер. Путешественник прочитал через его плечо: «ПОРЯДОК 0-17-314. НАБЛЮДЕНИЕ АКТИВНО. НЕ ДОПУСКАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПОИСКА ВНЕШНЕГО СОЕДИНЕНИЯ».

Коридор вокруг будто стал тише. Где-то далеко хлопнула дверь. По вентиляции прокатился глухой шум. Путешественник смотрел на две строки и вдруг ощутил не страх, а облегчение. Если внешнее соединение запрещали искать, значит, оно хотя бы существовало. Заперти впервые признавало наличие чего-то за своими пределами.

Сбой закрыл окно.

— Почему?

— Потому что этого достаточно. Если слишком долго оставаться в чужом закрытом профиле, можно ненароком познакомиться с тем, кто его закрыл.

Путешественник рассказал ему о строчке из архивной записки: наблюдение поручено Норме 12-08. У Сбоя изменилось выражение лица. Он явно хотел узнать, откуда у Путешественника вообще взялась такая бумага, но в коридоре послышались шаги. Свет включился. В дверях стояла Норма. Ее взгляд скользнул по разобранному терминалу, инструментам, Путешественнику и Сбою. Никакой подозрительности на лице не появилось. Она лишь отметила, что рабочий период Путешественника закончился восемь минут назад и его присутствие в технической зоне требует основания. Сбой сообщил, что возникла проблема с терминалом завершения смены. Это было правдой. Просто не всей. Норма достала планшет и сделала запись. Путешественник спросил, что именно она отметила.

— Задержку сотрудника после завершения рабочего периода, — ответила она. — Если причина техническая, никаких последствий не будет.

Она пожелала им хорошего вечера и ушла. Ее шаги постепенно растворились в коридоре.

Сбой подождал еще несколько секунд.

— Видишь?

— Что?

— Она делает то, что должна.

— Ты говоришь так, будто это опасно.

— Я говорю так, будто это Норма. — Сбой начал убирать инструменты в сумку. — Иногда это гораздо хуже.

Он защелкнул крышку терминала.

— Норма делает то, что считает правильным. Помни об этом, когда решишь сделать рядом с ней что-нибудь неправильное.

— А ты?

Сбой закинул сумку на плечо.

— Я сначала проверяю, работает ли неправильное.

Он направился к выходу. Путешественник окликнул его.

— Спасибо.

Сбой остановился.

— За что?

— Ты мог ничего мне не показывать.

Он помолчал несколько секунд, потом пожал плечами.

— Не люблю, когда система знает о человеке больше, чем человек о себе.

И пошел дальше.

Путешественник смотрел ему вслед и впервые с момента появления в Заперти подумал, что, возможно, встретил здесь человека, которому однажды сможет доверять.

Не сегодня, но однажды.

***

В гостинице снова все работало: карта открыла дверь комнаты, талон на ужин оказался действительным, телефон подключился к Wi-Fi. Официальный профиль больше не был отмечен желтым.

Система простила Путешественника. По крайней мере, до следующего нарушения.

Он сел за стол. За окном по-прежнему было море — только нарисованное. Днем оно казалось почти настоящим. А к вечеру краска темнела, и море превращалось в огромное пятно на стекле, словно кто-то слишком хорошо помнил, как выглядит горизонт.

Путешественник открыл Единую информационную сеть и ввел в строке поиска «внешнее соединение». Несколько секунд он смотрел на слова, потом вспомнил Сбоя и стер запрос, так и не отправив. Вместо телефона он достал блокнот и сделал запись:

«Я все-таки вышел на работу. Не потому, что захотел работать. Здесь вообще редко требуют от человека согласия. Жизнь устроена так, что согласие — самый удобный из оставшихся вариантов.

Моя работа состоит в том, чтобы следить за людьми, которые ждут. Одни ждут другую работу, другие — жилье, третьи — право купить вещь, которая уже лежит на полке, кто-то ждет разрешения уехать, кто-то — разрешения узнать чуть больше того, что ему положено знать. Самое странное, что почти никто не спрашивает, зачем ждать так долго. Люди спорят о месте в очереди, но редко — о самой очереди.

Сегодня я встретил Норму. Она верит в правила, и, кажется, именно поэтому с ней надо быть осторожнее, чем с человеком, который этих правил боится. Она не станет делать что-то плохое из злости, но вполне может поступить так, потому что положено.

Еще я познакомился со Сбоем. По документам он ремонтирует технику, но на самом деле он умеет разговаривать с системой на языке, который она предпочитает не замечать. Сегодня он показал мне записи, которые я не должен был увидеть: «ПОРЯДОК 0-17-314. НАБЛЮДЕНИЕ АКТИВНО» и «НЕ ДОПУСКАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПОИСКА ВНЕШНЕГО СОЕДИНЕНИЯ».

Теперь я знаю две вещи. Первая — внешний мир все-таки существует. Вторая — кто-то очень не хочет, чтобы я этот мир нашел».

Путешественник закрыл блокнот. В комнате было тихо. Из коридора доносились шаги постояльцев. Где-то хлопнула дверь. За стеной включили воду. На вокзале снова объявили о задержке поезда.

Телефон завибрировал. На экране появилось сообщение: «ЗАВТРАШНИЙ РАБОЧИЙ ПЕРИОД ПОДТВЕРЖДЕН. НАСТАВНИК: НОРМА 12-08».

В Заперти у человека могло не быть доступа к внешнему миру. Зато доступ государства к человеку, похоже, работал без ограничений.

Глава 4. Достаток в пределах доступного

Первую зарплату Путешественник получил через несколько рабочих периодов. За это время Управление регулируемых очередей уже перестало казаться ему местом, куда он попал по ошибке, и начало приобретать самое неприятное свойство любой работы — становиться привычным. По утрам он проходил через среднюю дверь, потому что левая по-прежнему была временно перенесена, а правая предназначалась для выхода после входа. Прикладывал карту к турникету, ждал подтверждения трудового присутствия, поднимался на второй этаж и занимал рабочее место между очередью на смену занятости и очередью на приобретение товаров внешнего происхождения. Он научился нажимать зеленую кнопку ровно за несколько секунд до того, как система начинала подозревать отсутствие подтвержденного отсутствия нарушений. Научился различать ожидание: обычное — человек время от времени поглядывает на табло, продолжительное — у него уже есть складной стул, установившееся — появляются термос, книга и знакомые в соседних очередях. Хроническое ожидание легко было узнать по тому, что гражданин уже помогал новичкам заполнять заявления, хотя сам все еще не получил ответа на свое.

Пожилая женщина, мечтавшая перейти с ночной сортировки дневных заявлений на дневную сортировку ночных, продолжала приходить почти каждый рабочий период. Папка в ее руках становилась толще, а сама женщина — будто немного меньше. К первоначальному заявлению добавились справка о недостаточности сна, подтверждение достоверности справки, заключение о допустимости подтверждения и заявление о пересмотре заключения.

Норма была уверена, что все идет как надо:

— Дело движется, — однажды сказала она.

Путешественник посмотрел на женщину, третий час стоявшую на одном и том же прямоугольнике. Он постепенно привыкал к тому, что в Заперти движение измеряли не количеством шагов, а количеством оформленных документов.

Сбой появлялся периодически, обычно вместе с какой-нибудь технической неисправностью. Если зависал терминал, гас экран или принтер начинал печатать разрешения вверх ногами, Путешественник уже невольно искал взглядом серую рубашку с закатанными рукавами. Сбой приходил с инструментами и выражением лица человека, которого снова позвали исправлять то, что кто-то до него успешно «улучшил». Иногда он останавливался у рабочего места Путешественника. О погоде они почти не говорили: в Заперти прогноз обычно сообщал, что погодные условия соответствуют текущему времени года. И с этим было трудно спорить. Из рассказов Сбоя о технике Путешественник понял главное: официальный слой системы был только верхушкой айсберга. Под ним существовали старые протоколы, забытые учетные записи, резервные сети и обрывки программного кода. Их давно никто не открывал, но и удалять не решался: никто уже не помнил, зачем они нужны. Иногда Путешественнику казалось, что Заперти держится не на надежности системы, а на общем страхе случайно что-нибудь в ней выключить.

Норма относилась к их разговорам спокойно, пока они не выходили за пределы рабочих тем. Она по-прежнему записывала нарушения — не с удовольствием и не из желания кому-нибудь навредить — просто потому, что нарушения существовали, а существующее, по мнению Нормы, следовало учитывать. Поэтому рядом с ней Путешественник старался не забывать совет Сбоя: Норма — не опасный человек, а слишком правильный. В Заперти эта разница переставала казаться существенной.

Уведомление о зарплате пришло в середине рабочего периода. «ПОЗДРАВЛЯЕМ! ВАШ ТРУД УЧТЕН» — вспыхнул экран телефона. Ниже стояла сумма. Путешественник несколько

секунд смотрел на нее, не отрываясь, и впервые за долгое время ощутил что-то похожее на надежду — денег было неожиданно много. По крайней мере, ему так показалось. Он уже привык считать собственное положение временным, а потому почти не думал о зарплате. И все же сам факт, что у него теперь есть деньги, которые можно самостоятельно потратить, вернул ему давно забытое чувство обычной жизни. Правда, продлилось оно секунд двадцать.

Путешественник открыл подробности начисления. Под строкой «НАЧИСЛЕНО» стояло «ПОСЛЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ УДЕРЖАНИЙ». Он нажал, и во весь экран развернулся список:

- временное проживание в гостинице;
- пользование кроватью;
- поддержание возможности пользования горячей водой;
- фактическое пользование горячей водой;
- изображение моря повышенной категории;
- регистрационный сбор;
- плата за выпуск временной платежной карты;
- плата за обслуживание временной платежной карты;
- плата за возможность временного обслуживания временной платежной карты;
- изготовление документа, удостоверяющего вновь подтвержденную личность;
- административное сопровождение вновь подтвержденной личности;
- доступ к Единой информационной сети (первый уровень);
- обязательное питание в рабочие периоды;
- добровольный взнос в Фонд повышения качества обязательного питания.

Путешественник задержался на последней строке. Взнос был уже удержан, а рядом стояла отметка: «ДОБРОВОЛЬНОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА ФАКТОМ НЕОТКАЗА В УСТАНОВЛЕННЫЙ СРОК». Путешественник не помнил ни самого предложения о взносе, ни установленного срока.

Внизу находилась итоговая сумма: от зарплаты осталось чуть меньше трети. Он еще раз взглянул на расчет. Система заботливо предлагала кнопку: «ПОКАЗАТЬ, КУДА ПОШЛИ ВАШИ ДЕНЬГИ». Путешественник нажал. На экране появилась круговая диаграмма, большая часть которой была обозначена словом «ВАМ». Это несколько успокаивало, пока он не прочитал пояснение: «Средства направлены на обеспечение условий, необходимых Вам для продолжения получения средств».

Путешественник показал расчет Норме. Она внимательно изучила экран. По ее лицу было видно, что ничего необычного она не обнаружила.

- Все правильно.
- Но мне оставили меньше трети.
- После обязательных удержаний.
- Здесь есть плата за вид из окна.
- У вас улучшенная категория.
- Там нарисованное море.
- Именно поэтому обслуживание такого вида стоит дешевле настоящего.

Путешественник пролистал список дальше.

- Я должен платить за личность?
- За пользование зарегистрированной личностью.
- Но эту личность мне выдали без моего желания.

Норма посмотрела на него с искренним недоумением.

- Но вы ею пользуетесь.

Норма объяснила, что любая официально существующая личность требует обслуживания: данные необходимо хранить, обновлять, проверять, сопоставлять и при необходимости исправлять. Поскольку до приезда Путешественника такой личности в системе не существо-

вало, ее обслуживание создавало дополнительную нагрузку. Получалось, что он платил государству за хлопоты, которые государство испытывало из-за факта его существования.

Это было трудно отрицать. Он носил паспорт Порядка 0-17-314, на это имя получал зарплату, этим именем открывал дверь комнаты в гостинице, проходил турникеты, покупал еду и отмечался на работе. Даже возмущался теперь от лица человека, которым несколько недель назад не являлся.

Норма, однако, смотрела на оставшуюся сумму вполне оптимистично: по ее мнению, этого было достаточно для обеспечения разумных потребностей.

— А кто определяет разумные потребности?

Она ненадолго задумалась, как будто вопрос действительно требовал уточнения.

— Если потребность можно удовлетворить полученной зарплатой, скорее всего, она разумная.

— А если нельзя?

— Тогда вам пока рано в ней нуждаться.

И в этом была своя гармония: экономическая система Заперти не ограничивала желания человека — она просто подсказывала ему, какие из них ошибочны. Это называлось финансовой самостоятельностью.

Вечером Путешественник решил пройтись до магазина. Не в маленькую лавку возле вокзала, где он уже покупал хлеб и воду, а в большой государственный универсам «ДОСТАТОК», который видел во время прогулок. Над входом висел баннер: «ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ УЖЕ ЕСТЬ». Слово «необходимое» было напечатано немного крупнее остальных. Само здание занимало почти целый квартал: огромные витрины светились теплым желтым светом, за стеклом стояли манекены в аккуратной одежде, лежали коробки с бытовой техникой, банки кофе, книги, обувь. Издалека магазин выглядел роскошным.

У входа люди брали металлические корзины. Тележек было мало, и за ними образовалась небольшая очередь. Рядом висела табличка: «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕЛЕЖКИ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕМ ПОКУПАТЕЛЬСКОЙ СПОСОБНОСТИ». Путешественник взял корзину.

Внутри магазина было просторно, чисто и немного нарядно; ряды уходили далеко в глубину, полки были заставлены товарами, из динамиков звучала спокойная музыка. Время от времени женский голос напоминал:

«Уважаемые покупатели! Отсутствие товара на полке не означает его отсутствия в системе».

Через несколько минут:

«Покупка лишнего может привести к недостатку необходимого».

После всех разговоров о дефиците и запретах он ожидал увидеть пустые полки, но ошибся. Товаров было много. Проблема заключалась в другом: они удивительно мало отличались друг от друга.

Хлеб назывался «Домашний», «Традиционный», «Настоящий», «Особый», «Семейный» и «Выбор покупателя». Путешественник долго изучал лежащие перед ним на витрине буханки: по форме, весу и составу они ничем не отличались. Он взглянул на этикетки: у «Домашнего» на упаковке был нарисован дом, у «Традиционного» — колосья, у «Выбора покупателя» — человек, уверенно указывающий пальцем именно на этот хлеб.

Рядом покупательница лет пятидесяти молча наблюдала за его попытками найти разницу.

— Какой лучше? — спросил он.

Она посмотрела сначала на него, потом на хлеб.

— Я беру «Особый».

— Чем он отличается?

Женщина пожала плечами.

— Привыкла.

Пожалуй, это был самый честный потребительский отзыв, который он слышал в Заперти. Он положил «Особый» в корзину.

Молочный отдел предлагал продукты с названиями «Молоко», «Молочный продукт» и «Продукт молочного назначения». Судя по этикеткам, разница заключалась лишь в том, насколько уверенно производитель готов за них отвечать.

Особенно Путешественника поразила чайная полка — она буквально пестрела цветами. Красные, зеленые, золотистые и синие коробки обещали покупателю совершенно разные состояния: «Бодрость», «Спокойствие», «Уверенность», «Вдохновение», «Благодарность». Путешественник взял «Бодрость» и «Спокойствие», перевернул коробки — составы совпадали до последнего грамма. Он сравнил с «Благодарностью» — тот же состав. Рядом сотрудница магазина аккуратно расставляла коробки пирамидой. Путешественник спросил, есть ли между ними разница. Женщина объяснила, что каждый чай предназначен для своей жизненной ситуации.

— Но внутри ведь одно и то же.

Сотрудница посмотрела на коробки так, будто впервые задумалась над этой стороной вопроса.

— Упаковка разная.

Путешественник спорить не стал. Вероятно, в Заперти разнообразие относилось только к оформлению. Он выбрал «Бодрость». На всякий случай.

Отдел одежды располагался дальше: ряды серых, синих, коричневых и черных вещей образовывали аккуратную последовательность, словно дизайнеры Заперти однажды открыли для себя цвет, испугались и решили закрыть его обратно. Мужская одежда делилась на два основных фасона: «Свободный» и «Деловой свободный». Путешественник снял с вешалки две одинаковые куртки. Продавец объяснил, что у деловой свободной модели карманы расположены на два сантиметра выше, что делает владельца визуально более собранным.

Отдельный стенд посвящался одежде для поездок. На нем висела одна-единственная куртка, а рядом — табличка: «ТОВАРЫ ДЛЯ ПОЕЗДОК РЕАЛИЗУЮТСЯ ПРИ НАЛИЧИИ ПОДТВЕРЖДЕННОЙ ПОЕЗДКИ». Путешественник провел рукой по плотной ткани — куртка и впрямь была отличной. Он непроизвольно представил ее под дождем и ветром, где-нибудь в дороге, которая действительно куда-то ведет. Потом увидел цену и повесил обратно.

В отделе техники было шумно. Телевизоры показывали одну и ту же передачу, но с задержкой в несколько секунд. Из-за этого ведущий на двадцати экранах последовательно улыбался, поворачивал голову и повторял жест рукой, словно сигнал передавался по длинной цепочке людей. На столах лежало множество моделей телефонов местного производства. Они отличались размером экрана и расположением камер. Правда, набор приложений у всех был одинаковый. Магазина приложений вовсе не существовало.

— А если мне понадобится программа, которой здесь нет? — спросил Путешественник. Консультант в аккуратной жилетке ответил без колебаний:

— Все необходимые программы уже установлены.

— А если нужна другая?

— Значит, она не относится к необходимым.

— А самостоятельно установить?

Консультант улыбнулся с профессиональной вежливостью:

— Самостоятельная установка может изменить утвержденные свойства устройства.

— В этом обычно и смысл установки приложения.

Молодой человек, похоже, не понял, шутка это или жалоба. Он просто повторил, что производитель гарантирует стабильную работу только при сохранении телефона в том же состоя-

нии, что и в момент покупки. В Заперти хорошо работал тот телефон, с которым ничего не делали.

На соседнем стенде продавались ноутбуки. У некоторых разъемы на корпусе были закрыты пластиковыми заглушками. Возле одного Путешественник заметил знакомый порт.

— А это?

Консультант пояснил, что разъем оставлен для сходства с международными моделями, а подключение внешних устройств не поддерживается.

— Тогда зачем он нужен?

— Чтобы устройство выглядело современно.

Путешественник осторожно поставил ноутбук обратно. Техника Заперти напоминала саму страну: все необходимое для связи с внешним миром как будто присутствовало, но пользоваться этим не предполагалось.

Книжный отдел оказался почти безлюдным — после шума в продуктовых рядах и гула в отделе техники здесь стояла особенная тишина. Высокие стеллажи тянулись до самого потолка, а книги были расставлены идеально ровно, корешок к корешку. Над входом висела надпись: «ЧТЕНИЕ РАСШИРЯЕТ КРУГОЗОР В УСТАНОВЛЕННЫХ ПРЕДЕЛАХ». Путешественник медленно шел между полками. Особенно его привлек последний раздел — «Путешествия». На полке стояли путеводители и несколько книг о внешнем мире. Путешественник взял одну из них. На обложке было море — настоящее, с волнами, линией горизонта и белыми домами на берегу. Название гласило: «ГОРОДА У МОРЯ. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ». Сердце у него забилось быстрее.

Первая глава рассказывала о пользе морского воздуха, вторая — об истории прибрежной архитектуры. После сорок восьмой страницы сразу шла семьдесят третья.

Путешественник открыл содержание: главы между ними назывались «Как добраться», «Железнодорожное сообщение», «Пересечение границы», «Современные маршруты». Рядом с каждым названием стояла маленькая серая отметка: «Раздел не применяется в текущих условиях распространения». Потом он заметил отсутствие карт. Вместо одной из них была белая страница с рамкой, а под ней подпись: «Изображение удалено для сохранения географической определенности читателя». Путешественник закрыл книгу.

На соседней полке стояло известное произведение, которое он уже читал раньше. Эта версия была заметно тоньше. Он перелистал страницы и увидел, что часть текста отсутствовала, а где-то абзац заканчивался на середине мысли и продолжался уже другой сценой. На белой странице между ними кто-то карандашом написал:

«Тогда зачем вы оставили номер страницы?»

Надпись почти стерли.

Путешественнику вдруг стало интересно не только то, что исчезло из текста, но и кто именно этим занимается. Эти пробелы видели проходили через руки работника типографии, редактора, продавца, читателя. А потом, наверное, наступал момент, когда отсутствие двадцати восьми страниц становилось такой же частью книги, как отсутствие поездов — частью вокзала.

Отдел товаров внешнего происхождения находился на втором этаже. Здесь было пусто: широкие проходы, мягкий свет, стеклянные витрины, никаких корзин. Товары стояли за стеклом, как музейные экспонаты исчезнувшей цивилизации: шоколад, обувь, лекарства, телефоны, наушники, фотоаппараты, косметика.

В прошлой жизни Путешественник покупал эти товары, не задумываясь. Теперь возле каждого из них находился список требований:

«КАТЕГОРИЯ БЛАГОНАДЕЖНОСТИ: НЕ НИЖЕ 4».

«ПОДТВЕРЖДЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ: ТРЕБУЕТСЯ».

«РАЗРЕШЕНИЕ РАБОТОДАТЕЛЯ: ТРЕБУЕТСЯ».

«ОБОСНОВАНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ИМПОРТНОГО АНАЛОГА: ТРЕБУЕТСЯ».

Цены были такими, что Путешественник сначала решил, будто неправильно читает местные цифры: пара кроссовок стоила почти две его зарплаты до обязательных удержаний, телефон — четыре, ноутбук — столько, сколько он заработал бы за год, если бы перестал пользоваться гостиницей и существовать в административном смысле.

У витрины с кофе Путешественник остановился особенно надолго. На полке стояли знакомые упаковки. Одна из них была той самой марки, которую он иногда покупал в Городе у моря. Запах через стекло не проходил, но память оказалась сильнее герметичной витрины. Утро. Кафе. Шум улицы. Телефон без государственного профиля. Возможность написать кому угодно. Возможность просто что-нибудь купить, не доказывая, что тебе это необходимо. Свобода редко выглядит торжественно, пока существует. Иногда это всего лишь чашка кофе.

Кофе стоил больше половины его оставшихся денег. Но деньги оказались наименее важной частью покупки. Под пачкой висела табличка: «ТОВАР В НАЛИЧИИ».

ПРОДАЖА ВРЕМЕННО НЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ».

Путешественник обратился к консультанту:

— Кофе есть?

Она посмотрела на витрину и подтвердила, что продажа временно не осуществляется.

— Когда начнут продавать?

Сотрудница сверилась с планшетом.

— Срок возобновления продажи зависит от окончания причин временного неосуществления.

Несколько недель назад Путешественник продолжил бы разговор, но сейчас только поблагодарил. Он чувствовал, что делает успехи.

Возле витрины стоял терминал: «УЗНАЙТЕ, МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ЖЕЛАЕМОЕ». Он приложил карту — система проверила доход, занятость, потребительскую надежность и место проживания. На экране высветился результат: «ПРИБЫТИЕ НЕДОСТУПНО». Ниже появились причины: недостаточный срок трудовой деятельности, нет разрешения работодателя, не доказана невозможность замены местным аналогом. Путешественник усмехнулся и уже собирался убрать карту, как экран мигнул, и на несколько секунд появилось серое служебное окно. «ОБНАРУЖЕНА СУЩЕСТВУЮЩАЯ ЗАЯВКА». Путешественник перестал дышать.

Получатель: ПОРЯДОК 0-17-314.

Товар: кофе внешнего происхождения.

Количество: 1.

Статус: зарезервировано.

Следующая строка загружалась дольше.

«Дата создания резерва: 14.03...»

За семь лет до его прибытия. Он перечитал цифры.

Семь лет.

Именно за столько до его приезда в Министерстве была заведена архивная папка. Под датой появилась еще одна строка: «ПОЛУЧЕНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ. ПРИЧИНА: ПОЛУЧАТЕЛЬ НЕ ПРИБЫЛ». Экран погас.

Путешественник смотрел на собственное отражение в черном стекле. Через секунду терминал снова весело приглашал: «УЗНАЙТЕ, МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ ЖЕЛАЕМОЕ». Он приложил карту второй раз. Ничего. Третий. Терминал распечатал маленькую квитанцию. «ЗАПРОС № 77104. ОТКАЗ ПОДТВЕРЖДЕН. ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС НЕ ТРЕБУЕТСЯ». В самом низу мелко было напечатано: «К-0/17/314. АРХ». Путешественник сложил бумажку и спрятал во внутренний карман.

Только после этого он заметил, что музыка, все это время висевшая над залом почти незаметным слоем, исчезла. Лишь где-то скрипело колесо тележки, шелестели пакеты, работала вентиляция, но именно отсутствие музыки заставило Путешественника оглянуться. Из динамиков прозвучал короткий сигнал, затем женский голос сообщил:

«Уважаемые покупатели. В секторе товаров внешнего происхождения проводится плановая внеплановая проверка. Просим сохранять привычное поведение».

Стеклянные двери отдела закрылись. Сотрудница, с которой он только что разговаривал, смотрела в планшет. Ее лицо оставалось непроницаемым, но движения стали медленнее и аккуратнее. В дальнем конце прохода появились двое сотрудников службы внутреннего контроля. Они не бежали. В Заперти сотрудники государственных учреждений вообще редко бегали — бег мог создать впечатление, что происходит нечто срочное, а срочность требовала отдельного подтверждения. Но они уверенно шли прямо к нему. Путешественник почувствовал, как сердце начало биться быстрее. Ничего незаконного он не сделал — всего лишь приложил собственную карту к устройству, которое само предлагало это сделать. Однако после нескольких недель в Заперти он уже знал: разрешенное действие и разрешенный результат — не одно и то же.

Он направился к выходу из отдела. Стеклянная створка не открылась, а над ней загорелось: **«ВЫХОД ВРЕМЕННО ОГРАНИЧЕН ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ СВОБОДЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ОСТАЛЬНЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ»**. Сотрудники в форме приближались. Слева, между витринами, находился эскалатор вниз в продуктовый зал, но его перекрывала тонкая лента **«ПРОХОД ЗАКРЫТ»**. Путешественник посмотрел сначала на охранников, потом на ленту. В Заперти он ежедневно соблюдал столько бессмысленных правил, что нарушение одного из них казалось почти физически приятным. Он перепрыгнул через ленту.

— Гражданин Порядок!

Один из охранников ускорился. Путешественник тоже. Корзина оттягивала руку: в ней лежали хлеб «Особый», чай «Бодрость», зубная паста и упаковка носков утвержденного цвета. Он подумал, что трудно представить более нелепый набор вещей для человека, который пытается скрыться от государственной службы.

Позади прозвучал сигнал.

«Уважаемые покупатели! Просим не реагировать на перемещение сотрудников службы контроля. Ситуация находится в пределах допустимого».

В магазине по-прежнему выбирали хлеб, сравнивали мыло, складывали в корзины чай. Чужая повседневность неожиданно стала лучшим укрытием: люди двигались медленно и привычно, каждый внутри собственного небольшого разрешенного выбора. Путешественник растворился в этом потоке и повернул между рядами. Через несколько секунд серый рукав мелькнул в отражении холодильной витрины.

Они все еще шли за ним.

Путешественник ускорил шаг, стараясь не оглядываться.

Магазин, который еще недавно казался просто большим, внезапно превратился в лабиринт. Ряды были одинаковыми, а указатели вели «К кассам», «К дополнительным кассам», «К временно закрытым кассам» и, наконец, «К выходу после совершения покупки». Тележка пожилой женщины перегородила проход. Пришлось протиснуться между ней и пирамидой банок с надписью «Мясной продукт со вкусом мясного продукта». Несколько банок упали.

— Молодой человек! — возмутилась женщина.

— Простите.

— Я их выбирала.

Путешественник хотел спросить, каким образом, но времени не было. В конце ряда показались кассы. Перед ними стояли очереди. Конечно. Даже бегство в Заперти требовало терпения. Он выбрал самую короткую — пять человек. Охранники показались из-за стеллажа. ПUTE-

Путешественник посмотрел на соседнюю кассу — двенадцать человек, на следующую — восемь. Одна из касс самообслуживания была свободна. Он бросился к ней, поставил корзину на весы и начал пробивать покупки. Хлеб. Чай. Паста. Носки. Аппарат сообщил: «НЕОЖИДАННЫЙ ТОВАР В ЗОНЕ УПАКОВКИ».

— Какой?

«УБЕРИТЕ НЕОЖИДАННЫЙ ТОВАР».

Путешественник убрал чай.

«ВЕРНИТЕ ОЖИДАЕМЫЙ ТОВАР».

Охранники были уже совсем близко.

— Гражданин Порядок!

Он вернул чай. Терминал задумался.

«ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ СОТРУДНИКА».

Путешественник закрыл глаза. Рядом находилась кнопка вызова, но нажимать ее он не стал. Вместо этого приложил платежную карту. Терминал неожиданно принял оплату.

«ПОКУПКА ЗАВЕРШЕНА».

Из принтера вылез чек. Путешественник схватил пакет и направился к выходу. За спиной охранник снова окликнул его по имени. На выходе стоял еще один турникет: «ПРЕДЪЯВИТЕ ЧЕК ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ПРАВА ПОКИНУТЬ МАГАЗИН». Путешественник вставил только что полученную бумагу в считыватель. Турникет открылся, и он прошел. Охранник оказался в нескольких метрах позади, но стоило ему попытаться пройти следом, как створки сомкнулись.

«ПРЕДЪЯВИТЕ ЧЕК».

— Служба контроля!

«ПРЕДЪЯВИТЕ ЧЕК».

— Я сотрудник магазина!

«ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПРЕДУСМОТРЕН СЛУЖЕБНЫЙ ВЫХОД».

Путешественник не стал дожидаться, чем закончится спор человека с системой, созданной для контроля других людей. Он вышел на улицу и побежал.

Дождь был мелким, почти невидимым. Холодные редкие капли ударяли по лицу. Он пересек дорогу, свернул в переулок и только через несколько минут позволил себе оглянуться.

Никого.

Он прислонился к стене, пытаясь отдышаться.

Только сейчас до него начал доходить абсурд произошедшего. Он только что убегал от государственной охраны с хлебом, чаем и носками, потому что хотел узнать, можно ли ему купить кофе. Если когда-нибудь он вернется домой, эту историю будет трудно рассказывать без ощущения, что часть событий придумана уже после возвращения.

Во дворе послышался гул двигателя. Путешественник отступил в нишу между зданиями. К служебному входу «Достатка» подъехал небольшой грузовик, на боку которого была надпись «ЦЕНТРАЛЬНАЯ СЛУЖБА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕФИЦИТА». Водитель открыл кузов, двое грузчиков начали выгружать коробки. Путешественник увидел знакомый логотип — тот самый, что был на пачке кофе в витрине. Такие же черные пачки лежали в коробках десятками. Целый грузовик. Один из грузчиков поставил ящик на тележку. На боковой стороне ящика Путешественник успел прочитать: «ВНЕШНЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ. РОЗНИЧНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОГРАНИЧЕНА».

Он стоял под дождем и смотрел, как товар, который находился в магазине, но временно не продавался, спокойно заезжает внутрь через дверь, куда обычным покупателям путь закрыт. Сбой оказался прав. Некоторые вещи действительно отсутствовали только для тех, кто искал их официально.

Из-за угла донеслись шаги. Путешественник прижался к стене. В переулок вошел один из людей в форме службы контроля и остановился. Путешественник видел его профиль в нескольких метрах от себя.

— Покинул торговый зал, — сказал он в рацию. — Направление неизвестно.

Охранник постоял еще немного и ушел. Путешественник выждал, затем медленно достал из кармана чек, который напечатал терминал возле кофе. Бумага намокла по краям, но надпись сохранилась: «К-0/17/314. АРХ». Он спрятал чек во внутренний карман и пошел к гостинице другой дорогой.

На следующий рабочий период Норма уже знала о случившемся. В Заперти сведения о внешнем мире могли не доходить до человека годами, зато информация о его неправильном поведении расходилась с удивительной скоростью. Норма встретила Путешественника у терминала:

— Вчера ваша карта участвовала в событии повышенного потребительского внимания.

Формулировка была настолько выверенной, что Путешественник сначала не понял, о чем речь.

— Меня пытались задержать.

— Задержание в журнале не зарегистрировано.

— Потому что я ушел.

Норма посмотрела в планшет.

— Тогда тем более нельзя утверждать, что вас задерживали.

С точки зрения логики это было безупречно.

Она спросила, зачем Путешественник несколько раз проверял право приобрести импортный товар. Он ответил, что хотел купить кофе.

— Но после первого запроса система сообщила, что приобретение недоступно.

— Я решил проверить еще раз.

— Зачем?

Путешественник посмотрел на нее — вопрос был искренним. Для Нормы повторная попытка после официального отказа представляла собой не протест и не любопытство, а скорее логическую ошибку. Если система уже дала ответ, то повторный вопрос не мог изменить истину.

— Иногда со второго раза срабатывает.

Норма едва заметно нахмурилась.

— Это не очень безопасный принцип.

Путешественник подумал о Сбое: для него это был, вероятно, основной принцип существования.

Норма закрыла планшет.

— Я не стала оформлять нарушение.

Он не ожидал этого.

— Почему?

— Формально вы воспользовались функцией, доступной покупателю.

— Но служба внутреннего контроля почему-то решила иначе.

— Служба внутреннего контроля имеет право реагировать на аномальное поведение системы до выяснения причин.

— Системы?

— Вы же ничего не нарушили.

Путешественник внимательно посмотрел на Норму — она не улыбалась, не подмигивала, не пыталась дать ему тайный сигнал. Она действительно считала, что, поскольку Путеше-

Путешественник действовал в рамках предоставленного интерфейса, ответственность за неожиданное сообщение лежит на терминале. Впервые ее приверженность правилам сыграла в его пользу.

— Спасибо.

— Не за что. Я просто указала фактические обстоятельства.

Норма немного помолчала.

— Но я бы советовала вам больше не проверять этот товар.

— Почему?

— Потому что теперь вы знаете, что система иногда показывает то, чего показывать не должна.

Она сказала это совершенно спокойно и ушла к своему столу. Путешественник проводил ее взглядом. Ему снова стало непонятно, предупредила она его или просто дала разумный служебный совет. С Нормой эти вещи почти всегда звучали одинаково.

Сбой он нашел после обеда — тот ремонтировал принтер в третьем секторе. Путешественник рассказал ему о терминале. Когда дошел до записи о резерве семилетней давности, Сбой перестал ковырять принтер отверткой.

— Точно твое имя?

— Я его уже вижу чаще, чем настоящее.

Сбой протянул руку.

— Бумага у тебя?

Путешественник достал чек. Сбой прочитал последние символы. Привычная усмешка исчезла. Путешественник уже успел заметить: когда Сбой действительно чего-то не понимает, он перестает шутить.

— Что значит «АРХ»?

— Архив. Архивный резерв. Архивное распределение. Автоматическая регистрация хрен-знает-чего.

— Последнее официальное?

— Самое распространенное.

Он вернул чек.

— Семь лет назад меня здесь не было.

— Ты уверен?

Путешественник посмотрел на него.

— Неправильный вопрос. Тогда другой. Ты уверен, что семь лет назад этого имени здесь не было?

Путешественник вспомнил папку, свою фотографию, дату и промолчал.

Сбой снова взялся за принтер.

— Не носи эту бумагу в кармане.

— Почему?

— Потому что именно карманы в первую очередь обыскивают те, кто считает себя умнее других.

— И куда тогда положить?

Сбой вытащил из принтера пустой картридж.

— Туда, где человек, считающий себя умнее других, побрезгует смотреть.

Он отодвинул урну и открыл нижнюю панель принтера. За ней виднелась узкая ниша между корпусом и металлической рамой — как раз для сложенного листка. Путешественник просунул квитанцию внутрь.

— Надежно?

— Нет.

— Тогда зачем?

Сбой пожал плечами.

— Надежных мест не существует. Есть только те, до которых еще не добрались.

Он положил пустой картридж обратно в принтер. Устройство ожило и выплюнуло лист. На бумаге крупными буквами было напечатано: «ПЕЧАТЬ ВРЕМЕННО НЕДОСТУПНА».

Сбой взглянул на результат:

— Починил.

Вечером Путешественник вернулся в гостиницу позже обычного. По дороге ему несколько раз казалось, что за ним кто-то идет: сначала мужчина в сером пальто, потом женщина с зонтом. Потом автобус, который слишком долго тащился следом, хотя, скорее всего, он просто выполнял маршрут. Путешественник впервые посмотрел на город глазами человека, который знает, что за ним наблюдают. Это оказалось неприятным открытием. Наблюдение меняло не только того, кто следит, но и того, кто знает, что за ним следят. Каждый прохожий становился возможным сотрудником Министерства, каждая камера казалась направленной только на него, каждый случайный взгляд начинал казаться слишком долгим.

В номере гостиницы все выглядело как обычно: кровать запровадена, стул у стола, блокнот на месте, нарисованное море темнело за стеклом. Путешественник проверил ящик — билет на Путь 0 лежал там же, где он его оставил. Он закрыл ящик. Потом открыл снова. Билет по-прежнему лежал той же стороной вверх. Путешественник не смог вспомнить, какой стороной оставил его утром. От этого стало тревожнее.

Он сел за стол и открыл блокнот:

«Сегодня я получил первую зарплату и понял, что деньги в Заперти существуют примерно так же, как и свобода: формально они твои, пока ты не пытаешься распорядиться ими самостоятельно.

Кажется, я понял, как устроен дефицит: здесь почти ничего не исчезает. Наоборот, все существует. Лежит на полках, стоит за стеклом, имеет цену и название. Просто между гражданином и вещью всегда находится что-то еще: разрешение, справка, категория благонадежности или чье-то мнение о том, действительно ли вещь нужна.

Местные товары создают видимость выбора — один и тот же хлеб получает шесть названий, один и тот же чай обещает бодрость, спокойствие, уверенность. Импорт устроен иначе: его даже не пытаются сделать доступным. Он нужен уже самим своим присутствием — как доказательство того, что никакого дефицита нет.

Сегодня я пытался купить кофе. Вернее, даже не купить — узнать, имею ли я право его купить. Оказалось, что кофе для Порядка 0-17-314 уже был зарезервирован. Семь лет назад. Получатель не прибыл.

Не знаю, что пугает меня больше: мысль о том, что кто-то ждал меня здесь семь лет назад, или что ждали вовсе не меня. А вечером я увидел, как к служебному входу магазина подъехал целый грузовик импортного кофе. Кажется, в Заперти существует еще один город. Люди входят в него через знакомства, случайные фразы и двери, возле которых лучше не задерживаться.

Официальный Заперти выдает человеку то, что считает необходимым. Неофициальный продает то, что человек захотел сам. Не знаю, какой из них опаснее. Но впервые с момента приезда я подумал не о том, как найти выход из Заперти, а о том, как войти в ту его часть, которой нет на официальной карте».

Путешественник поставил точку и закрыл блокнот. Телефон завибрировал. На экране всплыло обычное системное уведомление «ВАШ УРОВЕНЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ НАДЕЖНОСТИ НЕ ИЗМЕНИЛСЯ». Через несколько секунд устройство завибрировало снова — на этот раз сообщения не было, экран оставался темным. Путешественник взял его в руку — в

верхнем углу на секунду появился значок, которого он раньше не видел. Маленький белый конверт. На экране открылось приложение государственной почты, но входящих сообщений не было. Путешественник уже собирался закрыть его, когда между двумя официальными уведомлениями появилась новая строка без имени отправителя, без адреса, без даты.

«КОФЕ ЕСТЬ. ЕСЛИ ХОЧЕШЬ КУПИТЬ — ЧЕТВЕРГ, 21:40. ДВОР ЗА ДОМОМ БЫТА № 8. ВХОД СО СТОРОНЫ МАСТЕРСКОЙ. ДВЕРЬ С ТАБЛИЧКОЙ «ПОСТОРОННИМ ВХОД РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ПРИ ОТСУТСТВИИ ПОСТОРОННИХ»».

Путешественник прочитал сообщение еще раз. Последняя строка появилась не сразу. Словно отправитель на секунду задумался перед тем, как ее написать.

«ПРИХОДИ ОДИН. КВИТАНЦИЮ НЕ ПОТЕРЯЙ».

Речь могла идти только о бумажке из терминала. О той самой, что он показал Сбою меньше четырех часов назад. Он попытался открыть данные отправителя, но приложение сообщило: «ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТПРАВИТЕЛЕ НЕДОСТУПНА ПОЛУЧАТЕЛЮ». Путешественник сделал снимок экрана, но фотография получилась абсолютно белой. Попробовал переписать адрес в блокнот, но, когда поднял взгляд, сообщение уже исчезло. В почте снова находились только уведомления от Министерства соответствия.

Путешественник медленно положил телефон на стол. Значит, кто-то знал про кофе, терминал и квитанцию. Этот кто-то смог отправить сообщение через сеть, где существование внешнего мира считалось неправильным результатом поиска.

Он подошел к двери и прислушался: в коридоре было тихо.

Путешественник выключил свет и несколько секунд стоял в темноте. Потом достал из ящика билет на Путь 0, спрятал его под подкладку куртки и положил телефон в карман.

В коридоре он не пошел к лифту.

Напротив находилась дверь служебной лестницы. На ней висела знакомая табличка: «ПОСТОЯЛЬЦАМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ».

Еще недавно подобная надпись заставила бы его искать другой путь.

Теперь Путешественник взялся за ручку.

Он не собирался идти на встречу. Не сегодня. Ему нужно было увидеть место заранее, понять, где находится Дом быта № 8, сколько там входов, есть ли камеры, куда выходит двор. И главное — существует ли вообще этот адрес, если искать его не на официальной карте.

Дверь открылась. За ней вниз уходила узкая бетонная лестница, пахнувшая пылью и сыростью. Путешественник сделал первый шаг, потом второй. Впервые он нарушил правило не потому, что другого выхода не было. А потому, что хотел узнать, куда ведет запрещенная дверь.

Глава 5. Территория без пользовательской ценности

Бетонная лестница привела к тяжелой металлической двери, где над ручкой висела небольшая табличка: «ВЫХОД В ГОРОД НЕ ЯВЛЯЕТСЯ РЕКОМЕНДУЕМЫМ СПОСОБОМ ПОКИДАНИЯ ГОСТИНИЦЫ». За последние недели Путешественник научился различать оттенки местных запретов. Если написано «запрещено», значит действие возможно, если «не рекомендуется» — этим иногда пользуются, а слова «временно недоступно» чаще всего означают, что все работает, но не для тебя. Поэтому надпись на двери выглядела почти как приглашение.

Он нажал на ручку. Дверь открылась во двор.

Ночной воздух пах мокрым асфальтом, сырой штукатуркой и чем-то пригоревшим. Дождь уже закончился, но с крыш все еще стекала вода, собираясь в желобах и падая на землю тяжелыми редкими каплями.

Путешественник осмотрелся.

Снаружи дверь гостиницы никак не была обозначена: ни номера, ни вывески, ни даже ручки с этой стороны — только металлическая пластина в стене. Он попробовал потянуть дверь за край — она не поддавалась. Над ней загорелась маленькая зеленая надпись: «ОБРАТНЫЙ ВХОД ЧЕРЕЗ ВЫХОД НЕ ПРЕДУСМОТРЕН. ВОЗВРАТ — ЧЕРЕЗ ГЛАВНЫЙ ВХОД». Путешественник усмехнулся. Заперти заботилось о том, чтобы даже нарушение правил совершалось по инструкции.

Он достал телефон. Сообщение не сохранилось, но адрес он запомнил: двор за домом быта № 8, вход со стороны мастерской.

Государственная карта открылась сразу и определила его местоположение. На ближайшей улице были обозначены дома № 6, № 7, № 9 и № 10. Он уменьшил карту, затем снова увеличил. Восьмого дома не было, между седьмым и девятым находился ровный серый прямоугольник без подписи. Путешественник нажал на него. «ОБЪЕКТ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЕС, НЕ ОБНАРУЖЕН». Он нажал еще раз. «ПОВТОРНОЕ ОТСУТСТВИЕ ОБЪЕКТА ПОДТВЕРЖДЕНО». После третьего касания появилась кнопка: «СООБЩИТЬ О ЧРЕЗМЕРНОМ ИНТЕРЕСЕ К ОТСУТСТВУЮЩЕМУ ОБЪЕКТУ». Путешественник закрыл карту и пошел пешком.

Улица оказалась почти пустой, только возле круглосуточной аптеки стояли трое. На остановке мужчина изучал расписание автобусов с видом человека, который давно понял, что ни один из них вовремя не придет, но все равно считал необходимым дать системе еще один шанс.

Номера домов подтверждали карту. Шесть. Семь. После последнего тянулось длинное кирпичное здание с заколоченными витринами. За ним начинался девятый. На фасаде промежуточного здания висела выцветшая вывеска: «ДОМ БЫТА». Справа от нее виднелся светлый прямоугольник — след от снятой таблички. Ниже кто-то прикрепил новую: «НУМЕРАЦИЯ ВРЕМЕННО УТОЧНЯЕТСЯ». А под ней мелкими буквами было написано: «В целях сохранения последовательности номер объекта может не соответствовать его положению между соседними объектами».

Путешественник обошел здание: с фасада оно выглядело давно закрытым, где-то еще оставались старые надписи. Под словом «Документы» кто-то черной краской добавил: «если они у вас есть». Надпись почти стерлась. Во дворе было темнее. Желтый фонарь освещал мусорные контейнеры, несколько металлических дверей и длинный ряд окон мастерских.

Путешественник шел медленно.

На четвертой двери висела табличка: «ПОСТОРОННИМ ВХОД РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ПРИ ОТСУТСТВИИ ПОСТОРОННИХ». Путешественник остановился. Значит, место существовало. Это почему-то напугало его сильнее, чем если бы никакого Дома быта здесь не было.

Он посмотрел наверх — над дверью висела камера. Объектив был направлен не на вход, а чуть в сторону — туда, где должен был стоять человек, читающий табличку. Путешественник сделал шаг назад. Изнутри послышался слабый гул. Возможно, работала вентиляция, а возможно, какой-то станок. Где-то за стеной звякнул металл. Потом появился запах. Кофе. Слабый. На секунду. Будто кто-то открыл упаковку и сразу закрыл.

Путешественник почувствовал, как рука сама потянулась к карману, хотя квитанции там не было. Она лежала за нижней панелью принтера в Управлении.

В этот момент открылась дверь соседней мастерской, и вышел мужчина в синем рабочем халате. В руках у него была небольшая картонная коробка. Увидев Путешественника, мужчина не удивился.

— Мастерская закрыта, — сказал он.

— Я не в мастерскую.

— Тогда правильно.

Мужчина направился к выходу из двора. Путешественник догнал его.

— Простите. Это Дом быта номер восемь?

Мужчина остановился. Посмотрел на него, потом перевел взгляд на здание.

— А какой номер Вам нужен?

— Восемь.

— Тогда, наверное, восемь.

— На карте его нет.

— Значит, на карте он не нужен.

— Но он же существует.

Мужчина вздохнул.

— Молодой человек, Вас интересует адрес или подтверждение собственной наблюдательности?

Путешественник промолчал.

— Если адрес — его нет. Если второе — поздравляю.

И мужчина ушел. Путешественник еще несколько минут простоял во дворе. К двери он так и не подошел. В сообщении говорилось про четверг, поэтому сейчас встречаться с тем, кто его отправил, он не собирался. Но теперь знал главное: место было настоящим. Настолько настоящим, насколько вообще в Заперти могло быть настоящим то, существование чего отрицала карта.

Он насчитал два выхода из двора, три камеры и низкую ограду со стороны мастерских.

Путешественник вернулся в гостиницу. На стойке дежурила уже знакомая служащая. Она подняла взгляд.

— Вы выходили?

— Да.

— Через основной вход?

Путешественник помедлил.

— Сейчас собираюсь войти через основной.

Женщина подумала.

— Тогда последовательность действий восстановлена.

Она отметила что-то в журнале.

Путешественник прошел к лифту. В номере он снова открыл карту — дом № 8 по-прежнему отсутствовал. Тогда он набрал в поисковой строке «Дом быта № 8». Ответ появился мгновенно:

«По Вашему запросу найдено 0 объектов. Возможно, Вы имели в виду Дом быта № 6 (временно закрыт), Дом быта № 7 (услуги временно ограничены), Дом быта № 9 (обслуживание осуществляется в порядке очереди), Дом быта № 10 (существование подтверждено). Если Вы физически находитесь рядом с объектом, отсутствующим на карте, убедитесь, что Вы действительно находитесь рядом с ним».

Путешественник отложил телефон. Система не просто не знала о Доме быта № 8. Она знала, что его не должно быть.

Следующим утром Путешественник впервые пришел в Управление с желанием как можно скорее сесть за служебный компьютер. Раньше терминал на его столе казался частью наказания — показывал номера очередей, фиксировал нарушения, требовал подтверждать отсутствие нарушений и каждые десять минут напоминал, что отсутствие подтверждения само по себе может считаться поводом для подтверждения. Теперь Путешественник смотрел на него иначе. Если государственная сеть утверждала, что Дома быта № 8 не существует, то ему хотелось понять, насколько далеко распространяется это несуществование.

Норма появилась ровно к началу смены. В ее внешности не было ничего, что напоминало бы о существовании времени между рабочими периодами: на ней был тот же темно-синий костюм, а волосы, как всегда, были собраны без единой выбившейся пряди.

— Сегодня обновление Единой информационной сети, — сообщила она.

Путешественник насторожился.

— Что изменилось?

— Пользовательский опыт.

— А функциональность?

— В уведомлении этого нет.

На экране служебного терминала появилась заставка: «Единая информационная сеть 4.3. Теперь еще больше того, что вам нужно». Ниже светились две кнопки: «СОГЛАСЕН С ОБНОВЛЕНИЕМ» и «ОЗНАКОМЛЕН С НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ ОТКАЗА». Путешественник выбрал вторую. Система тут же поблагодарила за согласие. Открылась главная страница.

В гостинице Путешественник уже несколько раз пользовался Единой сетью, но только по необходимости: первые попытки найти что-либо за пределами разрешенного быстро показали ее бесполезность. На этот раз он решил разобраться в системе получше. Внешне она почти не отличалась от привычного интернета: сверху располагалась поисковая строка, слева — новости, справа — почта, ниже — объявления, погода, образование, видеосервис, государственная социальная платформа «НА СВЯЗИ» и раздел «Свободное время в пределах свободного времени».

Путешественник открыл новости. Судя по ним, прошедший день обошелся без событий, требующих беспокойства. Удовлетворенность граждан доступным объемом информации оставалась достаточно высокой, чтобы точные цифры не имели значения, а транспортная система продолжала расширять возможности перемещения. Последнее оказалось особенно впечатляющим: между двумя автобусными остановками добавили третью, благодаря чему пространство доступных направлений официально увеличилось на 3,7 процента.

Под материалами находились комментарии, но прочитать их было нельзя: обсуждение временно скрыли для сохранения общественного согласия. Судя по счетчику, согласие уже высказали 1984 человека. Путешественник закрыл новости.

Возможно, здесь действительно ничего не происходило. Или происходящее просто не всегда получало статус новости.

Он открыл видеосервис, выбрал раздел «Рекомендовано вам до того, как вы успели выбрать». Среди всех предложенных видеороликов Путешественник выбрал последний — «Море: документальный фильм о допустимых свойствах большого количества воды». Появи-

лось предупреждение: «Контент содержит изображения горизонта. Продолжить?» Он выбрал «да». Диктор рассказывал о море, но самого моря не показывал. Через две минуты возникла заставка: «Изображение удалено в связи с отсутствием практической необходимости».

Путешественник нажал на кнопку «назад».

Дальше шла социальная сеть «НА СВЯЗИ». При первом входе система предложила согласиться с правилами: «НА СВЯЗИ — общайтесь свободно с теми, с кем связь разрешена». Отдельная регистрация не требовалась — страница уже существовала. У Путешественника уже числилось двадцать семь человек в списке друзей, и большинство из них он никогда не видел. Трое работали в Управлении, один был сотрудником гостиницы. Пятеро высвечивались как «рекомендованные связи по месту административного присутствия».

Норма тоже числилась среди друзей. Ее страница напоминала продолжение служебной карточки: официальная фотография, ни одного личного снимка, ни одной публикации. Только под именем стоял статус: «Доступна в рабочий период в соответствии с должностными обязанностями». Путешественник попробовал удалить ее из друзей. Появилось окно: «Вы уверены, что хотите снизить уровень социальной связности с наставником?» и две кнопки: «Нет» и «Нет необходимости». Путешественник закрыл окно.

Сбоя среди друзей он не увидел. Тогда он ввел имя в поиске пользователей: «Сбой 4-04». Система долго обрабатывала запрос и выдала результат: «Пользователь не поддерживает достаточный уровень социальной прозрачности». Это было настолько похоже на Сбоя, что Путешественник решил: страница, вероятно, настоящая.

Он открыл почту. В папке «Входящие» находились письма от гостиницы, Министерства соответствия, Управления регулируемых очередей, службы питания, службы сетевой безопасности, Центра пользовательской удовлетворенности и организации с названием «Отдел защиты граждан от нежелательных сообщений». Больше всего писем было от последней. Вместо папки «Спам» — «Корреспонденция, нежелательная для прочтения». Папку нельзя было открыть.

Путешественник вспомнил сообщение о кофе — оно пришло через ту же почту. Значит, государственная система могла доставить текст, которого официально в ней не должно было существовать. Кто-то нашел лазейку внутри правил, либо лазейка и была частью правил.

Он посмотрел на Норму — она стояла возле очереди и объясняла мужчине, почему его место считается временно неопределенным после того, как человек впереди него ушел в туалет без формы санитарного отсутствия.

Путешественник снова открыл поиск и набрал «Дом быта № 8». На рабочем компьютере ответ оказался более подробным, чем на телефоне: «Данный объект не зарегистрирован по следующим возможным причинам: ошибка пользователя; устаревшие воспоминания; некорректное визуальное восприятие; использование неофициальной нумерации; нахождение не там, где пользователь считает, что находится. Если Вы считаете, что видели данный объект лично, обратитесь в Отдел согласования наблюдаемой действительности».

Путешественник открыл карту. Седьмой дом. Девятый. Между ними — серое пятно. Теперь на нем появилась подпись «ТЕХНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ БЕЗ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЙ ЦЕННОСТИ». Он приблизил карту — контуры здания исчезли. Еще приблизил — исчез уже весь квартал. На экране осталось белое поле и сообщение: «МАСШТАБИРОВАНИЕ НЕ УВЕЛИЧИВАЕТ ОБЪЕМ ДОСТУПНОЙ ИНФОРМАЦИИ».

Путешественник откинулся на спинку стула. В обычном мире карта помогала найти место. В Заперти она помогала понять, какие места находить не следует. Еще вчера он стоял там, читал табличку, слышал звуки за дверью, чувствовал запах кофе. Сейчас же сеть уверяла его, что никакой пользовательской ценности в этом нет.

Чем настойчивее сеть доказывала отсутствие пользовательской ценности, тем яснее Путешественнику становилось: именно туда и стоило смотреть.

На терминале замигала зеленая кнопка. Он нажал ее за секунду до окончания таймера. «ОТСУТСТВИЕ НАРУШЕНИЙ ПОДТВЕРЖДЕНО».

В обед он снова зашел в сеть, но теперь уже не ради Дома быта. Ему хотелось узнать, где проходят границы системы. Путешественник ввел «Как покинуть Заперти?» Поисковик задумался дольше обычного, а через несколько секунд открыл раздел внутреннего туризма: «Путешествуйте по Заперти! Откройте страну, не покидая ее». С экрана улыбалась семья, стоявшая в обнимку возле фонтана. «Хотите сменить обстановку? Вам не обязательно уезжать: Заперти предлагает более 34 утвержденных направлений внутреннего туризма». Ниже фотографии парка Положительных Впечатлений, исторического района Старых Новостроек, музея Разрешенных Путешествий, Тихого Берега.

Путешественник остановился. Тихий Берег был указан в его новом паспорте как место рождения. Он открыл страницу. «Тихий Берег — место, где ничто не отвлекает от ощущения берега». На снимке виднелись серые дома, набережная и длинная бетонная стена. Моря не было. В разделе «История» говорилось: «Название района связано с ранним периодом географического планирования и не должно восприниматься как обещание наличия водного объекта».

Он закрыл страницу и вернулся к поиску. Ввел «Город у моря». Поисковик тут же исправил запрос «Возможно, вы имели в виду Тихий Берег». Путешественник нажал «искать все равно». Страница мигнула: «Поиск выполнен с учетом корректировки пользовательского заблуждения». Снова Тихий Берег.

Он попробовал уточнить запрос: белые дома, вокзал, море, название страны, из которой приехал. Но поисковик последовательно удалял слова — сначала страну, потом вокзал, море. В строке осталось «дома».

Совпадений вышло почти два миллиона.

Путешественник медленно убрал руки с клавиатуры. Сеть не блокировала информацию, действовала хитрее: исправляла запрос до тех пор, пока в нем не оставалось ничего, на что опасно отвечать.

Рядом кто-то кашлянул — Путешественник резко повернулся. Это была Норма.

— Ваш перерыв закончился три минуты назад.

— Я изучаю Единую информационную сеть.

— Это видно.

Она посмотрела на экран. Тихий Берег.

— Красивый район, — сказала Норма.

— Там нет моря.

— Это не делает район хуже.

— Но он называется Берег.

— Название не обязано описывать объект.

Путешественник посмотрел на нее.

— Тогда почему в паспорте нельзя было оставить мое настоящее место рождения как название?

Норма слегка нахмурилась. Не на него — скорее на сам вопрос.

— Потому что место рождения относится к подтверждаемым данным.

— Тихий Берег? Но я там никогда не был.

— Это не влияет на существование района.

— Но влияет на то, родился ли я там.

Норма задумалась. Путешественник уже знал этот взгляд: казалось, она пыталась найти правило, которое позволило бы примирить документ с тем, что он говорил.

— Если сведения указаны в документе, значит они прошли проверку.

— Кем?

— Органом, который их указал.

Путешественник кивнул. У замкнутых систем было одно явное преимущество: доказательство можно хранить там же, где и утверждение.

Норма посмотрела на таймер зеленой кнопки.

— Вам следует вернуться к работе.

— Разумеется.

Она отошла на несколько шагов, а Путешественник снова повернулся к экрану.

— Норма.

Она остановилась.

— Да?

— А Вы когда-нибудь искали в сети то, чего там быть не должно?

— Если чего-то не должно быть в сети, зачем мне это искать?

— Чтобы узнать, есть ли оно.

Норма посмотрела на него с сожалением.

— Иногда Вы формулируете вопросы так, будто хотите заранее усложнить себе ответ.

И ушла.

Путешественник проводил ее взглядом и снова открыл поисковик.

К концу рабочего периода он уже воспринимал Единую информационную сеть как собеседника, который все знает, но при этом панически боится сказать что-то лишнее.

Прямые формулировки ничего не давали, и Путешественник начал приближаться к запретной теме через определения: «Почему некоторые товары называются товарами внешнего происхождения?» Ответ: «Внешнее происхождение — утвержденная категория товарного учета, не содержащая обязательного географического смысла».

Он продолжил: «Международные социальные сети». Результат: «Устаревшие формы неконтролируемого общения. На раннем этапе развития цифровых технологий граждане могли самостоятельно устанавливать круг общения, обмениваться сообщениями с неизвестными системе лицами, публиковать фотографии без предварительного определения допустимой аудитории и получать информацию от источников, чья полезность не была подтверждена».

Звучало почти как описание дикого средневековья.

«Особую опасность представляли так называемые мессенджеры — средства несогласованной близости, позволявшие двум и более гражданам вступать в беседу без участия третьей стороны, отвечающей за общественную безопасность».

Путешественник пролистал дальше. «На сегодняшний день гражданам Заперти доступны современные безопасные средства общения: государственная почта; социальная платформа «НА СВЯЗИ»; служебные сообщения; форма обратной связи с органами власти; форма обратной связи о предыдущей форме обратной связи».

Далее шли вопросы и ответы.

Путешественник замер.

«Можно ли написать человеку, находящемуся за пределами Заперти?»

Он нажал. «Категория не используется в актуальной версии Единой информационной сети. Рекомендуем уточнить местонахождение собеседника в пределах доступной географии».

Вдруг он вспомнил архивную папку, перевязанную черной лентой. На ней его имя было напечатано без единой ошибки — система знала его. Но сеть делала вид, будто за пределами выданного имени ничего нет.

Путешественник набрал свое настоящее имя. В строке поиска оно выглядело почти неприлично, как личная вещь, случайно оставленная на столе в государственном учреждении.

Он нажал Enter. Строка очистилась. Ни ответа, ни ошибки.

Он нахмурился. Ввел имя снова. Медленнее. Проверил каждую букву. Enter.

В правом верхнем углу появилась желтая точка. Под поисковой строкой появилась надпись: «Запрос не содержит информации, необходимой пользователю с подтвержденной личностью». Сразу завибрировал телефон. На экране появилось: «ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ОБНОВЛЕН». Под фотографией и именем появилась тонкая желтая строка «ИНТЕРЕС К НЕПОДТВЕРЖДЕННЫМ ИДЕНТИФИКАТОРАМ. СТАТУС: НАБЛЮДАЕТСЯ».

— Я бы на Вашем месте этого не делала.

Путешественник вздрогнул — в нескольких шагах от него стояла Норма. Она смотрела не на экран компьютера, а в свой планшет. Судя по всему, там появилась та же желтая строка.

— Что именно? — спросил он.

— Повторять запрос.

— Первый исчез. Я решил, что запрос не отправился.

Норма подошла ближе.

— Если система не показывает результат — это тоже результат.

— Удобно.

— Да.

Путешественник не смог определить, услышала она иронию или нет.

Норма посмотрела на желтую отметку.

— Один неправильный запрос может быть случайностью, но два уже считаются интересом.

— А интерес запрещен?

— Не весь. Обычно разрешенный интерес направлен на то, что доступно.

— А если я не могу что-то найти?

— Тогда интерес уже не поможет получить информацию.

Путешественник глянул на экран.

— Я искал свое имя.

Норма встретила с ним взглядом. На мгновение привычная служебная невозмутимость дрогнула — будто она сначала услышала смысл его слов, а уже потом вспомнила, как на них следует отвечать.

— У вас есть имя.

— Выданное.

— Подтвержденное.

— Не мое.

Норма опустила глаза на планшет.

— Вопрос о принадлежности имени уже рассмотрен Министерством. Зачем искать его снова?

— Чтобы понять, что знает о нем сеть.

— Теперь Вы знаете.

Путешественник усмехнулся.

— Что она ничего не показывает?

— Что она считает этот запрос не соответствующим Вашему профилю.

— Это не одно и то же.

— Для системы — одно и то же.

Она сказала это ровно, без напора, даже без сочувствия. Просто констатировала факт. Путешественник снова посмотрел на желтую полосу.

— Что теперь будет?

— Пока ничего.

— А потом?

— Зависит от того, продолжите ли Вы.

— Искать свое имя?

— Создавать интерес.

Норма убрала планшет.

— Я не буду оформлять отдельное нарушение. Сам поиск не является запрещенным действием.

Путешественник вопросительно посмотрел на нее.

— Но?

— Но некоторые результаты поиска могут стать основанием для других действий.

— Каких?

— Если это произойдет, Вам сообщат.

Она развернулась, но Путешественник окликнул ее:

— Норма.

Она остановилась.

— Вы пытаетесь меня предупредить?

Норма долго смотрела на него.

— Я объясняю Вам, как работает система.

— Это не ответ.

— В Заперти это лучший ответ, который можно получить.

И ушла.

Путешественник проводил ее взглядом. Эту фразу вполне мог произнести Сбой. Но из уст Нормы она прозвучала гораздо тревожнее.

Желтая отметка изменила сеть: поисковик работал, почта открывалась, новости загружались, но часть страниц исчезла. Раздел о международных социальных сетях теперь открывался не полностью — вопросы и ответы пропали. На карте серый участок между домами № 7 и № 9 исчез: улица шла непрерывной линией, словно здания стояли вплотную друг к другу. На запрос «Дом быта № 8» вышел ответ: «Поиск нецелесообразен с учетом Вашей предыдущей поисковой активности».

В государственной социальной сети число друзей выросло с двадцати семи до тридцати двух: пятеро новых имели статус «Специалист по социальной адаптации». Никому из них Путешественник запросов в друзья не отправлял.

В четверг после работы Путешественник вышел из Управления позже большинства сотрудников. За весь рабочий период Сбой так и не появился. Это его беспокоило сильнее, чем хотелось признать.

На проходной горела надпись: «РАБОЧИЙ ПЕРИОД УСПЕШНО ЗАВЕРШЕН, ЕСЛИ ИНОЕ НЕ БУДЕТ УСТАНОВЛЕНО». Он приложил карту — турникет открылся. До 21:40 оставалось еще несколько часов. Дождь снова начинался. Путешественник остановился под козырьком Управления и сунул руку в карман — квитанция по-прежнему лежала внутри принтера в третьем секторе. Он развернулся.

Охранник у входа поднял голову.

— Вы уже завершили рабочий период.

— Я забыл вещь.

— Личную?

Путешественник задумался: квитанцию выдал государственный терминал на его имя, а спрятана она в государственном принтере по совету государственного технического сотрудника.

— Не уверен.

Охранник кивнул.

— Тогда можете вернуться для уточнения принадлежности.

Турникет снова открылся.

В третьем секторе было пусто. Принтер стоял на месте. Путешественник отодвинул урну, открыл нижнюю панель и просунул пальцы в нишу. Квитанция была там, но края чуть загнулись, и сгиб проходил теперь чуть выше кода. Он был почти уверен, что складывал ее иначе. Почти — не лучшее слово, когда пытаешься понять, кому можно доверять.

— Плохое место?

Путешественник резко обернулся. Сбой стоял у входа в сектор. Сегодня на нем была другая серая рубашка, но выглядела она так, будто давно устала работать.

— Ты меня напугал.

— Значит, место еще работает.

Сбой подошел ближе, посмотрел на квитанцию, потом на Путешественника.

— Куда собрался?

— В гостиницу, а что?

Путешественник убрал бумагу во внутренний карман.

— Ничего.

— Ты смотришь так, будто я вру.

— Нет. Я смотрю так, будто ты врешь неубедительно.

Путешественник невольно улыбнулся. Сбой заметил желтую отметку на экране его телефона. Улыбка сразу исчезла.

— Желтая отметка? — спросил Сбой. — Когда получил?

— Сегодня.

— Два запроса?

Путешественник нахмурился.

— Откуда ты знаешь?

— За один запрос желтую обычно не дают.

— Обычно?

— Система любит исключения, но редко в пользу пользователя.

Путешественник помедлил, затем рассказал про поиск своего настоящего имени. Про Дом быта и сообщение о встрече он умолчал.

Сбой взял телефон, но Путешественник не сразу выпустил его из рук.

— Что ты хочешь сделать?

— Ничего.

— Это на тебя не похоже.

— Хочу посмотреть, что система уже сделала.

Путешественник все-таки отдал устройство.

Сбой открыл служебное меню.

— Не здесь.

И вернул телефон.

— Почему?

Сбой посмотрел на камеру под потолком.

— Потому что сегодня ты и так достаточно интересный.

Он ушел.

Путешественник посмотрел ему вслед и направился к выходу из Управления.

В 21:32 Путешественник снова был у Дома быта № 8 — здание выглядело ровно так же, как в прошлый раз. Это само по себе настораживало.

Один фонарь. Три камеры. Никаких людей.

Телефон показал 21:40. Ничего не произошло.

Путешественник подошел к двери с табличкой «ПОСТОРОННИМ ВХОД РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ПРИ ОТСУТСТВИИ ПОСТОРОННИХ», огляделся. Никого. Постучал. Тишина.

Еще раз. Внутри что-то щелкнуло. На уровне груди приоткрылось небольшое металлическое окошко, которого раньше Путешественник не замечал.

— Квитанция.

Голос звучал безлико — невозможно было определить, мужской он или женский. Низкий, тихий, почти переходящий в шепот.

Путешественник достал квитанцию.

— Сначала скажите, кто Вы.

Окошко начало закрываться.

— Подождите.

Замерло.

— Я получил сообщение.

— Значит, адрес нашли.

— На карте его нет.

— Значит, хорошо спрятан.

— Вы продаете кофе?

Пауза.

— Иногда.

— А мне?

— Это зависит.

— От чего?

— Бумагу.

Он протянул ее в окошко. Чья-то рука в тонкой рабочей перчатке забрала квитанцию и тут же исчезла. Путешественник ждал. Внутри что-то пискнуло. Квитанция появилась обратно.

— Так почему Вы мне написали?

— Потому что спрашивал.

— Я спрашивал в магазине.

— Именно.

— Вы видите запросы магазина?

— Иногда магазин видит больше, чем думает.

— Кто оформил резерв семь лет назад?

— Ты принес квитанцию.

— Это не ответ.

— Здесь ответы стоят дороже кофе.

— И сколько стоит кофе?

За дверью тихо усмехнулись.

— Вот теперь звучишь как покупатель.

— Так сколько?

Путешественник почувствовал раздражение.

— Сегодня тебе ничего не продадут.

— Почему?

— Желтый.

— Что?

— Профиль.

Он машинально достал телефон. Желтая полоска все еще была под именем.

— Убери телефон, — приказал голос из окошка.

Путешественник убрал устройство в карман.

— Откуда Вы знаете?

Окошко начало закрываться. Путешественник выставил ладонь.

— Подождите.

— Убери руку.

Он убрал. Окошко осталось открытым.

— Вы имеете доступ к системе?

— Система сама имеет доступ ко всем — так проще.

— Я пришел один.

— Нет.

Путешественник оглянулся — двор был пуст.

— Здесь никого нет.

— Профиль пришел с тобой.

Он невольно коснулся кармана — впервые телефон показался не просто инструментом, а чем-то вроде работника Министерства, которому разрешили жить вместе с ним.

— Вы видите мой профиль?

— Его много кто видит.

— Кто?

— Ты задаешь слишком дорогие вопросы человеку, у которого даже кофе не купил.

Путешественник сжал в руке квитанцию.

— Когда можно прийти снова?

— Когда перестанешь светиться.

В этот момент изнутри раздался короткий сигнал — человек за дверью замолчал.

Где-то на улице хлопнула автомобильная дверь. Следом — еще одна. Послышались голоса.

Окошко резко захлопнулось. Путешественник сделал шаг назад. На двери погасла маленькая лампа.

Во дворе стало как-то слишком тихо.

Из арки вышли двое в темной форме, спокойно, без спешки, но явно в его сторону. Один из них заглянул в планшет.

— Дом бытового обслуживания?

Второй посмотрел на стену.

— На карте здесь техническая территория.

— Значит, проверим техническую территорию.

Путешественник двинулся к другому выходу. Один из сотрудников повернул голову.

— Гражданин!

Путешественник не остановился.

— Гражданин Порядок 0-17-314!

Теперь он перешел на быстрый шаг.

В конце двора находилась низкая ограда, которую он заметил еще во время первой разведки. Путешественник бросился туда.

Позади донеслось:

— Остановитесь для уточнения причины перемещения!

Он уже поставил ногу на металлическую перекладину, как дверь мастерской внезапно открылась, и в дверном проеме мелькнула рука.

— Сюда!

Раздумывать не было времени. Он нырнул внутрь. Дверь захлопнулась. Темнота. Чья-то ладонь толкнула его в спину.

— Вперед.

Путешественник пошел на ощупь. Впереди загорелась маленькая лампа. Узкий коридор. Стеллажи. Коробки. Человек быстро прошел между ними и отодвинул металлический шкаф. За ним обнаружилась дверь.

— Вниз.

— Кто эти люди?

— Сейчас не лучшее время заводить новые знакомства.

Снаружи постучали.

— Служба контроля. Откройте для подтверждения отсутствия незарегистрированной деятельности.

Путешественник спустился. Дверь сверху закрылась. Под зданием тянулся низкий технический коридор. Под потолком проходили трубы. Через каждые несколько метров горели красные лампы.

— Идите прямо, — крикнул голос сверху.

— Куда он выходит?

— Если повезет — наружу.

— А если нет?

Послышался удар — сотрудники ломали дверь в мастерскую.

Он прибавил шаг. Коридор раздваивался. Никаких указателей не было, только на стене было написано мелом: «ЕСЛИ ВЫ ЭТО ЧИТАЕТЕ, ЗНАЧИТ, УКАЗАТЕЛЬ УЖЕ НЕ НУЖЕН». Путешественник выбрал левый проход. Через несколько десятков метров коридор снова повернул. На двери справа висела вполне официальная табличка: «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ СОГЛАСОВАННОЙ АВАРИИ». Путешественник дернул ручку. Закрыто.

Он продолжил идти. Вскоре показалась лестница. Он поднялся. Деревянная дверь. Толкнул ее и оказался в прачечной. Две женщины складывали белые простыни.

Они посмотрели на него. Он — на них.

— Где выход?

Одна молча указала налево.

Путешественник сделал несколько шагов, потом остановился.

— Вы даже ничего не спросите?

Женщина пожала плечами.

— У нас белье.

Вторая продолжала аккуратно складывать простыню.

Путешественник вышел через служебную дверь и оказался на другой улице. Ни Дома быта, ни людей в форме поблизости не было.

Только тогда он заметил, что телефон все еще включен. На экране горела желтая отметка. Он задумался. Человек за дверью велел убрать телефон. Не выключить — именно убрать. Путешественник нажал кнопку питания. Слишком поздно. Он прошел два квартала. Потом еще один. И только тогда включил устройство. Государственный профиль загружался дольше обычного. Появился герб, а затем сообщение: «МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ УСТРОЙСТВА ВРЕМЕННО НЕ ПОДТВЕРЖДАЛОСЬ». Телефон был выключен меньше пяти минут. Ниже появилось: «УКАЖИТЕ ПРИЧИНУ». Путешественник выбрал «Не знаю». «НЕЗНАНИЕ ПРИЧИНЫ НЕ ОСВОБОЖДАЕТ ОТ НАЛИЧИЯ ПРИЧИНЫ». Он нажал кнопку «Подтвердить».

Следующее уведомление появилось почти сразу: «ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ОБЫЧНОГО МАРШРУТА УЧТЕНО». Путешественник медленно опустил телефон. Служба контроля появилась вскоре после того, как он постучал в дверь. Кто-то знал. Телефон? Человек за дверью? Магазин? Кто-то в Управлении? Сбой видел квитанцию. Норма знала о том, что случилось в «Достатке». Система знала почти все. Впервые список возможных друзей и список возможных врагов состояли почти из одних и тех же имен.

На следующий день Сбой появился у его стола через двадцать минут после начала смены. Без сломанного терминала и вызова — просто поставил рядом ящик с инструментами.

— Телефон.

Путешественник посмотрел на него.

— Доброе утро.

— Оно не прошло сертификацию. Телефон.

— Вчера ты сказал: не здесь.

— Вчера у меня не было официальной причины лезть в твой телефон. Сегодня она есть.

Ты на несколько минут выпал из сети — для технической службы это почти приглашение.

Путешественник посмотрел на Сбой.

— Откуда ты знаешь?

— Технический журнал. Давай быстрее, Норма рядом.

Путешественник отдал устройство. Сбой подключил к нему маленький кабель, второй конец которого уходил в прибор размером со спичечный коробок.

— Что это?

— Ничего.

— Очень информативно.

— Официальное название слишком длинное.

Сбой нажал несколько кнопок — телефон показал: «ПОДКЛЮЧЕНО НЕИЗВЕСТНОЕ УСТРОЙСТВО. В целях безопасности неизвестное устройство признано известным до завершения проверки».

— Полезная система, — сказал Путешественник.

— Иногда она устает бояться.

Сбой открыл служебный профиль. Путешественник раньше его не видел. Черный фон. Белые строки.

— Твой профиль лежит поверх телефона, — сказал Сбой. — Как очень заботливый родственник. Не дает тебе разговаривать с незнакомыми, решает, что можно устанавливать, куда можно заходить, какие уведомления тебе показывать.

— Его можно удалить?

— Можно удалить почти все.

— Но?

— Некоторые вещи после удаления начинают интересоваться, почему их удалили.

Сбой посмотрел в сторону Нормы — она разговаривала с посетителем.

— Удалять не буду, только попрошу ненадолго отвернуться.

— Это безопасно?

Сбой посмотрел на него.

— Ты точно хочешь, чтобы именно я отвечал на этот вопрос?

Путешественник промолчал.

— Вот и хорошо.

Сбой ввел команду. На телефоне появилось предупреждение: «ВНИМАНИЕ. ОТКЛЮЧЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ВРЕМЕННОМУ КОНТАКТУ УСТРОЙСТВА С НЕПОДТВЕРЖДЕННЫМ СОСТОЯНИЕМ».

— Красиво написано, — сказал Сбой и нажал «продолжить».

Экран погас. Секунда. Две. Загорелся снова.

Путешественник не сразу узнал собственный телефон — исчез герб Заперти, исчезла надпись «Гражданин Порядок», на экране появилась фотография, которую он установил как заставку еще до поездки. Город. Улица. Солнечный свет. В углу — кусочек настоящего неба.

Путешественник почувствовал, как внутри что-то сжалось.

Он забыл, что эта фотография вообще существовала. Поверх нее начали появляться старые значки приложений — иностранный мессенджер, почта, карты, приложение банка, музыка — все то, что государственный профиль не удалил, а просто спрятал.

— Они здесь, — тихо сказал Путешественник.

— Разумеется.

— Мне сказали, что их нет.

— Нет и недоступно — близкие родственники в Заперти.

На экране появилось уведомление. Одно. Исчезло. Потом второе. Сбой открыл техническое окно. Строки побежали по экрану.

— Что там?

— Очередь уведомлений.

— Каких?

— Которые телефон получил, но профиль не пропустил. Почти все системные. И одно...

— Что?

Он повернул экран к Путешественнику.

«ВНЕШНЕЕ СООБЩЕНИЕ.

СТАТУС: ПОЛУЧЕНО УСТРОЙСТВОМ.

СТАТУС ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ: ДОСТАВКА НЕ РАЗРЕШЕНА».

Дата — день его поездки. Время — спустя несколько минут после того, как поезд должен был прибыть в Город у моря.

Путешественник перестал слышать шум Управления, нажал на строку. Появилось сообщение. Всего пять слов. «Поезд прибыл пустым. Где ты?»

Путешественник не дышал. Он прочитал один раз. Потом второй. Третий. Словно количество прочтений могло изменить смысл. Номер был скрыт, фотографии не было, но манеру письма он узнал сразу. Анна. Она должна была встретить его на вокзале в Городе у моря. Она была там, видела поезд или, по крайней мере, знала, что он пришел. Пять слов превращали внешний мир из предположения в событие. Пока в Заперти ему объясняли, что за его пределами нет ничего, с другой стороны его отсутствие заметили.

— Можно ответить?

— Сейчас — нет.

— Почему?

— Потому что сообщение лежит здесь как записка, которую просунули под дверь до того, как замуровали. Мы ее нашли, но это не значит, что дверь открыта.

— Но оно пришло извне.

— Да.

— Значит, связь была.

— Была.

— Когда?

— Судя по метке — в день твоего приезда. Телефон еще видел внешний канал. Потом профиль перехватил уведомление.

— Почему оно сохранилось?

— Профиль умеет прятать уведомления лучше, чем удалять. Кто-то решил, что невидимое можно считать несуществующим.

Сбой впервые за несколько минут едва улыбнулся.

— Иногда некомпетентность — последняя форма свободы.

Путешественник продолжал смотреть на сообщение.

— Ты можешь достать адрес отправителя?

— Не сейчас.

Сбой быстро сфотографировал технический экран своим служебным устройством, но изображение получилось белым.

— Знакомо, — сказал Путешественник.

Сбой посмотрел на него.

— Что именно?

Путешественник понял, что придется рассказать.

— Мне уже приходило сообщение, которое нельзя было сфотографировать.

Сбой замер.

— Какое?

Путешественник оглянулся на Норму — она была далеко. Он тихо пересказал сообщение про кофе, дом быта № 8, квитанцию, проверку, подземный коридор.

Лицо Сбоя оставалось неподвижным.

— Ты пошел туда с желтой меткой в профиле?

Путешественник помедлил.

— Да.

— Один?

— Так было написано.

Сбой закрыл глаза.

— Это не ответ, который меня успокаивает.

— У меня нет цели тебя успокоить.

— Вот это как раз получается отлично.

— Служба контроля появилась почти сразу.

Сбой открыл глаза.

— Телефон выключил?

— Уже после. Что?

Сбой тихо выругался.

— Ничего.

— Ты знаешь это место?

— Нет.

— Уверен?

Сбой посмотрел на него.

— Нет.

Ответ был неожиданным.

— Что значит «нет»?

— Что я не уверен, какое место ты видел. Старых мастерских много, как и неофициальных точек.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что иногда чиню то, что официально не покупалось.

— Ты знал про встречу?

— Нет.

— Почему я должен тебе верить?

Сбой на секунду улыбнулся.

— Не должен.

Путешественник не ожидал такого ответа.

— Очень удобно.

— Наоборот. Если человек в Заперти требует доверять ему без проверки, от него надо бежать.

Телефон завибрировал. На экране появился герб Заперти. «ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ВОССТАНОВЛЕН. БЛАГОДАРИМ ЗА СОХРАНЕНИЕ ЛИЧНОСТИ». Старых приложений снова не было. Фотография исчезла. Вернулся стандартный фон — серо-голубой герб и имя Порядок 0-17-314.

Сбой быстро отсоединил прибор.

— А сообщение?

— Спрятано.

— Можно будет ответить?

Сбой посмотрел на него.

— Не через Единую сеть.

— Но есть другой способ?

Сбой не ответил. Это молчание было слишком длинным. Путешественник понял.

— Есть.

— Я этого не говорил.

— Поэтому и понял.

Сбой начал складывать инструменты.

— Ты сегодня удивительно быстро учишься.

— Когда можно отправить ответ?

Сбой застегнул ящик и впервые назвал его этим именем без насмешки. Тихо. Серьезно:

— Порядок, сейчас у тебя желтый профиль. Ты за два дня успел заинтересоваться несуществующим адресом, дважды ввести в поиск имя, которого у тебя официально нет, сходить к несуществующему дому, куда тебя позвали через сообщение, которое потом исчезло из переписки.

Путешественник слушал.

— И?

— Если после этого я покажу тебе, как отправить сообщение наружу прямо с рабочего места, — продолжил Сбой, — нам обоим придется очень быстро осваивать новую профессию.

— Какую?

— Не существовать.

В конце зала появилась Норма. Сбой заметил ее первым.

— У тебя был технический сбой телефона.

— Был?

— Теперь был.

Норма подошла.

— Что случилось?

Сбой поднял кабель.

— Конфликт служебного профиля после сетевого обновления.

Норма посмотрела на телефон Путешественника.

— Профиль был недоступен три минуты сорок секунд.

— Именно.

— Причина?

— Три минуты сорок секунд.

Норма посмотрела на него. Сбой поправил:

— Кратковременное нарушение авторизации при диагностическом подключении.

— Диагностика была необходима?

— Теперь уже да.

Норма перевела взгляд на Путешественника.

— Были обнаружены проблемы?

Он подумал о сообщении. «Поезд прибыл пустым. Где ты?»

— Да.

Сбой посмотрел на него. Норма достала планшет.

— Они устранены?

Путешественник ответил:

— Нет.

Сбой едва заметно нахмурился. Норма подняла глаза.

— Тогда почему диагностика завершена?

Путешественник не знал, что сказать.

Сбой спокойно ответил:

— Потому что проблема не относится к оборудованию.

Норма несколько секунд смотрела на них обоих. Потом сделала запись.

— В таком случае техническая служба ответственности не несет.

— Прекрасная формулировка, — сказал Сбой.

— Она предусмотрена инструкцией.

— Еще лучше.

Норма убрала планшет. Перед тем как уйти, она посмотрела на желтую отметку в профиле Путешественника.

— Обычно такие отметки снимаются после периода отсутствия повторных оснований.

— Сколько он длится?

— Зависит от отсутствия оснований.

— А точнее?

— Чем чаще вы проверяете, закончился ли период наблюдения, тем дольше система считает, что интерес сохраняется.

Путешественник кивнул.

— Понятно.

Норма ушла. Сбой посмотрел ей вслед.

— Иногда мне кажется, что она родилась в инструкции.

— Она сказала, что отметка исчезнет, если я не буду интересоваться.

— Это разумный совет.

— Ты предлагаешь последовать?

Сбой поднял ящик.

— Я предлагаю понять разницу между «не интересоваться» и «не давать системе видеть, что ты интересуешься».

Он ушел. Путешественник остался за столом. На экране зеленая кнопка мигала уже несколько секунд. Он нажал ее. «ОТСУТСТВИЕ НАРУШЕНИЙ ПОДТВЕРЖДЕНО». Впервые сообщение показалось почти личным.

До конца рабочего периода Путешественник больше ничего не искал — он следил за очередью. В пять часов — или в тот момент, который Управление считало концом рабочего периода, — сотрудники начали собираться. Путешественник выключил терминал. Телефон все это время лежал в кармане, и теперь он особенно ощущал его вес. Раньше это был просто телефон с государственным профилем. Сейчас — инструмент для слежки.

В гостинице Путешественник долго не решался включить свет. Он сидел возле окна. Нарисованное море почти исчезло в темноте. Если не знать, что на стекле краска, легко было представить, будто там и правда вода. Он вспомнил, как незадолго до поездки получил сообщение от Анны: «Буду ждать тебя у главного входа. Напиши, когда доедешь». Кажется, он ответил: «Хорошо. До встречи». Обычная договоренность теперь казалась издевательством.

Путешественник открыл блокнот, долго смотрел на пустую страницу. Затем написал:

«Сегодня я окончательно понял, что Единая информационная сеть — не интернет. Она только очень старается на него походить. Оказалось, различие не в количестве доступной информации, а в самом принципе. Интернет нужен, чтобы искать то, чего ты не знаешь, а Единая сеть — чтобы подтверждать то, что тебе уже сообщили.»

Вчера я пришел за кофе и оказался в месте, которого нет на карте. Мне ничего не продали: желтая отметка добралась туда вместе со мной. Вскоре после начала разговора появи-

лась Служба контроля. Я не знаю, кто привел ее к Дому быта — телефон, человек за дверью, случайная камера или кто-то, кому я уже успел довериться.

На несколько минут Сбой отключил служебный профиль на моем телефоне. Под ним оказался мой старый телефон. Моя фотография. Мои приложения. Моя жизнь. Все было там. Ничего не уничтожили. А потом мы нашли сообщение. Оно пришло в день моего приезда. В то время, когда я уже стоял на платформе здесь и пытался доказать женищине в справочном окне, что мой поезд действительно ушел. Сообщение было от Анны из Города у моря. Поезд туда прибыл. Без меня.

Раньше я думал, что хочу выбраться из Заперти, потому что мне здесь не нравится: у меня забрали паспорт, мне выдали чужое имя, а государство решает, нужны ли мне кофе, интернет и собственная биография. Все это правда.

Но сегодня к этому добавилась еще одна причина — снаружи меня ждали. Анна должна была встретить меня на вокзале. Пока здесь мне объясняли, что внешнего мира не существует, снаружи мое отсутствие оказалось реальнее, чем здесь мое присутствие.

Не знаю, что страшнее. То, что система умеет прятать внешний мир от меня. Или то, что она умеет прятать меня от внешнего мира».

Впервые с момента прибытия Путешественник понял: опоздать можно не только на поезд.

Глава 6. Отдел добровольного содействия

К началу следующего рабочего периода желтая отметка не исчезла, только цвет стал чем-то средним между желтым и серым, словно система сама еще не решила, насколько сильно ей следует им интересоваться. Путешественник обнаружил это еще в гостинице, когда телефон предложил ему ознакомиться с ежедневным состоянием личности.

Утро в Управлении регулируемых очередей выглядело как обычно: возле очереди на товары внешнего происхождения мужчина раскладывал на стуле завтрак, рядом пожилая женщина читала книгу, аккуратно придерживая пальцем страницу каждый раз, когда табло издавало звук, не относящийся к ее номеру.

Норма стояла возле центрального терминала.

— Доброе утро, — поприветствовала она.

— Оно прошло сертификацию?

Норма посмотрела на него чуть дольше обычного.

— Доброе утро не требует отдельной сертификации.

Путешественник улыбнулся и сел за стол.

Телефон завибрировал раньше, чем он успел подтвердить отсутствие нарушений: «Поздравляем! Ваша наблюдательность признана общественно перспективной. Вам назначена добровольная ознакомительная беседа в Отделе добровольного содействия. Время встречи: 11:30. Участие является добровольным. Явка обязательна».

Путешественник перечитал дважды, потом повернул телефон экраном к Норме.

— Добровольная беседа, на которую я обязан прийти?

— Вы обязаны явиться только для того, чтобы добровольно определить степень дальнейшего участия.

— А если я добровольно определяю, что участвовать не хочу?

— Тогда Ваше решение будет учтено.

— Очень успокаивает.

Она подняла глаза — на мгновение Путешественнику показалось, что Норма хочет что-то сказать. Но затем возле четвертого окна загорелась красная лампа, потому что гражданин начал доказывать, что его заявление не может считаться просроченным, так как срок рассмотрения предыдущего заявления еще не наступил. Норма направилась туда.

Путешественник снова посмотрел на экран. Кнопок было две: «ОЗНАКОМЛЕН» и «ОЗНАКОМЛЕН С НЕОБХОДИМОСТЬЮ ОЗНАКОМЛЕНИЯ». Он выбрал первую. Система поблагодарила его за инициативу.

До 11:30 оставалось чуть больше двух часов. Путешественник пытался работать, но несколько раз ловил себя на том, что смотрит не на очередь, а на часы. Само название Отдела добровольного содействия не обещало ничего хорошего. В Заперти слова «добровольный», «свободный» и «личный» почти всегда появлялись там, где государству требовалось заранее объяснить, что оно уважает их существование.

В 10:45 возле стола появился Сбой. На этот раз без ящика с инструментами, только с одной отверткой.

— Что сломалось? — спросил Путешественник.

— Пока ничего.

— Тогда зачем отвертка?

— Я без нее выгляжу подозрительно, а с ней я технический сотрудник.

Сбой повернул монитор к себе, нажал несколько клавиш, словно действительно что-то проверял.

- Желтая еще висит?
- Бледнеет.
- Значит, система считает, что ты выздоравливаешь.
- От чего?
- От интереса.

Путешественник помедлил. Он мог рассказать о приглашении на беседу, но произошедшее у Дома быта не выходило из головы: список возможных друзей и возможных врагов состоял почти из одних и тех же имен.

- Сегодня ничего не трогал, — сказал он.
- Сбой посмотрел на него.
- Знаю.
- Он забрал отвертку. Уходя, остановился.
- Если сегодня куда-нибудь позовут, сначала спроси, почему.
- Путешественник поднял голову.
- Почему ты решил, что меня куда-нибудь позовут?
- Сбой пожал плечами.
- В Заперти это универсальный совет.

Он ушел. Путешественник смотрел ему вслед значительно дольше, чем требовалось для обычного универсального совета.

В 11:17 Норма подошла к его столу.

- Вам пора.

Отдел добровольного содействия располагался в здании Министерства соответствия, но вход оказался отдельным. Путешественник уже бывал в главном корпусе, когда ему выдавали новую личность. Тогда здание запомнилось длинными лабиринтами коридоров, закрытыми дверями и указателями, которые всегда сообщали, где человек находится, но редко — как отсюда выйти.

Отдел выглядел иначе — светлее, просторнее. На стенах висели плакаты с лозунгами: «НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ — ФОРМА УЧАСТИЯ», «ЗАМЕТИЛ — ЗНАЧИТ, УЖЕ НЕ ПРОШЕЛ МИМО», «ХОРОШИЙ ГРАЖДАНИН НЕ ВМЕШИВАЕТСЯ. ХОРОШИЙ ГРАЖДАНИН СООБЩАЕТ ТЕМ, КТО ИМЕЕТ ПРАВО ВМЕШИВАТЬСЯ». На самом большом плакате улыбалась женщина средних лет. Одной рукой она держала пакет с продуктами, другой — телефон. Под фотографией было написано: «ЕСЛИ СОСЕД ВЕДЕТ СЕБЯ НЕОБЫЧНО, НЕ ДЕЛАЙТЕ ПОСПЕШНЫХ ВЫВОДОВ. СООБЩИТЕ НАМ. ВЫВОДЫ СДЕЛАЕМ МЫ».

В приемной сидели семь человек. На стене горело электронное табло: «Очередь для добровольных посетителей. Среднее время добровольного ожидания: 38 минут». Путешественник посмотрел на часы — до назначенного времени оставалось восемь минут. Он подошел к сотруднице за стойкой и приложил карту к терминалу.

- У меня назначена беседа на 11:30.

На экране появилось его имя. Сотрудница улыбнулась.

— Вы приглашенный — Вам без очереди. Кабинет двенадцать. Прямо по коридору, затем направо, затем налево после указателя «Прямо».

- Почему после указателя «Прямо» нужно налево?
- Потому что указатель относится к предыдущей схеме движения.

Кабинет двенадцать он нашел со второй попытки. Женщина за столом выглядела лет на сорок с небольшим. Темные волосы уложены в пучок, костюм темно-изумрудного цвета смотрелся значительно мягче и менее официально, чем темно-синий Нормы. На столе — чашка, папка, монитор и небольшой сосуд с карандашами. На бейдже — «Доверие 5-22». Имя показалось Путешественнику довольно подходящим.

— Порядок 0-17-314?

— Согласно документам.

Она подняла глаза.

— Хорошая формулировка. Присаживайтесь.

В ее голосе не было ни служебной черствости Нормы, ни хулиганской насмешки Сбоя. Скорее привычная доброжелательность человека, который ежедневно сообщает людям вещи, способные им не понравиться, и потому научился делать это так, чтобы недовольство казалось слегка невежливым.

— Вы понимаете, почему Вас пригласили? — спросила женщина.

— Нет.

— Хорошо. Отсутствие предварительных предположений облегчает правильное восприятие информации.

Она открыла папку.

— За последнее время Ваш профиль продемонстрировал повышенную наблюдательность.

Путешественник усмехнулся.

— Я думал, это называется повышенным интересом.

— Зависит от направления.

— А сегодня?

— Сегодня мы хотели бы предложить направить его в общественно полезное русло.

Доверие повернула к нему монитор. На экране появился заголовок: «Программа добровольного содействия общественной ясности. Гражданин видит больше, когда знает, что следует замечать».

Путешественник медленно перевел взгляд на женщину.

— Вы хотите, чтобы я за кем-то следил?

— Нет. Чтобы Вы наблюдали.

Ответ прозвучал мгновенно.

— В чем разница?

— Слежение предполагает целенаправленное скрытое наблюдение.

— А наблюдение?

— Присутствие гражданина при обстоятельствах.

— Если я при обстоятельствах что-то замечу?

— Сообщите нам.

— То есть Вы хотите, чтобы я сообщал о других людях.

Женщина слегка улыбнулась.

— Официальное наименование роли — «специалист по добровольному содействию общественной ясности». Внештатная форма участия.

— Доносчик.

Женщина посмотрела в экран.

— Такой должности в классификаторе нет.

— Но работа есть?

— Неофициальные термины часто упрощают явления до степени эмоционального искажения.

— А официальные?

— Уточняют.

Путешественник посмотрел на папку.

— Почему я?

— Люди, способные замечать несоответствия, часто хорошо замечают их и у других.

— А если я не хочу замечать их у других?

— Вы уже замечаете.

— Тогда не хочу сообщать.

Доверие положила руки на стол.

— Порядок, программа добровольная.

— Вы второй человек за сегодня, который произносит это слово так, что оно начинает звучать как угроза. А если я откажусь?

— Отказ будет зарегистрирован. В дальнейшем система сможет учитывать, что Вам была предложена возможность содействия и Вы ей не воспользовались.

— При каких обстоятельствах?

— При обстоятельствах, в которых это окажется значимо.

Путешественник кивнул.

Женщина перевела взгляд на экран и нажала кнопку.

— Возможно, мы начали не с той части.

На экране появился список того, что может быть доступно участникам программы: повышенный коэффициент к оплате труда, приоритетный порядок рассмотрения некоторых заявлений, расширенная категория жилищного соответствия, упрощенная процедура разрешения на приобретение товаров внешнего происхождения, второй уровень доступа к Единой информационной сети.

Путешественник перестал улыбаться. Сотрудница это заметила.

— Второй уровень доступа к сети. Что он дает?

— Расширенный объем информации, необходимый гражданам с расширенной ответственностью.

— Это не ответ.

— Доступ второго уровня невозможно полностью описать пользователю первого уровня без предоставления части информации второго уровня.

Путешественник посмотрел на нее.

— Удобно.

— Безопасно.

— Что именно нужно сообщать? — спросил он.

Женщина открыла следующий раздел: «Признаки потенциально несогласованного поведения». В нем перечислялись случаи, которые могли считаться общественно значимыми наблюдениями: гражданин ищет ресурсы, доступ к которым не предусмотрен; проявляет устойчивый интерес к внешней географии; использует неизвестные устройства; выражает сомнение в официальной информации без подтвержденной причины сомневаться; интересуется неподтвержденными идентификаторами; предпринимает попытки изменить назначенную цифровую среду; слишком часто использует слово «выход» вне контекста эвакуации, завершения рабочего периода или выхода из помещения.

Путешественник посмотрел на часы. Беседа шла двадцать минут, а он по-прежнему не мог определить, что пугает сильнее: само предложение или будничность, с которой оно делалось.

— Хороший гражданин обязан это делать?

— Нет. Хороший гражданин понимает, что общественная ясность создается совместно.

— А плохой?

— Нет категории «плохой гражданин».

— Есть только гражданин с низкой благонадежностью?

— Видите? — женщина улыбнулась. — Вы быстро осваиваете терминологию.

Путешественник снова посмотрел на экран: отказаться было проще и правильнее.

Ему предлагали сообщать государству о людях, которые делают примерно то же самое, что последние недели делал он сам. Именно поэтому предложение казалось опасным. Система

не требовала признать, что была права, — она предложила доступ и возможность увидеть чуть больше. А взамен — всего лишь смотреть в другую сторону.

Путешественник нажал: «ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ». Экран моргнул. «Благодарим за добровольное решение. Ваш выбор был свободным в пределах доступных вариантов».

Учебная комната оказалась небольшим классом на шесть компьютеров и находилась этажом ниже. Столы разделяли низкие матовые перегородки.

Система попросила подтвердить: «Я понимаю, что наблюдение является естественным свойством зрения. Я понимаю, что увиденное может иметь общественное значение. Я понимаю, что определение общественного значения увиденного не входит в мои полномочия». Ниже была лишь одна кнопка: «ПОНИМАЮ». Он нажал.

Первый раздел назывался «Как заметить то, что вы уже заметили». Диктор приятным мужским голосом объяснял:

Гражданин ежедневно сталкивается с большим количеством событий. Большинство событий не требуют внимания. Задача специалиста по добровольному содействию — представить системе события, чтобы она могла определить, следовало ли вам обратить на них внимание.

Не пытайтесь самостоятельно оценивать намерения гражданина — сообщайте наблюдаемые факты. Например, неверно: «Гражданин хотел покинуть Заперти». Правильно: «Гражданин трижды спросил, где находится вокзал, затем уточнил, какие поезда следуют дальше конечной станции».

Избегайте эмоциональных характеристик. Неверно: «Гражданка агрессивно критиковала систему». Правильно: «Гражданка использовала выражение «это невозможно терпеть» в присутствии трех и более лиц».

Следующий кадр: «Помните: отсутствие нарушения не делает наблюдение бесполезным. Иногда наиболее полезное наблюдение подтверждает, что гражданин пока ничего не нарушил».

Путешественник откинулся назад.

Вторая часть обучения называлась «Контекст имеет значение, если его наличие подтверждено» и представляла собой тест.

Вопрос. Гражданин говорит: «Автобус опять опоздал. Я больше не верю расписанию». Ваши действия?

Варианты:

А) не сообщать: автобус действительно мог опоздать;

Б) сообщить о признаке снижения доверия к утвержденной транспортной информации;

В) проверить расписание самостоятельно;

Г) уточнить у гражданина, распространяется ли его недоверие на другие государственные источники.

Путешественник выбрал первое. «Неверно. Факт опоздания транспорта не исключает общественной значимости утраты доверия к информации о транспорте».

Он выбрал второе. Зеленая галочка.

Вопрос. Гражданин говорит: «В новостях опять ничего не произошло». Это является:

А) наблюдением;

Б) оценкой;

В) сомнением;

Г) потенциальным поводом для уточнения.

Путешественник выбрал «А». Система сообщила: «Частично верно. Наблюдение может являться оценкой, оценка — сомнением, сомнение — поводом для уточнения. Рекомендуемый ответ: Г».

В четвертом вопросе гражданин пытался установить иностранный мессенджер, в пятом — использовал неизвестный кабель. Путешественник задержал взгляд на изображении: кабель был короткий, черный, с небольшим прямоугольным переходником. Похожий лежал в ящике Сбоя. Он нажал «сообщить». Зеленая галочка. «Вы успешно распознали потенциально несогласованное техническое поведение».

Итог теста — семьдесят четыре процента. «Поздравляем! Результат достаточен для практической деятельности. Избыточная точность на начальном этапе может снижать гибкость наблюдения».

Телефон завибрировал. На главном экране появилось новое приложение — синий квадрат с белой буквой «С». «СИГНАЛ — приложение добровольного общественного содействия. Вы замечаете. Мы уточняем». Вместо желтой строки под официальным профилем появилась синяя отметка.

Когда Путешественник вернулся в Управление, Норма посмотрела на часы.

— Ваше отсутствие составило два часа сорок одну минуту. Вас приняли в программу? Путешественник остановился.

— Вы знаете?

— После возвращения изменился уровень Вашего профиля.

Он достал телефон — синяя отметка была видна.

— И что это означает?

— Что у Вас появились дополнительные обязанности.

— Добровольные.

— Если Вы согласились, они уже не совсем добровольные.

Путешественник усмехнулся.

— Наконец-то мы начали одинаково понимать это слово.

На его рабочем терминале появилось новое небольшое меню. Рядом с обычными разделами — очередь, учет, зеленая кнопка подтверждения — теперь находился значок с цифрой «2». Доступ к Единой информационной сети: уровень 2. Путешественник открыл поиск, долго смотрел на строку, потом наконец ввел «внешняя связь». Раньше запрос приводил к объяснению, что современному гражданину достаточно разрешенных средств общения. Теперь информации было немного больше.

«Внешние каналы обмена данными.

Категория: служебная.

Использование: ограниченное.

Географический контур: внутренний/внешний.

Подробная информация доступна пользователям уровня 3 и выше».

Система больше не объясняла, что внешнего не существует. Она просто считала, что ему пока незачем знать подробности.

Он открыл приложение СИГНАЛ. Вверху появился таймер: «До завершения текущего периода содействия: 04:12:37». Ниже: «Обязательный минимум наблюдений: 1».

Путешественник нахмурился и нажал на значок справки.

«Специалист по добровольному содействию обязан в течение каждого рабочего периода предоставить не менее одного наблюдения, содержащего идентификатор гражданина. Отсутствие наблюдений может означать: отсутствие наблюдательности; отсутствие общественно значимых событий; отказ от содействия; недостаточную способность различать перечисленные состояния. Для уточнения может быть назначена беседа».

Путешественник посмотрел на Норму — она стояла у второго окна. Пожилая женщина, та самая, которая пыталась перейти с ночной сортировки дневных заявлений на дневную сортировку ночных, протягивала ей очередную бумагу.

— Справка истекла вчера, — сказала Норма.

Женщина заметно сжалась.

— Мне сказали, что она действует до рассмотрения заявления.

— Она действует до рассмотрения заявления, если заявление было принято до окончания срока справки.

— Я подала его позавчера.

Норма посмотрела в планшет.

— В системе оно зарегистрировано сегодня.

— Я стояла в очереди два дня.

— Время нахождения в очереди не является временем подачи.

Женщина молчала. Путешественник уже знал, что произойдет дальше: Норма отправит ее получать новую справку, та вернется через неделю, за это время истечет что-нибудь еще. Норма листала планшет, затем подняла голову.

— Вы покидали очередь?

— Только один раз. На пятнадцать минут. За водой.

— Это усложняет.

Норма еще раз посмотрела в документы.

— Подождите.

Она отошла к соседнему терминалу, открыла несколько окон. Потом вернулась.

— Если справка была действительна на момент первоначального получения номера, можно оформить непрерывность намерения. Подтвердить, что Ваше намерение подать заявление возникло до истечения справки.

Норма протянула ей бланк.

— Напишите, что намерение возникло в момент получения номера.

— Но оно возникло раньше.

— Раньше у Вас нет подтверждения.

Женщина взяла ручку.

— А так можно?

— Если это соответствует фактам.

— Я действительно хотела подать заявление.

— Тогда можно.

Пожилая женщина начала заполнять форму.

Путешественник смотрел на Норму. Она не нарушила ни одного правила, просто нашла внутри системы положение, которое позволяло человеку не начинать все сначала. Возможно, именно поэтому Норма была опаснее Сбоя: Сбой показывал дыру, а Норма знала, где в стене предусмотрена дверь.

Телефон снова завибрировал. «До завершения периода содействия: 03:34:12». Путешественник нажал «НОВОЕ НАБЛЮДЕНИЕ» и написал: «Система потребовала от гражданина предоставить сведения». «ОБЪЕКТОМ НАБЛЮДЕНИЯ ДОЛЖЕН ЯВЛЯТЬСЯ ГРАЖДАНИН». Он изменил: «Гражданин предоставил системе сведения по ее требованию». «УКАЖИТЕ ИДЕНТИФИКАТОР». Путешественник выбрал себя. Появилось сообщение: «САМОНАБЛЮДЕНИЕ ПОЛЕЗНО ДЛЯ ЛИЧНОГО РАЗВИТИЯ, НО НЕ ЗАМЕНЯЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СОДЕЙСТВИЯ. ВЫБЕРИТЕ ДРУГОГО ГРАЖДАНИНА».

Путешественник рассмеялся.

Через час Путешественнику впервые пригодилась новая привилегия — он пошел в столовую. Обычно на входе образовывалась небольшая очередь: сотрудники прикладывали карты, система определяла доступный рацион и только потом разрешала пройти к подносам. Путешественник встал в конец. Через несколько секунд турникет издал короткий сигнал и на экране высветилось: «Обнаружен участник программы общественной ясности. Доступен приоритетный проход».

Боковая створка открылась. Люди впереди обернулись. Путешественник остался стоять.

Турникет повторил сигнал.

— Идите, — сказала женщина впереди.

— Я подожду.

Она посмотрела на открытую створку.

— Он будет пиццать.

Турникет подтвердил ее слова. Путешественник сдался и прошел. Приоритет оказался устроен идеально: им можно было не пользоваться, но тогда неудобно становилось всем вокруг.

На раздаче меню тоже изменилось. Рядом с привычными блюдами появилась новая строка: «Кофе внешнего происхождения. Доступен участникам программ повышенной общественной полезности. Лимит: одна порция в пять рабочих периодов». Никаких семи лет. Никаких тайных дверей. Никакой квитанции. Просто кнопка «Добавить». Он нажал назад. Взял чай.

За соседним столом двое сотрудников обсуждали транспорт.

— Сегодня шестнадцатый автобус опять не пришел, — сказал один.

— По расписанию пришел, — ответил второй.

— Я его не видел.

— Это не значит, что не пришел.

— Я стоял на остановке.

— Возможно, не на той части остановки.

Путешественник открыл СИГНАЛ: в разделе «Подсказки» горела рекомендация: «Сомнение в точности утвержденной транспортной информации может представлять общественный интерес». Он закрыл приложение.

За столом продолжали обсуждать автобус. Путешественник больше не слышал слов — он смотрел на людей и впервые почувствовал, как быстро приложение меняет зрение. Еще утром разговор был бы разговором, а теперь каждое предложение автоматически раскладывалось на категории: сомнение, недоверие, внешний интерес, неизвестное устройство, выход, неподтвержденный идентификатор. Система не просто дала ему форму для доносов — она предложила по-новому взглянуть на людей.

До конца периода содействия оставалось два часа. Путешественник допил чай и вернулся в зал. В очереди на смену занятости мужчина лет пятидесяти спорил с терминалом.

— Я не могу подтвердить, что получил уведомление, — говорил он. — Я его не получал.

Терминал отвечал: «В ТАКОМ СЛУЧАЕ ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО ВАМ НЕ УДАЛОСЬ ПОЛУЧИТЬ УВЕДОМЛЕНИЕ О НЕПОЛУЧЕНИИ УВЕДОМЛЕНИЯ». Мужчина закрыл лицо руками.

Путешественник посмотрел на его талон — СРОК 7-21-06. Открыл СИГНАЛ и напечатал: «Гражданин Срок 7-21-06 в течение продолжительного времени пытался получить услугу, за которой пришел». Система приняла идентификатор. «УТОЧНИТЕ ПРИЗНАК ОБЩЕСТВЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ». Путешественник выбрал «Иное» и дополнил комментарием: «Проявил устойчивое намерение получить услугу». Система обрабатывала сообщение почти десять секунд. «НАБЛЮДЕНИЕ ПРИНЯТО. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ: НИЗКАЯ. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ КОЭФФИЦИЕНТ: 0. СВЕДЕНИЯ ДОБАВЛЕНЫ В ИСТОРИЮ НАБЛЮДАЕМОГО ГРАЖДАНИНА».

Путешественник перестал дышать. Сведения добавлены в историю. Он ничего не придумал, не обвинил человека, не назвал нарушение. Просто написал, что тот хотел получить услугу. Теперь это находилось в его истории. Он хотел обмануть систему, а вместо этого сообщил ей о человеке.

В конце рабочего периода приложение поздравило: «Первый период добровольного содействия успешно завершен. Вы помогли повысить общественную ясность. Точность вашего вклада будет оценена позднее».

На выходе его карта снова открыла приоритетный турникет. На этот раз Путешественник быстро прошел, пока никто не успел обернуться.

На следующий день синяя отметка по-прежнему находилась под его именем. Еще недавно два запроса собственного имени делали его подозрительным — сегодня он мог открыть расширенную сеть, получить кофе и пройти без очереди. Ничего в его поведении не стало безопаснее. Просто теперь потенциальная опасность работала в правильную сторону.

У его стола стоял Сбой со снятой задней панелью терминала в руках.

— Доброе утро, — сказал Путешественник.

— Уже было. Не понравилось.

— Что сломалось?

— Терминал решил, что принтер существует на другом этаже.

Сбой наклонился к проводам. Потом посмотрел на монитор Путешественника — в правом верхнем углу рядом с профилем светилась маленькая цифра «2». Он ничего не сказал и продолжил собирать терминал. Путешественник ждал.

— Что? — наконец спросил он.

— Ничего.

— Ты уже второй раз говоришь «ничего» так, будто там много всего.

Сбой закрутил винт.

— Второй уровень сети. Быстро. Обычно люди стоят за ним в очереди несколько месяцев.

Путешественник промолчал. Сбой поставил панель на место.

— Что попросили взамен?

— Почему обязательно что-то попросили взамен?

— Потому что доступ — единственная вещь в Заперти, которая никогда не бывает бесплатной.

— Мне предложили дополнительную работу.

— Какую?

— Бумажную, — сказал Путешественник.

Сбой медленно кивнул.

— Самая опасная.

— Почему?

— Техническую ошибку иногда можно исправить. Бумага помнит, что ошибки не было. Он взял ящик и ушел.

Путешественник смотрел ему вслед. Приложение СИГНАЛ предложило создать наблюдение на основе недавнего взаимодействия. Он нажал «Нет». «ВАШ ОТВЕТ УЧТЕН».

Второй день оказался сложнее первого. Система уже знала, что он умеет отправлять наблюдения. Теперь ожидала качества.

В 10:15 появилось уведомление: «Рекомендация. Наблюдения с низкой информационной полезностью допустимы на этапе адаптации. Три и более последовательных наблюдения с низкой информационной полезностью могут указывать на снижение качества добровольного содействия».

До обеда он пытался работать. В 11:20 гражданин из очереди спросил:

— Простите, где здесь выход?

Путешественник машинально посмотрел на телефон. Тот молчал.

Гражданин повторил:

— Выход на улицу.

Путешественник указал направо.

— По коридору и вниз.

— Спасибо.

Через несколько секунд приложение завибрировало. «Возможное наблюдение: использование понятия «выход». Уточнить контекст?» Путешественник нажал: «Гражданин искал выход из здания». Система ответила: «Риск снижен. Сохранить наблюдение?» Нет. «Отказ от сохранения учтен». Он убрал телефон.

В обед Путешественник решил проверить второй уровень сети. Он ввел в поисковик «внешние сообщения». Появились статьи «Регламент учета входящих сообщений внешнего происхождения», «Правила фильтрации межконтурной корреспонденции», «Архивные протоколы доставки данных через неподтвержденные сети». Почти все были доступны пользователям уровня 3. Один документ открывался частично.

«Внешним считается сообщение, источник которого не зарегистрирован в пределах действующего информационного контура. Внешнее сообщение может быть: отклонено до получения; получено устройством без доставки пользователю; доставлено в служебных целях; сохранено до определения допустимости; классифицировано как несуществующее для пользователя при сохранении технической записи о факте получения».

Он прокрутил. Дальше текст был закрыт. Внизу находилась ссылка: «Связанные процедуры: возврат внешнего сообщения». Он нажал. «ДОСТУП НЕДОСТАТОЧЕН». Возврат сообщения. Не ответ. Путешественник запомнил.

После обеда Норма подошла к его столу.

— У Вас сегодня снизилась скорость обработки очереди.

— Я занят общественной ясностью.

— Министерство назначило дополнительную функцию, а не отменило основную.

Путешественник хотел ответить, но не стал.

Норма открыла планшет.

— Кстати, вчера Вы оформили наблюдение на гражданина Срок 7-21-06.

Путешественник почувствовал смятение.

— Откуда Вы знаете?

— Он сегодня подал заявление на исправление сведений в личной истории. Система уведомила его о появлении нового наблюдения.

— Она уведомляет?

— Разумеется.

— И там написано, кто отправил?

— Нет.

Путешественник немного выдохнул.

Норма продолжила:

— Он не понимает, почему устойчивое желание получить услугу оказалось в его истории.

— Потому что я пытался отправить бесполезное наблюдение.

Норма посмотрела на него.

— Неполезная информация тоже может повлиять на оценку. Если Вы приняли обязанность, лучше выполнять ее точно.

— То есть мне нужно найти настоящее нарушение.

— Вам нужно сообщать правду.

— Это не одно и то же.

— Почему?

Путешественник посмотрел на нее.

— Потому что правда без причины может быть просто оружием.

Норма слегка нахмурилась.

— Факт не становится оружием только потому, что его записали. Факт существует независимо от записи.

— Но последствия начинаются после записи.

Норма закрыла планшет.

— Тогда Вам не следовало соглашаться.

Путешественник усмехнулся.

— Наконец-то хороший совет.

Она развернулась и ушла.

Через час Путешественник снова увидел Срока: тот стоял у стены рядом с сотрудником административного контроля. В руках — та же папка, только талона очереди больше не было.

— Почему мой номер аннулировали?

— Не аннулировали. Временно приостановили до уточнения устойчивости Вашего административного интереса.

Срок помолчал.

— Я три недели жду смены рабочего графика. Конечно, у меня устойчивый интерес.

— Именно это и требует уточнения.

— У меня медицинская справка действует еще восемь дней.

— Если она истечет до завершения процедуры, потребуется новая.

Срок посмотрел на него.

— То есть из-за того, что я слишком долго хочу получить услугу, мне придется начать сначала?

— В такой формулировке это звучит оценочно.

Сотрудник протянул ему направление на уточнение характера административного интереса. Срок взял бумагу и молча пошел к выходу.

Телефон Путешественника завибрировал. «НАБЛЮДЕНИЕ № 18472. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ ПОВЫШЕНА: НИЗКАЯ → СРЕДНЯЯ. На основании предоставленных сведений инициировано административное уточнение». Путешественник долго смотрел на экран. Он не написал, что Срок нарушает правила, только то, что человек долго ждал и все еще хотел получить услугу. Этого оказалось достаточно.

В тот день Путешественник отправил второе наблюдение на гражданина, который утром спросил, где выход. Он подробно описал ситуацию: вопрос относился к выходу из здания Управления, гражданин покинул помещение через предусмотренный выход после получения ответа, признаков интереса к иным видам выхода не наблюдалось. Система обработала: «НАБЛЮДЕНИЕ ПРИНЯТО. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ: НИЗКАЯ. Примечание: избыточное уточнение безопасного контекста снижает аналитическую ценность сообщения». Путешественник перечитал — его попытка защитить человека контекстом была признана недостаточно полезной. Внизу: «Сведения добавлены в историю гражданина». Он закрыл глаза. Еще один.

На следующий день приложение встретило его предупреждением: «Два последовательных наблюдения имеют низкую информационную полезность. Это нормально в период адаптации. Продолжение тенденции также будет считаться периодом адаптации, требующим дополнительного внимания».

Путешественник начал понимать механизм: нельзя было молчать, нельзя было писать о неизвестных, нельзя было писать о себе, а очевидным нельзя было отделяться слишком долго. Система требовала не просто информацию, а сведения о конкретном человеке, желательно такие, которые делали этого человека интереснее. И все это называлось добровольным содействием.

К полудню Путешественник поймал себя на том, что действительно начал искать. Не нарушения. Лазейку. Он изучал форму наблюдения. К середине дня он разработал небольшой метод — сообщать только о действиях, которые система уже видела сама. Человек приложил карту к турникету дважды — турникет это знает. Человек получил талон и потерял — система уже зарегистрировала новый. Гражданин пришел позже назначенного времени — время прихода отмечено автоматически. Путешественник ничего не добавлял, а просто возвращал системе ее же информацию.

Первое такое наблюдение получило оценку: «ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ: МИНИМАЛЬНАЯ». Второе: «ДАННЫЕ В ОСНОВНОМ ДУБЛИРУЮТ СУЩЕСТВУЮЩИЕ». Третье: «СПАСИБО. ПОВТОРНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ РАНЕЕ ПОДТВЕРЖДЕННОГО ФАКТА УЧТЕНО».

Путешественник улыбнулся. Вот оно. Он нашел способ доносить государству то, что государство и без него знало.

К концу рабочего периода телефон завибрировал. «Обратите внимание! Высокая доля дублирующих наблюдений может свидетельствовать о недостаточно самостоятельном характере вашей наблюдательности». Путешественник перестал улыбаться — система тоже училась.

Вечером возле Управления его догнал Сбой.

— Ты теперь быстрее ходишь. Турникет открывается раньше.

Путешественник не ответил. Они шли несколько метров молча.

— И в столовой тебя пропустили без очереди, — добавил Сбой.

— Следишь?

— Нет. Наблюдаю.

Путешественник остановился. Сбой тоже.

— Ты к чему?

Сбой пожал плечами.

— Второй уровень сети. Приоритет. Новая отметка в профиле. Обычно государство не делает человеку жизнь удобнее просто потому, что полюбило его.

— Может, я заслужил.

— Тогда точно что-то не так.

Путешественник посмотрел на него.

— А что ты думаешь?

— Думаю, тебе предложили полезность.

— Что это значит?

— Не знаю.

— Не похоже на тебя.

— Это потому, что ты слишком быстро привык, что я должен знать.

Сбой сунул руки в карманы и повернул в сторону соседней улицы.

— Куда ты?

— Домой.

— Ты живешь не там.

Сбой остановился.

— Откуда знаешь?

Путешественник понял, что не знает. Он видел, в какую сторону Сбой обычно уходил. Вот и все.

Сбой посмотрел на его лицо и усмехнулся.

— Начинаешь замечать.

Потом ушел.

Телефон Путешественника завибрировал, но он не хотел смотреть. «Хотите создать наблюдение на основе недавнего взаимодействия?» На экране была только одна кнопка «НОВОЕ НАБЛЮДЕНИЕ». Путешественник выключил телефон.

Следующий рабочий период начался с сообщения СИГНАЛА: «Ваша эффективность ниже средней для новых участников. Не беспокойтесь. Система может помочь. Подобрать перспективные объекты наблюдения?» Путешественник не стал нажимать.

Весь день кнопка оставалась на экране. В обед она стала крупнее. К трем часам приложение прислало уведомление: «Использование рекомендаций не ограничивает самостоятельность вашего наблюдения». В четыре: «До завершения периода содействия: 01:02:18. Наблюдение отсутствует. Рекомендуемые объекты доступны».

Путешественник смотрел на кнопку. Возможно, именно этого он и хотел — не доносить, а смотреть внутрь системы. Если она сама подбирала людей, значит где-то существовал список не просто нарушителей, а людей, которых система считала достойными дополнительного внимания.

Он нажал. «Вы понимаете, что рекомендации не означают виновности гражданина?» Путешественник нажал «Да». «Вы понимаете, что отсутствие виновности не означает отсутствия основания для наблюдения?» Он закрыл глаза. «Да».

Первым появился незнакомый гражданин РЕЖИМ 3-18-44. Основание рекомендации: частое совпадение рабочих зон. Категория: информационное сомнение. Приоритет: низкий. Путешественник пролистал. СРОК 7-21-06. Тот самый мужчина. Под именем: «Новые сведения в истории наблюдений». Путешественнику стало не по себе. Он пролистал быстрее. Еще несколько людей из очереди. Сотрудник столовой. Охранник. Женщина из гостиницы. Система не предлагала искать врагов государства — она предлагала людей рядом. Тех, на кого было проще всего смотреть.

Путешественник уже собирался закрыть список, когда увидел знакомое имя — СБОЙ 4-04. Под именем находилась желтая метка. Не такая, как была у Путешественника. Темнее. Категории: технические отклонения, недостаточная социальная прозрачность, повторяющиеся контакты с объектами повышенного интереса.

Путешественник провел пальцем вверх. Следующая карточка загрузилась не сразу. Сначала появилось «Объект имеет повышенную контекстуальную связь с вашим профилем», потом имя — НОРМА 12-08. На несколько секунд он решил, что ошибся. «НОРМА 12-08. Наставник по нормативной адаптации сотрудников». Под именем не было желтой отметки. Была серая. Категория: несоответствие между наблюдаемым и учтенным.

Приоритет наблюдения: средний. Норма, человек, который верил правилам так искренне, что иногда казалось, будто правила верили в нее в ответ. Норма, которая записывала нарушения. Норма, которая предупреждала его не повторять запрос. Норма, которая не оформила отдельное нарушение. Норма, которая недавно объясняла, что факт существует независимо от записи.

Сбой и Норма — два человека, которым он доверял больше остальных. И два человека, за которыми система сама предложила ему наблюдать.

Телефон напомнил: «До завершения периода содействия: 00:36:14». Путешественник посмотрел на Норму — она стояла у четвертого окна, спокойно объясняя гражданину, почему отсутствие необходимого документа не следует путать с наличием документа, который он соби-

рался принести завтра. На другом конце зала Сбой возился с принтером, который выплевывал листы с черными полосами. Он вытаскивал их, смотрел и складывал в стопку. В какой-то момент поднял голову и встретился взглядом с Путешественником. Путешественник быстро посмотрел на экран. Сбой заметил. Конечно заметил.

Путешественник открыл новую форму наблюдения и выбрал вместо них гражданина, который утром дважды приложил карту к турникету. Система это уже знала. «НАБЛЮДЕНИЕ ПРИНЯТО. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ: МИНИМАЛЬНАЯ. ТЕНДЕНЦИЯ: ТРЕБУЕТСЯ УЛУЧШЕНИЕ».

В пять часов Норма собрала документы.

— До завтра.

Она ушла.

Сбой задержался. Несколько минут складывал инструменты, потом подошел к столу Путешественника.

— Насыщенный день? — поинтересовался Сбой.

— Обычный.

— Врешь лучше.

— Учусь.

Сбой кивнул.

— Плохой навык.

— Ты сам постоянно врешь.

— Именно поэтому знаю.

Он ушел.

В гостинице Путешественник не включал Единую сеть. Второй уровень теперь казался не расширением доступа, а новым этажом того же здания: окон стало больше, но за каждым находился человек, который фиксировал, куда он смотрит.

Он сел возле окна с нарисованным морем и открыл блокнот.

«Несколько дней назад государство предложило мне стать хорошим гражданином. Оказалось, хороший гражданин — это не тот, кто соблюдает правила, а тот, кто помогает замечать тех, кто может правила не соблюдать. Специалист по добровольному содействию общественной ясности или, проще говоря, доносчик. Я согласился.

Мне дали второй уровень доступа к сети, приоритет в очередях, возможность покупать некоторые импортные товары и небольшую надбавку. Взамен каждый рабочий период я должен сообщать хотя бы об одном человеке. Я пытался сообщать вещи, которые ничего не значат, но выяснилось, что бессмысленный донос все равно остается доносом. Я написал, что человек хотел получить услугу, за которой пришел, — теперь это хранится в его истории.

Пока я спрашивал о себе, это называлось нарушением. Когда мне предложили спрашивать о других, это стало работой.

Сегодня система решила помочь мне выбрать, за кем наблюдать. В списке был Сбой. Это не удивило: у Сбоя иностранные детали, неизвестные устройства, старые протоколы и привычка знать то, чего он официально знать не должен. Потом я увидел Норму — вот это удивило. Возможно, Норма видит больше, чем записывает. Возможно, записывает не туда. Возможно, система подозревает ее в том же, в чем я подозреваю систему: что между фактом и официальной версией иногда остается расстояние.

Я не знаю, кому из них доверять: Сбою, который сразу сказал, что доверять ему не стоит; Норме, которая никогда не просила ей доверять, потому что считала достаточным доверять правилам; или системе, которая считает подозрительными их обоих, а меня — полезным.

Последнее, пожалуй, тревожит больше всего. Оказывается, самый простой способ перестать быть подозреваемым — получить право подозревать остальных».

Путешественник поставил точку. На экране телефона тут же высветилось сообщение: «Спасибо за сегодняшнее содействие. Ваша наблюдательность понадобится и завтра».

В темном стекле окна отражалась комната, кровать, стол и человек с телефоном в руке. За отражением было нарисовано море. Теперь он уже не был уверен, какая из двух картинок предназначалась для наблюдения.

Глава 7. Комната, которой нет

Следующим утром Сбой не подошел. Путешественник заметил это примерно через двадцать минут после начала рабочего периода. Обычно Сбой появлялся в зале без особого расписания и почти всегда находил причину остановиться возле его стола: проверить кабель, заглянуть под корпус терминала, сообщить, что принтер снова переживает сложный этап личностного развития. Иногда неисправность действительно существовала, а иногда начинала существовать после того, как Сбой к чему-то прикасался.

Сегодня он был в Управлении — Путешественник видел серую рубашку в дальнем секторе, — но держался на расстоянии. Сначала он ремонтировал терминал возле пятого окна, потом принтер у архива текущих очередей, затем долго разговаривал с сотрудником службы эксплуатации у лестницы. На Путешественника ни разу не посмотрел. Это было слишком демонстративно, чтобы сойти за отсутствием интереса.

Телефон лежал рядом с клавиатурой. В верхнем углу экрана светилась синяя отметка расширенной общественной ответственности. СИГНАЛ уже успел пожелать ему продуктивного рабочего периода: «Помните: наблюдательность не требует дополнительного времени. Она происходит одновременно с жизнью». Путешественник закрыл уведомление.

Через несколько минут появилось следующее: «На основании недавних взаимодействий доступны контекстуальные рекомендации». Он уже знал, кто будет внутри, поэтому не стал открывать. Система подождала. Потом добавила синюю точку возле значка приложения. Еще через полчаса точка превратилась в цифру «2». Путешественник перевернул телефон экраном вниз.

— Это не отменяет уведомления, — сказала Норма.

Она стояла рядом с папкой в руках.

— Я знаю.

— Тогда зачем перевернули?

— Так проще делать вид, что оно за мной не следит.

Норма взглянула на телефон.

— У телефона нет глаз.

— Камеры есть.

Она ничего не ответила и положила на край стола несколько заявлений.

— Очередь на доступ второго уровня сегодня временно объединена с очередью на подтверждение необходимости доступа первого.

Путешественник посмотрел на зал: вдоль стены уже стояли человек двадцать.

— Для удобства?

— Для оптимизации процессов.

— А людям стало удобнее?

Норма немного подумала.

— Это другой показатель.

Путешественник посмотрел на две очереди, превращенные в одну. Теперь люди, которые пытались получить второй уровень сети, стояли вперемешку с теми, кому еще предстояло доказать право пользоваться первым.

— А как понять, кто за чем пришел?

— Система знает.

— А люди?

Норма чуть нахмурилась.

— Им необязательно знать друг о друге.

Она отошла. Путешественник проводил ее взглядом.

Вчера имя Нормы стояло рядом со Сбоем среди людей, которыми система предлагала ему заинтересоваться. Сбой его не удивил: технические отклонения, недостаточная социальная прозрачность, контакты с объектами повышенного интереса. С Нормой было иначе — «Несоответствие между наблюдаемым и учтенным». Путешественник не понимал, что именно система считала несоответствием. Норма верила правилам с такой последовательностью, будто они существовали независимо от людей и однажды могли прийти на работу без нее. Но он помнил Дом быта, ее предупреждение после поисковых запросов и нарушение, которого она не оформила. Этого было недостаточно для вывода. А после обучения в Отделе добровольного содействия Путешественник особенно хорошо понимал, насколько опасным бывает желание сделать вывод раньше, чем система сделает его за тебя.

К двенадцати часам СИГНАЛ потерял терпение. На экране прямо поверх рабочего меню появилось: «РЕКОМЕНДУЕМЫЙ ОБЪЕКТ: СБОЙ 4-04. Недавнее взаимодействие может повысить информационную ценность наблюдения». Путешественник быстро смахнул сообщение. Через несколько секунд поднял глаза — Сбой стоял на другом конце зала и на этот раз смотрел прямо на него. Потом перевел взгляд на телефон и отвернулся.

После обеда Сбой исчез.

В 14:20 на рабочем месте Путешественника загорелась желтая лампа технического обслуживания. На экране терминала загорелась надпись: «Обнаружена необходимость проверки подпольного кабельного пространства. Сотруднику рекомендуется временно покинуть рабочее место и обеспечить техническому персоналу возможность отсутствовать под столом без постороннего участия». Путешественник прочитал. Посмотрел вниз — под столом ничего не происходило.

Через несколько секунд появилась новая строка: «Место проведения диагностики: технический коридор Б-2». Он оглянулся на Норму — она разговаривала с пожилой женщиной у третьего окна.

Технический коридор Б-2 находился за лестницей и обычно был закрыт. Сегодня дверь оказалась приоткрыта. Внутри пахло пылью, металлом и старой проводкой. На двери электрощитовой висела табличка: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. СОТРУДНИКИ СООТВЕТСТВУЮЩИХ СЛУЖБ ПОСТОРОННИМИ НЕ СЧИТАЮТСЯ».

Сбой стоял возле открытого шкафа.

— Закрой дверь.

Путешественник закрыл.

— Что сломалось?

— Ты.

— Опять?

— На этот раз интереснее.

Сбой не улыбался. В руках у него не было ни отвертки, ни кабеля, ни другого предмета, позволявшего сделать вид, что разговор происходит по техническим причинам. Это беспокоило сильнее всего.

— Вчера ты открыл рекомендованный список, — сказал он.

Путешественник молчал.

— Не надо смотреть так, будто я читаю мысли. Терминалы пишут журнал запросов. Я обслуживаю терминалы. Плохое сочетание для секретов.

— Ты видишь, какие карточки я открывал?

— Да.

Ответ прозвучал слишком спокойно.

— Ты знал, что Норма там?

— Нет.

— Не удивлен.

— Я стараюсь не тратить удивление на Министерство. Оно плохо восполняется.

Сбой оперся спиной о шкаф.

— Отправил что-нибудь на меня или Норму?

— Нет.

— Покажи.

Путешественник достал телефон, но не протянул.

— Ты сам говорил не доверять людям без проверки.

— Молодец. Учебный материал усвоен. Покажи журнал отправленных наблюдений, а не телефон.

Путешественник открыл приложение. Последние записи были короткими и практически бесполезными: повторное прикладывание карты, повторная выдача талона, факт прибытия гражданина в уже зафиксированное турникетом время. Сбой быстро просмотрел записи.

— Это что?

— Саботаж.

— Очень скучный.

— Я стараюсь.

Сбой пролистал дальше.

— На меня ничего.

— Я же сказал.

— Люди много чего говорят.

— Ты тоже.

— Поэтому и проверяю.

Путешественник убрал телефон.

— Теперь веришь?

— Нет.

— Отлично.

— Но вопрос изменился. — Сбой закрыл дверцу шкафа. — Зачем согласился?

— Из-за второго уровня сети.

— Я так и думал.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хотел услышать, как ты сам это произнесешь.

Путешественник посмотрел на него.

— Очень полезная процедура.

— Здесь половина процедур существует для того, чтобы человек собственным голосом подтвердил то, что о нем уже записано.

Сбой подошел к двери и прислушался: в коридоре было тихо.

— Что нашел?

— Внешние каналы передачи данных, учет сообщений внешнего происхождения, возврат внешнего сообщения. Третий уровень.

Сбой перестал двигаться.

— Возврат?

— Так назывался раздел.

— Точно?

— Да.

Несколько секунд он молчал.

— Значит, наружу что-то уходит.

— Ты и так знал.

— Я знал, что Министерство умеет отправлять. Не знал, что у них есть отдельная процедура ответа.

Путешественник почувствовал раздражение.

— Ты обещал показать, как ответить Анне.

— Не обещал.

— Ты промолчал.

— В Заперти это юридически разные действия.

— Для меня нет.

Сбой снова посмотрел на него.

— Теперь, возможно, покажу. После того как расскажешь остальное.

— Я рассказал про сообщение.

— Не все.

— Откуда ты знаешь?

Сбой кивнул на него.

— Потому что у тебя лицо человека, который носит с собой вторую проблему и переживает, что первая случайно ее выдаст.

Путешественник усмехнулся.

— У тебя для всего есть техническая диагностика?

— Для людей она проще — они чаще повторяют ошибки.

Путешественник помолчал. Потом сказал:

— На вокзале я нашел билет на поезд, которого нет.

Сбой не изменился в лице. Только перестал опираться на шкаф.

— Таких там много.

— С моим настоящим именем.

Тишина в коридоре стала плотнее. Сбой смотрел на него.

— И?

— Путь 0.

Вот теперь лицо изменилось. Совсем немного — исчезло последнее выражение насмешки.

— На билете так и написано? Цифрой?

— Цифрой.

— Билет у тебя?

— Не здесь.

Сбой коротко кивнул.

— Наконец-то ты сделал что-то разумное и не принес улику на работу.

Путешественник смотрел на него.

— Ты знаешь, что такое Путь 0?

— Я знаю, что такого пути нет.

— Очень полезно.

— Нет, это как раз важно. Есть вещи, которых нет потому, что их никогда не было. А есть вещи, которых нет слишком тщательно.

Путешественник вспомнил Дом быта № 8.

— Путь 0 — второй вариант?

— Похоже.

Сбой провел рукой по волосам.

— Архивная папка. Семь лет. Рассказывай.

Путешественник рассказал про папку в Министерстве, заведенную за семь лет до его приезда, про фотографию, про Порядок 0-17-314, про кофе, зарезервированный на это имя задолго до того, как имя ему выдали, про сообщение «ПОЛУЧАТЕЛЬ НЕ ПРИБЫЛ», про

отметку «АРХ», про Дом быта, про Анну. Сбой слушал молча, а когда Путешественник закончил, спросил:

— Фотография точно твоя?

— Да.

Сбой открыл дверь.

— Завтра после работы принесешь сюда билет.

— Зачем?

— Покажу человеку, который знает старые архивы лучше, чем архивы знают сами себя.

— Очень информативно.

Сбой вышел в коридор.

— Ты ведь любишь второй уровень доступа.

Через секунду телефон Путешественника завибрировал: «Диагностика завершена. Подстольное кабельное пространство признано достаточным для дальнейшего нахождения под столом».

В конце рабочего периода Путешественник отправил наблюдение о гражданине, который получил справку в окне № 7 в 16:42. Система это уже знала. «ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ: МИНИМАЛЬНАЯ». Плохая оценка постепенно становилась для Путешественника признаком хорошо выполненной работы.

Билет находился в гостинице. Сначала Путешественник держал его между страницами блокнота. Потом решил, что блокнот слишком очевиден, и спрятал за съемной задней панелью прикроватной тумбы. Панель держалась на двух винтах — одного не было. За последние недели Путешественник начал испытывать особую благодарность к некачественно сделанным вещам: совершенство в Заперти обычно означало отсутствие доступа.

На следующий рабочий период Сбой снова вел себя так, будто они почти не знакомы. Путешественник тоже. Это оказалось сложнее, чем он ожидал: когда человек специально не смотрит на другого человека, в этом появляется слишком много направлений.

К обеду СИГНАЛ дважды предложил создать наблюдение на основе недавнего взаимодействия со Сбоем. Первый раз Путешественник нажал «Не сейчас». Второй — «Нет». Приложение уточнило: «Напоминать о возможности наблюдения позже?» Он выбрал «Нет». «ВАШ ОТКАЗ ОТ НАПОМИНАНИЯ БУДЕТ УЧТЕН ПРИ ФОРМИРОВАНИИ БУДУЩИХ НАПОМИНАНИЙ». После этого Путешественнику захотелось создать наблюдение на само приложение.

К пяти часам очередь закончилась. Норма собрала бумаги и застегнула папку.

— Вы не уходите?

— Хочу разобрать то, что накопилось.

Она посмотрела на пустые окна обслуживания.

— После окончания рабочего периода?

— В тишине быстрее.

— После восемнадцати часов система автоматически переводит нахождение сотрудников в категорию добровольного дополнительного присутствия.

— Переработке?

— Это разговорное название.

— Ее оплачивают?

— Если дополнительное присутствие возникло по инициативе работодателя и было предварительно согласовано.

— А если по моей?

— Нет.

— То есть добровольная переработка бесплатная.

Норма слегка нахмурилась.

— Формулировка «бесплатная» может создавать впечатление, что Вы получаете услугу.

Не задерживайтесь слишком долго.

Путешественник кивнул. Она надела пальто и ушла.

В 17:26 зал опустел. Сбой появился возле лестницы.

— Билет?

Путешественник коснулся внутреннего кармана куртки.

— Взял.

— Телефон. Место, куда мы идем, не должно знать, что ты туда ходил.

— Место?

— Телефон.

Путешественник протянул устройство. Сбой положил телефон Путешественника вместе со своим в металлический шкаф среди старых плат.

— Металл глушит связь. Для системы мы остались где-то в техническом подвале.

— А мы?

— Мы тоже. Только в его части, которой нет.

Они спустились ниже. Подвал Управления выглядел старше самого здания: вместо гладких панелей наверху здесь оставался серый бетон, трубы шли вдоль стен открыто, со старых надписей отслаивалась краска. Они вошли в комнату с разобранными терминалами, где в дальнем углу стоял высокий шкаф. На нем висела табличка: «ОБОРУДОВАНИЕ, НЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЮ ДО ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ». Сбой взялся за край.

— Помоги.

Они сдвинули шкаф. За ним обнаружилась узкая дверь без номера и таблички. Сбой нажал на неприметную металлическую пластину возле косяка. Что-то щелкнуло, и дверь приоткрылась.

— Комната, которой нет?

— Пока дверь.

За дверью начинался короткий узкий проход. Через несколько метров он упирался в стену и поворачивал направо. За поворотом три ступени вели вниз. Путешественник вошел. Первое, что он заметил, — потолок. На нем не было камер. Он уже настолько привык к черным полусферам, маленьким объективам, датчикам и лампочкам, что отсутствие всего этого воспринималось почти как отдельный предмет. Просто белый потолок.

Комната была небольшой: два старых стола, несколько разномастных стульев, чайник, полка с кружками. На стене висела бумажная карта Заперти, собранная из отдельных листов. Некоторые улицы и дворы были дорисованы от руки. На другом столе лежали старые папки. В углу стоял иностранный ноутбук.

В комнате находились три человека. Пожилую женщину возле чайника Путешественник узнал сразу — та самая женщина из кафе напротив вокзала. В первый день она поделилась с ним куском хлеба и посоветовала никому не говорить о поезде. Она тоже его узнала.

— Все-таки не уехали.

Путешественник невольно улыбнулся.

— Вы тоже.

Сбой закрыл дверь.

— Тишина 3-18.

— Официально, — добавила женщина.

— Очень подходящее имя, — сказал Путешественник.

— Мне тоже так сказали, когда выдавали. Видимо, решили, что человеку, который много спрашивает, полезно напоминание.

Рядом за столом сидела женщина лет пятидесяти пяти с короткими седыми волосами. Перед ней лежала старая папка с тканевым корешком и несколько пожелтевших бумаг.

— Память 2-11, — сказал Сбой.

Память посмотрела на Путешественника внимательно и без особой радости.

— Не надо было его приводить.

Путешественник посмотрел на Сбоя.

— Очень гостеприимно.

— Мы не гостиница, — ответила Память.

Третья женщина была моложе, с темными кудрявыми волосами и круглыми очками. Она сидела возле разобранного радиоприбора.

— Мера 6-21.

Память кивнула на карман.

— Что принес?

Путешественник достал сложенный билет. Сбой подошел ближе.

— Я тоже еще не видел.

Путешественник положил бумагу на стол. Память не стала сразу брать билет в руки: сначала наклонилась, потом достала очки и прочитала текст. Несколько секунд молчала.

— Бланк старый. Такой тип использовали в транспортном учете до последней большой актуализации архивов.

Путешественник посмотрел на нее.

— Архивы актуализируют?

— В Заперти актуализируют все. Иногда даже прошлое.

Она открыла папку. Внутри лежали не личные дела, а разрозненные документы: описи, ведомости, тонкие листы с печатями «ИЗЪЯТО», «ЗАМЕНЕНО», «НЕ ПОДЛЕЖИТ ДАЛЬНЕЙШЕМУ ХРАНЕНИЮ».

— Я работала в Центральном архиве Министерства соответствия, — сказала Память. — Когда старые дела переводили в новую систему, часть документов признавали утратившими актуальность.

— Уничтожали?

Память впервые слегка улыбнулась.

— Поэтому я предпочитала бумагу — она хуже понимает официальные формулировки. Она вынула тонкий лист. «ЛИСТ ЗАМЕНЫ АРХИВНОЙ ЕДИНИЦЫ».

— Если старый документ заменяли новым, какое-то время в деле оставался такой лист. На нем указывали, что изъяли и чем заменили. Потом лист тоже полагалось уничтожить. Но иногда уничтожение проходило недостаточно окончательно.

Сбой прислонился к столу.

— Память собирала мусор так долго, что он снова стал историческим источником.

Она проигнорировала его.

— Архив не хранит прошлое, Порядок. Он хранит последнюю утвержденную версию прошлого. Я сохраняла следы предыдущих версий.

Путешественник посмотрел на бумаги. Теперь ее имя казалось значительно менее случайным.

— Ты видела Путь 0?

Она коснулась края билета.

— Нет. Но видела ноль там, где его не должно быть.

Из папки появилась старая таблица. В одной колонке стояло: «КАТЕГОРИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ». Большинство строк содержали цифры от одного до пяти. Две — ноль.

— Что означает ноль?

— В инструкции такой категории нет.

— Перемещали людей?

— В таблице написано «учетные единицы». В архиве человек быстро становится учетной единицей.

Путешественник наклонился ближе.

— Когда это было?

— Этой записи девять лет.

— Значит, не про меня.

Память достала еще один лист. Внизу стояла короткая отметка: «АРХ». Путешественник замер.

— Такая же была на квитанции.

Сбой повернулся.

— Точно?

— К-0/17/314. АРХ.

Память снова посмотрела на билет.

— Тогда эту бумагу лучше не терять.

Путешественник убрал билет обратно во внутренний карман.

— Как вы называете свою группу?

Мера подняла голову.

— Официально никак.

— Если оформить официально, придется назначить руководителя, — сказала Тишина.

— Потом заместителя, — добавил Сбой.

— Потом человека, который будет проверять, существует ли руководитель.

— Потом очередь к нему, — сказал Путешественник.

Тишина одобрительно кивнула.

— Быстро осваиваетесь.

Память закрыла папку.

— Погрешность.

— Почему?

Мера указала на карту.

— У любой системы измерения есть допустимая погрешность. Разница между тем, что получилось в расчете, и тем, что существует в действительности.

— И вы помещаетесь в эту разницу?

— Пока.

Тишина отпила чай.

— Главное — не стать настолько большой погрешностью, чтобы ради тебя начали менять прибор.

Путешественник оглядел комнату.

— А она?

Сбой кивнул на стены.

— На плане здесь промежуток между двумя техническими помещениями. После ремонта одну стену перенесли, а новую площадь в документацию не внесли.

— И никто не заметил комнату?

— Комнату заметили. Не заметили необходимость исправлять план. Для изменения плана нужно согласование.

— А для существования комнаты?

— Как видишь, нет.

На бумажной карте Путешественник увидел знакомый квартал. Дом быта № 8 был обозначен карандашом. Рядом: «НЕ ЗАДЕРЖИВАТЬСЯ У ВХОДА».

— Вы знаете про Дом быта № 8?

Мера подошла.

— Знаем.

— Мне оттуда пришло приглашение.

Память нахмурилась.

— Не от нас. Если бы мы позвали человека с желтым профилем к месту, которым иногда пользуемся, Сбой лишился бы права критиковать чужие решения.

— Это было бы жестоко, — сказал Сбой.

— Тогда кто?

— Если узнаешь, расскажешь нам, — ответила Мера.

Путешественник посмотрел на Тишину — она спокойно держала кружку.

— Здесь каждый второй хочет выбраться, — сказала она. — Но не каждый хочет, чтобы выбрались остальные.

— Почему?

— Потому что выход — это не всегда дверь. Иногда информация. Иногда деньги. Иногда возможность, которой на всех не хватит. А иногда человек просто хочет посмотреть, куда ты пойдешь, если дверь покажут.

Путешественник понял, что ответ относится не только к Дому быта.

— Вы мне не доверяете.

— Конечно, — сказала Память.

— Даже Сбой?

— Особенно Сбой.

— Спасибо.

Память продолжила:

— Министерство дало тебе приложение наблюдения, доступ второго уровня и привилегии. После этого Сбой приводит тебя сюда.

— Билет появился раньше.

— Мы знаем это с твоих слов.

Путешественник почувствовал раздражение, но вспомнил Срока: после одного формально безобидного наблюдения его номер в очереди приостановили, а к моменту нового рассмотрения медицинская справка могла потерять силу. Человек рисковал начать всю процедуру заново.

— Тогда зачем он меня привел?

— Потому что ты не отправил наблюдение, — сказал Сбой. — Ни на меня, ни на Норму.

Память посмотрела на него.

— Пока.

— Она всегда так, — объяснил Сбой. — Архив учит не доверять текущей версии событий.

— Иногда полезно.

Путешественник повернулся к ним.

— Норма тоже в рекомендациях.

Мера перестала разбирать прибор.

— Норма 12-08? А какое основание?

— Несоответствие между наблюдаемым и учтенным.

Несколько секунд никто не говорил. Путешественник посмотрел на Сбоя.

— Она с вами?

— Нет, — ответила Память.

— Насколько мы знаем, — добавил Сбой.

— Она знает про комнату?

— Нет.

— Почему система предлагает мне наблюдать за ней?

Сбой пожал плечами.

— Не знаю.

— Совсем?

— Иногда это нормальный ответ.

Память вмешалась:

— Не пытайся сделать из Нормы то, чем она пока не является. Если система ее отметила, значит у нее есть причина. Мы этой причины не знаем. Иногда лучший способ не испортить факт — не придумывать к нему объяснение.

Путешественник посмотрел на нее. Совет звучал почти как противоположность всему, чему его учили в Отделе добровольного содействия. Поэтому он решил запомнить. Сбой посмотрел на часы.

— Можно перейти к той части, ради которой он все равно будет мучить нас вопросами до закрытия здания.

Он указал на старый ноутбук: корпус был темным, толстым, потертым по углам, на крышке сохранился логотип иностранного производителя.

— Откуда?

— Министерство.

— Конечно.

— Я серьезно. — Сбой открыл ноутбук. — Когда-то он принадлежал Отделу внешних сверок.

— Внешних?

— Не делай такое лицо. Государству можно.

— Что они сверяли?

— Импортные сертификаты, реестры оборудования, какие-то международные документы. Иногда обновления программ. Я не знаю всего.

— А потом?

— Отдел объединили с другим, ноутбук списали.

— Ты его украл?

— К моменту, когда я забрал, по документам он уже был уничтожен.

Путешественник посмотрел на ноутбук.

— То есть ты взял уничтоженный компьютер.

— Я вообще стараюсь работать только с тем, чего нет. Меньше бумажной волокиты.

Экран загорелся не сразу. Появился рабочий стол: никакого герба Заперти, никакого сообщения о том, что доступ к рабочему столу предоставлен в пределах необходимости. Папки. Часы. Несколько программ.

Путешественник заметил значок ВПН.

— VPN? — поинтересовался он.

Сбой посмотрел.

— Был VPN. У нас ВПН. Временный Путь Наружу.

Путешественник посмотрел на него и улыбнулся.

— Очень научно.

— Название соответствует функции.

Сбой открыл программу. Интерфейс был на английском.

— Она уже стояла на ноутбуке?

— Да. Министерство использовало защищенное подключение, когда выходило наружу. Старые учетные данные давно не работают, но программу после списания так и не удалили. Для полного удаления нужно было подтверждение отдела-владельца, а отдела к тому моменту уже не существовало.

Путешественник кивнул.

— Бюрократия сохранила ВПН.

— Видишь? Иногда система работает на людей. Просто обычно случайно.

— И вы с помощью этого выходите в интернет?

— Не совсем.

Мера открыла блокнот с записями времени.

— Министерство несколько раз в неделю само подключается к внешней сети.

— Зачем?

Сбой посмотрел на него.

— Потому что внешний мир очень опасен, пока им пользуются граждане. Для Министерства он просто рабочий инструмент.

— Импорт?

— Импорт, документы, обновления, переписка. Неважно. Важно, что на несколько минут появляется настоящая внешняя связь.

— И вы ее перехватываете?

— Подхватываем.

Сбой указал на кабель, уходящий от стены к небольшой коробке рядом с ноутбуком.

— Здесь проходит старая техническая линия. Ее давно не используют напрямую, но, когда Министерство открывает внешний канал, часть связи появляется и здесь. Запускаю ВПН и стараюсь выглядеть частью их собственной работы.

— Они не замечают?

— Если бы никогда не замечали, у нас было бы помещение с окнами.

— Сколько по времени?

— Обычно три-четыре минуты. Иногда пять.

— И настоящий интернет?

Сбой кивнул. Путешественник почувствовал, как сердце стало биться быстрее.

— Можно написать Анне?

Память сразу посмотрела на него. Сбой ответил не так быстро.

— Сначала надо понять, куда.

Путешественник не сразу понял вопрос.

— В смысле?

— Где вы общались до Заперти? Почта? Мессенджер? Дымовые сигналы?

— Чатграм.

Мера подняла голову.

— Он еще работает?

— В прошлый раз открывался, — сказал Сбой.

— Очень надежно.

— Для внешнего сервиса — почти гарантия.

Путешественник посмотрел на него.

— У вас есть аккаунт?

— Есть общий. Давно сделали через иностранный номер, когда у одного из наших еще оставалась работающая внешняя сим-карта.

— И Министерство не знает?

— Если знает, то пока не считает достаточно интересным.

Память сказала:

— Мы не пишем с него личные сообщения.

— Почему?

— Как только мы пишем конкретному человеку, наш аккаунт появляется в его переписке.

Остается след.

Путешественник почувствовал раздражение.

— Но Анна ждет ответа.

— Возможно.

— Что значит возможно?

Тишина тихо сказала:

— Значит, здесь прошло несколько недель. Снаружи тоже.

Путешественник замолчал. Эта мысль почему-то оказалась неприятнее обычных запретов. Снаружи время не остановилось только потому, что он застрял в Заперти. Анна не сидела возле вокзала все это время.

— Одно сообщение, — сказал он.

Память посмотрела на Сбоя.

— И ни имени, ни адреса.

— Я сам не знаю адрес комнаты.

— Заперти не упоминать.

Путешественник нахмурился.

— Тогда что писать?

— То, по чему она поймет, что ты жив. Не то, по чему кто-то другой поймет, где ты.

Сбой посмотрел на часы.

— Решайте быстрее. Если расписание Министерства не изменилось, через пятнадцать минут будет подключение.

— А если изменилось?

— Тогда мы выпьем чай и разойдемся с ощущением технически насыщенного вечера.

Путешественник сел. Ожидание оказалось хуже самой попытки. Сбой проверял кабели. Мера смотрела на индикатор и часы. Память снова перебирала старые архивные листы. Тишина заварила еще чай.

— И давно вы это делаете? — спросил Путешественник. — Ждете, пока Министерству понадобится внешний мир.

— Достаточно давно, чтобы не удивляться зависимости свободы от рабочего графика Министерства.

— Уезжать пытались через интернет?

Тишина покачала головой.

— Интернет не поезд.

— Но можно узнать, как выбраться.

— Можно узнать много вещей. Не все становятся дорогой.

Мера подняла руку — все разговоры прекратились. На маленьком индикаторе возле кабеля загорелась зеленая лампа.

— Есть.

Сбой сел за ноутбук.

— Министерство подключилось.

Путешественник подошел ближе. Сбой запустил ВПН. На экране появились английские строки.

*Connecting...*¹

Несколько секунд ничего не происходило.

*Authenticating...*²

Путешественник не понимал, с кем именно программа договаривалась, но был рад уже тому, что собеседник находился не в Министерстве соответствия.

---

¹ Connecting (англ.) — соединение

² Authenticating (англ.) — аутентификация

Строка изменилась:

*Secure connection established.*³

Сбой тихо выдохнул.

— Есть.

Он открыл браузер. Белая страница. Внизу:

*Waiting for response...*⁴

Открылась поисковая система. Без предупреждения о допустимых результатах. Без сообщения о том, что поиск выполнен с учетом пользовательского заблуждения. Под поисковой строкой были новости. Настоящие заголовки. Справа — погода в нескольких городах: температура, дождь, солнце, время. Путешественник смотрел.

— Он существует.

— Кто? — спросил Сбой.

— Мир.

— Не отвлекайся. У нас три с половиной минуты.

Путешественник почти рассмеялся. Несколько недель система объясняла ему, что внешний мир не относится к необходимой информации. Теперь он занимал старый экран и сообщал, что где-то завтра будет шестнадцать градусов и дождь.

Мера включила таймер.

— Чатграм, — сказал Сбой.

Он открыл приложение.

*Loading chats...*⁵

Открылся список чужих диалогов.

— Это ваш аккаунт? — спросил Путешественник.

— Общий, — сказал Сбой. — В основном технические адреса и люди, которые давно перестали отвечать.

Сверху находилась строка поиска.

— Помнишь ник Анны? — спросил Сбой.

Путешественник посмотрел на пустое поле. Он никогда специально не запоминал имя пользователя Анны, просто видел его сотни раз.

— Кажется.

— Сейчас «кажется» считается достаточной степенью уверенности.

Путешественник сел за ноутбук и ввел первые символы. Появились результаты. Четыре Анны — ни одна не была той. Он добавил еще символы — результатов стало два. Чужие фотографии.

Мера посмотрела на таймер. 02:26.

— Быстрее.

— Спасибо, это сильно помогает памяти.

Путешественник стер последнюю букву. Вспомнил. Не буква. Точка. Он добавил ее между двумя частями ника. Список обновился. Фотография появилась третьей. Он узнал Анну раньше, чем прочитал имя. Та же фотография, которую он видел множество раз. Под именем стояла серая строка:

*last seen recently*⁶

Путешественник замер. По-настоящему его зацепила не фотография, а три слова под именем. Была в сети недавно. Не семь лет назад. Недавно. Пока Путешественник стоял в очере-

---

³ Secure connection established (англ.) — безопасное соединение установлено

⁴ Waiting for response (англ.) — ожидание ответа

⁵ Loading chats (англ.) — загрузка чатов

⁶ Last seen recently (англ.) — был(а) в сети недавно

дях, учился пользоваться новой личностью и сообщать государству о чужих намерениях получить услугу, Анна где-то снаружи открывала Чатграм, жила, читала. Возможно, ждала.

Сбой посмотрел на таймер.

— Если собираешься написать, сейчас лучшее время перестать смотреть на ее статус.

Путешественник открыл пустое окно нового диалога. Внизу мигал курсор:

Message...⁷

Путешественник набрал: «Я жив». Сбой прочитал.

— Мало.

— Память сказала коротко.

— Коротко — не значит телеграмма времен войны.

Путешественник добавил: «Я жив. Я не приехал. Не верь тому, что тебе скажут о поезде».

— Она поймет, что это я?

— Не знаю, — сказал Сбой. — Кто угодно может это написать.

Тишина сказала:

— Добавь то, что знает только она.

Путешественник несколько секунд смотрел на строку. Потом добавил еще четыре слова. Обычную фразу. Ничего особенного для любого другого человека. Но Анна должна была понять.

Память подошла ближе.

— Никакого настоящего имени и названия места.

— Нет.

Мера посмотрела на таймер.

— Минута двадцать.

Путешественник нажал на кнопку. Сообщение появилось в диалоге. Серое. Рядом маленький круг.

Sending...⁸

Секунда. Вторая. Третья. Круг продолжал вращаться.

— Почему не уходит?

— Жди, — сказал Сбой.

Sending...

Мера смотрела на таймер. 00:54. Сбой открыл маленькое окно ВПН. Зеленый значок мигнул.

— Связь проседает.

Путешественник снова посмотрел на сообщение. Все еще серый круг. 00:39. Статус сменился:

Connecting...

— Давай, — тихо сказал Сбой.

00:26. ВПН мигнул желтым.

— Они закрывают соединение.

— Уже?

00:18. Путешественник нажал на сообщение. Ничего.

00:12.

На экране появилось:

Connection unstable.⁹

---

⁷ Message (англ.) — сообщение

⁸ Sending (англ.) — отправляется

⁹ Connection unstable (англ.) — соединение нестабильно

Reconnecting...10¹⁰

Еще секунда. ВПН стал красным.

Disconnected.11¹¹

Рядом с сообщением появился маленький красный восклицательный знак.

Message not sent.12¹²

Сбой проверил программу.

— Нет связи.

— Оно почти ушло.

— «Почти отправлено» означает «не отправлено».

— Министерство может снова подключиться.

— Не сегодня.

Путешественник откинулся на спинку стула. Несколько секунд назад внешний мир существовал перед ним в совершенно бытовой форме. Теперь экран снова был просто экраном. Красный восклицательный знак возле нескольких строк текста казался почти издевательством.

— Когда следующий раз? — спросил Путешественник.

Мера открыла записи.

— Если график не изменится — через два дня.

Сбой уже собирался закрыть браузер.

— Подожди. Открой обычный интернет еще раз.

— Связи нет.

— Я знаю.

Сбой вернулся к вкладке. Страница поисковой системы частично сохранилась в памяти браузера. Путешественник смотрел на нее.

— В следующий раз можно будет искать?

Сбой посмотрел на него.

— Если знаешь, что спрашивать.

— Путь 0.

— Вот его я бы не вводил первым запросом.

Память вмешалась:

— Сначала сообщение. Если останется время — твой город.

Он кивнул. Сбой закрыл ноутбук. Экран погас.

Комната снова стала просто подвальным помещением с чайником, картой и бумагами, которые когда-то должны были исчезнуть.

Путешественник посмотрел на Память.

— Почему ты вообще начала хранить эти документы?

Она ответила не сразу, открыла папку и достала старый лист.

— Однажды, когда я работала в архиве, пришло дело человека, которого я знала лично. В новой версии его биографии не было пяти лет. Эти сведения признали не относящимися к актуальной идентичности.

— Пять лет жизни?

— В архиве это несколько листов.

— И ты нашла старые?

— Нашла лист замены. Потом еще один. Потом начала смотреть внимательнее. — Она провела рукой по папке. — Выяснилось, что прошлое исчезает не сразу: сначала его перечер-

---

¹⁰ Reconnecting... (англ.) — восстановление соединения

¹¹ Disconnected (англ.) — разъединено

¹² Message not sent (англ.) — сообщение не отправлено

квивают, заменяют, переводят в другую категорию. На несколько дней между старой и новой версиями остаются следы.

— И ты их забирала?

— Иногда. — Память посмотрела на него. — Кто-то должен помнить, что исправленная версия была не первой.

Путешественник подумал о собственной папке.

— Поэтому Память?

Она усмехнулась.

— Имя мне выдали раньше.

Тишина сказала:

— Иногда система случайно шутит лучше, чем намеренно.

В коридоре что-то звякнуло. Все замолчали. Шаги прошли рядом со стеной. Сбой выключил настольную лампу. На несколько секунд комната погрузилась в темноту. Путешественник слышал, как кто-то снаружи передвигает металлическую коробку. Потом мужской голос:

— Это куда?

Другой ответил:

— На списание.

— Оно уже списано.

— Тогда рядом.

— С чем?

Пауза.

— С другим списанным.

Коробка заскрежетала по полу. Шаги удалились. Сбой включил свет. Тишина спокойно допивала чай.

Память посмотрела на часы.

— Пора расходиться.

— Сколько вас вообще? — спросил Путешественник.

Сбой пожал плечами.

— Сегодня четверо.

— А всего?

— Достаточно, чтобы не собираться одновременно.

— Очень точное число.

— Поэтому Мера у нас она.

Мера не подняла головы.

— Я эту шутку слышу четвертый год.

— Значит, статистически она успешна.

Они выходили по одному. У металлического шкафа Сбой вернул Путешественнику телефон. На экране было три уведомления. Гостиница напоминала, что позднее возвращение не освобождает от обязанности вернуться. Единая сеть сообщала о профилактических работах. СИГНАЛ спрашивал: «РЕКОМЕНДУЕМЫЙ ОБЪЕКТ СБОЙ 4-04 НАХОДИЛСЯ В ЗОНЕ ВАШЕГО ВЕРОЯТНОГО ПРИСУТСТВИЯ. Создать наблюдение?» Путешественник нажал «Нет». «ПРИЧИНА ОТКАЗА». Он выбрал: «Объект не совершал действий, представляющих общественный интерес». Система подумала. «ОТСУТСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ ДЕЙСТВИЙ УЧТЕНО».

Путешественник показал экран Сбою.

— Даже когда ничего не происходит, у них получается запись.

— Поэтому никогда не спорь с системой, у которой бесконечный запас памяти.

Наверху Управление было пустым. Турникет задержал Путешественника. «СВЕРХНОРМАТИВНОЕ ТРУДОВОЕ ПРИСУТСТВИЕ: 02:07. Период не подлежит оплате, поскольку

инициатива продолжения присутствия исходила от сотрудника. Благодарим за личную заинтересованность в рабочем процессе».

Путешественник прочитал дважды.

— Два часа бесплатно.

— Поздравляю. Ты официально проявил трудовой энтузиазм.

— Я сидел в подпольной комнате и пытался воспользоваться украденным интернетом.

— Система не спрашивает, чем именно человек занимается сверхурочно. Иначе пришлось бы оплачивать переработку.

На улице шел мелкий дождь. Они дошли до перекрестка. Путешественник остановился.

— Норма.

Сбой вздохнул.

— Опять?

— Ты действительно ничего не знаешь?

— Действительно.

Путешественник посмотрел на него.

— Ты ей доверяешь?

— Я же объяснял про доверие.

— А остальные в Погрешности доверяют друг другу?

Сбой задумался.

— Ровно настолько, чтобы не задавать этот вопрос слишком часто.

— Тогда зачем вы вообще вместе?

— Потому что доверие и совпадение целей — не одно и то же.

— А какая у вас цель?

— Не позволять системе быть единственным источником информации о самой себе.

Ответ оказался неожиданно серьезным. Сбой, кажется, тоже это понял.

— Не привыкай. Следующая фраза будет хуже. И не открывай карточку Нормы.

— Почему?

— Потому что тебе очень хочется.

— Это теперь причина?

— В Заперти — одна из самых надежных.

Сбой ушел.

В гостинице Путешественник вернул билет за заднюю панель тумбы. Потом сел возле окна с нарисованным морем и открыл блокнот.

«Я узнал, что у системы есть погрешность.

До сих пор мне казалось, что ее слабое место — ошибки. Но ошибка — это то, что положено исправить. Погрешность — то, с чем приходится жить, потому что идеально измерить все невозможно. Разница небольшая — возможно, поэтому она и важна.

В Заперти очень любят приводить действительность в соответствие с документами. Сегодня выяснилось, что с прошлым поступают так же. Если старая версия больше не подходит новой, ее можно заменить. Остается только сделать вид, что предыдущей никогда не было. Но иногда след все-таки остается. Возможно, человек тоже может оказаться таким следом. Особенно если его документы появились раньше него самого.

Еще сегодня оказалось, что внешний мир не закрыт. Все это время я искал дверь, которую государство якобы заперло. А у государства, оказывается, есть собственный ключ. Оно регулярно выходит наружу по служебной необходимости, потом возвращается и продолжает объяснять остальным, что за дверью ничего необходимого нет.

Наверное, свобода становится опасной только после окончания служебного использования.

Но больше всего я думаю не об интернете. «Была в сети недавно». Странное слово — «недавно». Здесь время измеряется рабочими периодами, сроками рассмотрения, датами регистрации и днями, оставшимися до истечения справки. А «недавно» ничего не требует доказать. Недавно — значит, Анна где-то есть сейчас. Не в архиве. Не в воспоминании. Просто есть. Я попытался ей написать. Не получилось. Через два дня попробуем еще раз.

А пока СИГНАЛ продолжает предлагать мне списки людей для наблюдения. Система нашла довольно удобный способ управлять моим любопытством: сначала запрещала смотреть туда, куда мне хотелось, а теперь сама предлагает объекты и называет это свободой наблюдения. Не хочу, чтобы однажды оказалось, что даже собственные подозрения я получил по рекомендации.

Я видел комнату, которой нет, документы, которые должны были исчезнуть, и внешний мир, которого мне не положено видеть. Кажется, реальность здесь вообще сохраняется главным образом благодаря тому, что система иногда не успевает ее исправить.

Возможно, мне тоже стоит научиться существовать быстрее».

Путешественник поставил точку. Телефон лежал рядом. Экран загорелся сам. СИГНАЛ: «НАПОМИНАНИЕ НА ЗАВТРА: наблюдайте внимательно. Самое важное часто находится рядом».

Сегодня система впервые оказалась права. Самое важное действительно находилось рядом. Просто не там, куда она предлагала смотреть.

Глава 8. Пассажир, которого не было

Следующие два дня оказались длиннее предыдущих нескольких недель. Путешественник понял это уже утром, когда обнаружил, что впервые ждет не окончания рабочего периода, не решения по очередному заявлению и даже не возможности выбраться из Заперти. Он ждал, когда Министерству снова понадобится внешний мир.

Мера сказала: через два дня. Если ничего не изменится.

Первый день прошел почти обычно. СИГНАЛ предложил ему обратить внимание на женщину из очереди на изменение жилищной категории, потому что она трижды переспросила, почему ее заявление вернули. Путешественник открыл карточку: «ВОЗМОЖНЫЙ ПРИЗНАК: повторяющаяся потребность в объяснении решения». Он закрыл. Через несколько минут приложение напомнило: «Повторяющаяся потребность в объяснении может свидетельствовать о недостаточном принятии объяснения». Путешественник снова закрыл.

В 12:40 женщина получила новое решение, в котором говорилось, что предыдущее решение было возвращено из-за отсутствия подтверждения согласия с причиной возврата.

— Я должна подтвердить, что согласна с тем, что не понимаю, почему мне ее вернули?

Сотрудник за окном посмотрел в инструкцию.

— Вы подтверждаете не согласие с причиной, а ознакомление с фактом ее наличия.

— Но причины здесь нет.

— Поэтому Вы не можете с ней не согласиться.

Женщина постояла еще несколько секунд. Потом подписала.

Телефон Путешественника завибрировал. «РЕКОМЕНДУЕМОЕ НАБЛЮДЕНИЕ: гражданка проявила устойчивый интерес к мотивам административного решения». Путешественник выбрал «Не сейчас».

— Насыщенное утро? — спросил Сбой. Он стоял возле соседнего терминала и менял сетевой кабель.

Путешественник не посмотрел на него.

— Обычное.

— Плохо врешь.

— В прошлый раз ты сказал, что я научился.

— Навык нестабильный. — Сбой выдернул старый кабель. — Завтра.

Путешественник повернул голову.

— Что завтра?

— Если спрашиваешь, значит, уже ничего.

— Очень содержательно.

— Стараюсь соответствовать государственным стандартам. — Он подключил новый кабель вместо старого и ушел.

СИГНАЛ тут же предложил: «НЕДАВНЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОБЪЕКТОМ СБОЙ 4-04 МОЖЕТ ИМЕТЬ ПОВЫШЕННУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ЦЕННОСТЬ». Путешественник нажал «Нет». Приложение подумало. «ОТКАЗ УЧТЕН». Это начинало звучать почти как угроза.

К концу рабочего периода обязательное наблюдение все еще не было отправлено. Путешественник выбрал мужчину, который пришел за подтверждением ранее выданного подтверждения и провел три часа у окна. «Гражданин продолжительное время ожидал рассмотрения заявления в месте, предназначенном для ожидания рассмотрения заявления». Система обрабатывала текст несколько секунд. «ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ: МИНИМАЛЬНАЯ». Путешественник почувствовал непривычное облегчение от плохой оценки.

На следующий день он проснулся раньше будильника. Заснуть снова не получилось. На прикроватной тумбе лежал один винт — второй держал заднюю панель. Путешественник снял ее и достал билет. Бумага почти не изменилась, только сгиб стал заметнее. Настоящее имя. Дата поездки. Путь 0. Раньше билет казался доказательством того, что с его прибытием что-то было не так. Теперь он постепенно превращался в улику, которую лучше не оставлять на виду.

Путешественник еще раз посмотрел на настоящее имя и спрятал билет обратно.

До обеда Сбой в Управлении не появился. Путешественник несколько раз смотрел в сторону технического сектора. Норма заметила.

— Вы кого-то ждете?

— Нет.

— Вы посмотрели на часы шесть раз за последние двадцать минут.

— Возможно, жду время.

— Оно наступит независимо от наблюдения. — Норма положила на его стол папку.

Он поднял глаза.

— Норма.

— Да?

Путешественник хотел спросить, почему система считает ее «несоответствием между наблюдаемым и учтенным». Но не решился. Сбой советовал не открывать ее карточку именно потому, что хотелось. Память — не придумывать объяснение тому, чего он пока не понимал. Путешественник начинал подозревать, что самым редким ресурсом Заперти была не информация. Терпение.

— Ничего.

— Хорошо.

Норма посмотрела на него чуть дольше обычного и направилась к третьему окну.

В 14:10 появился Сбой. Без ящика, но с двумя отвертками.

— Одной отвертки уже недостаточно? — спросил Путешественник.

— Нет. Одна запасная.

— На случай чего?

— На случай первой. — Он положил одну отвертку возле терминала. — Сегодня подключение будет раньше. Министерство перенесло служебную сверку импортных реестров.

— Ты читаешь их расписание?

— Нет. Оно очень громко лежит там, где ему кажется, что никто не смотрит. — Сбой сделал вид, что закончил осмотр терминала. — После работы выйдешь вместе со всеми, через семь минут вернешься.

— Зачем?

— Камера должна увидеть, что рабочий день для тебя закончился.

— А затем — что я снова пришел?

— Именно.

— И это менее подозрительно?

— Если у тебя будет причина вернуться.

Сбой посмотрел на отвертку. Путешественник тоже.

— Даже спрашивать не буду.

— Прогресс.

Путешественник неуверенно положил отвертку в карман.

— Я случайно унес твой инструмент?

— Наконец-то мы понимаем друг друга с полуслова.

— Никто ничего не заподозрит, — подколот Путешественник.

— Система не оценивает актерскую игру — только маршрут, — сказал Сбой и ушел.

После окончания рабочего периода Путешественник вышел через главный турникет. На экране загорелось: «РАБОЧЕЕ ПРИСУТСТВИЕ ЗАВЕРШЕНО. Благодарим за участие в нормативно допустимом объеме труда». Он свернул за угол, подождал семь минут и направился обратно в Управление.

Охранник поднял глаза.

— Забыли что-то?

Путешественник достал отвертку.

— Чужое.

Охранник посмотрел на нее.

— Служебное имущество?

— Похоже.

— Случайно забрали?

— Именно.

Турникет не открылся. «РАБОЧИЙ ПЕРИОД ЗАВЕРШЕН. ПОВТОРНЫЙ ВХОД ТРЕБУЕТ УКАЗАНИЯ ПРИЧИНЫ». Из предложенных вариантов причины Путешественник выбрал «Иная» и добавил пояснение: «Возврат случайно перемещенного технического имущества». Система обрабатывала текст секунд пятнадцать. Створки открылись и впустили его обратно со словами: «БЛАГОДАРИМ ЗА ДОБРОВОЛЬНОЕ УСТРАНЕНИЕ НЕПРЕДНАМЕРЕННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА».

— Хорошо, что вернули, — сказал охранник.

— Уже чувствую.

Сбой ждал возле лестницы. Путешественник протянул ему отвертку.

— Возвращаю.

— А я уже решил, что потерял.

— Система знает, что нет.

— Тогда спокоен.

Они пошли вниз. На этот раз Сбой забрал телефон Путешественника еще до технического коридора.

— Что-то изменилось?

— На нижнем уровне появились новые датчики.

— Ты говорил, в комнате нет камер.

— Камер нет.

— А датчики?

— Про датчики ты не спрашивал.

— Обнадеживает.

— Если бы хотел обнадеживать, работал бы в Министерстве.

В металлическом шкафу уже лежали два телефона — Память и Мера пришли раньше. Тишины в комнате не было. Путешественник сразу заметил это.

— Тишины нет?

Память оторвала взгляд от папки.

— Сегодня она нужна в другом месте.

Мера сидела возле ноутбука: рядом лежала небольшая темная коробка размером чуть больше пачки сигарет, от нее к ноутбуку шел короткий провод.

— Что это?

Мера посмотрела на коробку.

— Сетевой адаптер.

— А по-человечески?

— Через него ноутбук подключается к старой линии Министерства. Последние два раза адаптер сильно нагревался, — сказала Мера, коснувшись корпуса.

Сбой поставил отвертки на стол.

— Старый.

— Иностраный, — уточнила Мера.

— В Заперти это синонимы.

— Он не сломается?

Мера пожала плечами.

— Если бы техника заранее сообщала дату смерти, Сбой остался бы без работы.

— Я бы оформил переквалификацию.

— И состарился бы в очереди, — иронизировала Память.

Сбой посмотрел на нее.

— Очень ободряюще.

Путешественник сел рядом с ноутбуком. Чатграм был уже открыт. В диалоге с Анной по-прежнему висело сообщение, отправку которого они начали два дня назад. Рядом — красный восклицательный знак. «Я жив. Я не приехал. Не верь тому, что тебе скажут о поезде». И в конце — четыре слова, смысл которых знали только он и Анна.

Message not sent.

Путешественник смотрел на них.

— Не трогай, — сказал Сбой.

— Я знаю.

— В прошлый раз тоже знал.

Мера посмотрела на часы.

— Около пяти минут.

Память закрыла папку.

— Если Анна ответит, не пиши, где находишься.

— Мы это уже обсуждали.

— Значит, будет проще выполнить.

Путешественник повернулся к Сбою.

— Она всегда разговаривает так, будто я уже сделал что-то неправильное?

— Архивная привычка. Там все ошибки обнаруживаются после того, как уже произошли.

Мера подняла руку. Все замолчали. На сетевом адаптере загорелся зеленый индикатор.

Потом погас. Снова загорелся.

— Рано, — сказала Мера.

Сбой придвинул ноутбук ближе к себе.

— Проверка линии.

Индикатор стал желтым. Потом зеленым.

— Теперь.

Сбой запустил ВПН.

Connectin g ...

Путешественник смотрел на экран. В прошлый раз эта строка казалась дверью, а сегодня — секундомером.

Authenticatin g ...

Зеленый индикатор на адаптере мигнул.

Secure connection established.

Мера тихо произнесла:

— Есть.

Сбой переключился на Чатграм.

— Время.

Мера включила таймер. 04:18.

Профиль Анны загрузился почти сразу. Статус в шапке диалога говорил о том, что она была в сети недавно. Путешественник почувствовал разочарование, хотя прекрасно понимал, что «недавно» не означает «обязана сидеть и ждать». Красный знак возле неотправленного сообщения оставался.

Сбой кивнул на экран:

— Нажимай.

Путешественник навел курсор.

*Retry*¹³

Вместо красного знака появился маленький круг.

Sending ...

Секунда. Вторая. Он смотрел, не моргая.

*Sent*¹⁴

Путешественник перестал дышать.

*Delivered*¹⁵

— Ушло, — сказала Мера.

Путешественник выдохнул. Память подошла ближе.

— Теперь от нас ничего не зависит. Ждем.

Путешественник посмотрел на статус — Анна не появлялась.

03:46.

— Пока проверим город. — Сбой открыл браузер. Путешественник продиктовал название. Результаты появились мгновенно: названия вокзала и набережной, прогноз погоды, новостная лента, гостиницы, кафе, фотографии. Много фотографий моря. Настоящего. С линией горизонта. С темной водой. С чайками над пирсом.

Путешественник молчал.

— Это твой город? — спросила Мера.

— Да.

Сбой открыл карту — появились улицы. Путешественник сразу нашел вокзал. Он увеличил масштаб — карта послушно приблизилась. Уменьшил — ничего не исчезло. Можно было повернуть ее, посмотреть соседнюю улицу, открыть фотографии зданий.

— Город есть, — сказал Сбой.

— Я знал.

— Знать и иметь доказательство — разные виды неприятностей.

Путешественник смотрел на карту. Там находился город, до которого он должен был доехать. Поезд добрался, а он — нет.

Значок Чатграма на панели задач мигнул. Путешественник заметил первым.

— Ответ?

Сбой переключился. Сообщение Путешественника имело новый статус:

*Read*¹⁶

Под ним появилась строка:

*Anna is typing...*¹⁷

Строка исчезла. Появилась снова. Исчезла. Появилось сообщение:

«*Это ты?*»

---

¹³ *Retry* (англ.) — повторить попытку

¹⁴ *Sent* (англ.) — отправлено

¹⁵ *Delivered* (англ.) — доставлено

¹⁶ *Read* (англ.) — прочитано

¹⁷ *Anna is typing...* (англ.) — Анна печатает...

Путешественник сразу потянулся к клавиатуре. Сбой перехватил его руку.

— Без имени.

— Я помню.

Он написал:

«Да».

Анна ответила через несколько секунд:

«Где ты?»

Путешественник посмотрел на Память.

— Вот теперь начинается плохая часть, — сказал Сбой.

Путешественник отправил:

«Пока не могу сказать».

Ответ пришел почти сразу:

«Ты понимаешь, что тебя ищут?»

— Кто? — спросила Мера.

— Сейчас узнаем.

Путешественник написал:

«Кто?»

Anna is typing ...

«Я тебя искала. Первые дни — полиция и железная дорога. Я подала заявление сразу после прибытия поезда. Потом полиция прекратила поиск».

Путешественник нахмурился.

«Почему?»

Анна долго печатала.

Мера взглянула на таймер.

— Три минуты.

«Мне пришел официальный ответ, что пассажира с твоими данными в поезде не было».

Сбой прочитал вслух:

— В поезде не было.

— Я был.

— Я тебе верю ровно настолько, насколько договорились.

Путешественник написал:

«Но ты видела поезд».

Ответ пришел:

«Я написала тебе сразу. Он пришел пустым. Я была на платформе. В вагонах никого не было. Только проводник и двое сотрудников станции».

Путешественник помнил пять слов, которые увидел в памяти телефона несколько недель назад. «Поезд прибыл пустым. Где ты?» Тогда они казались доказательством существования внешнего мира. Теперь внешний мир отвечал на вопросы. И ответ нравился ему все меньше. Он спросил:

«Что сказал проводник?»

Анна:

«Ответил, что пассажиры вышли раньше из-за изменения маршрута. Я спросила про тебя. Он посмотрел список. Сказал, что ты вышел добровольно на предыдущей станции».

Перед глазами на секунду возник проводник. Паспорт в его руке. Открытая дверь. Темная платформа. Он действительно вышел сам. Просто причина выхода в эту версию событий не попала.

— Формально он не соврал — ты сам сошел с поезда, — сказал Сбой.

— Потому что он унес мой паспорт.

— Эту часть, вероятно, не внесли в пояснение.

Путешественник снова посмотрел в диалог Чатграма.

«На следующий день я подала заявление. Через три дня пришел ответ: тебя в списке пассажиров не зарегистрировано».

Он написал:

«У тебя сохранился ответ?»

«Да. Все сохранила».

Мера тихо сказала:

— Две минуты.

Путешественник быстро напечатал:

«Ничего не выбрасывай».

«Не собиралась. Ты в безопасности?»

Он смотрел на вопрос. В Заперти слово «безопасность» оказалось таким же условным, как «добровольность» и «временность»: его не держали взаперти, он ходил на работу, получал зарплату, мог выходить на улицу. И все же написать «да» означало бы соврать.

— Порядок, — тихо сказала Мера. — Полторы минуты.

Ответа, который не был бы ложью, он не придумал. В левом верхнем углу Чатграма появилась цифра «1». Новое уведомление.

New message request¹⁸

Сбой заметил одновременно с ним.

— Это не Анна.

Путешественник навел курсор — под уведомлением появилась строка:

Sender is not in your contacts.¹⁹

— Кто-то написал на общий аккаунт? — спросил он.

— Похоже.

Путешественник открыл не сам диалог, а информацию об отправителе. В графе «Имя» стояла буква «П». Фотография отсутствовала. Внизу Чатграм показывал информацию о незнакомом отправителе:

Account created: 7 years ago²⁰

Путешественник задержал взгляд.

— Семь лет назад. Совпадение?

— У меня сегодня закончился лимит бесплатных предположений.

Память сразу вмешалась:

— Не отвечай.

— Я еще даже не открыл сообщение.

— Поэтому сейчас самое удобное время согласиться.

Мера посмотрела на таймер.

— Минута восемь.

Путешественник нажал на запрос. Открылся новый диалог — в нем было одно сообщение.

«До тебя здесь был Порядок».

Никто не сказал ни слова. Путешественнику стало не по себе.

— Что это значит? — спросил он.

— Ровно то, что написано, — сказала Память.

— До меня уже был другой Порядок?

— Возможно.

---

¹⁸ New message request (англ.) — новый запрос на переписку

¹⁹ Sender is not in your contacts (англ.) — отправитель не из списка контактов

²⁰ Account created: 7 years ago (англ.) — аккаунт создан: 7 лет назад

Сбой смотрел не на сообщение, а на верхнюю часть окна диалога.

— Пользователь сейчас в сети?

Статуса не было.

— Можешь узнать, откуда он пишет?

— Нет. Номер скрыт.

— Мы знаем, что аккаунт не новый, — сказала Мера. — И что он нашел нас сам.

Следом появилось изображение. Маленькая размытая миниатюра. Память сказала:

— Не открывай.

Путешественник посмотрел на нее.

— Почему?

— Потому что человек, которого мы не знаем, только что сообщил, что знает тебя.

— Именно поэтому и открою.

— Убедительная логика для будущего протокола.

Сбой посмотрел на таймер.

— Сорок восемь секунд.

Путешественник нажал на изображение. Оно начало загружаться сверху вниз. Сначала светлое небо. Потом крыша. Фасад здания. Вывеска. Путешественник узнал название раньше, чем загрузилась нижняя половина — вокзал Города у моря.

— Тридцать девять, — сказала Мера.

Появились ступени. Люди. Поток пассажиров возле входа. И человек чуть в стороне. Путешественник. Он не сразу это понял. Несколько секунд смотрел на лицо, ожидая, что сходство исчезнет, если загрузится больше деталей. Не исчезло. На фотографии был он. Сумка через плечо. Голова немного повернута к камере.

Сбой приблизил изображение.

— Это ты?

— Да.

Память посмотрела на Путешественника.

— Уверен?

— Эту фотографию я уже видел в своей архивной папке.

Память резко повернулась к экрану.

— Точно?

— Там был обрезанный вариант. Только лицо и часть стены.

Сбой увеличил фотографию. Качество оказалось хуже, но сомнений не оставалось: тот же ракурс, та же одежда, та же стена, только теперь кадр был полным.

Мера сказала:

— Двадцать пять.

В правом нижнем углу стояла дата. Семь лет назад.

— Нет.

— Что? — спросил Сбой.

Путешественник указал на дату. Память наклонилась. Мера перестала смотреть на таймер. Несколько секунд в комнате никто не говорил.

— Пятнадцать секунд, — сказала Мера.

Путешественник потянулся к клавиатуре. Сбой положил ладонь на нее раньше.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он нашел этот аккаунт сам. Не помогай ему понять, кто именно сидит с другой стороны.

— Он уже знает.

— Это не значит, что нужно подтвердить остальное.

Путешественник переключился на Анну. Под ее последним сообщением снова появилось:

Anna is typing...

Восемь секунд.

Через секунду появилось:

«Ты еще здесь?»

Путешественник успел набрать в ответ:

«Да».

Sending...

ВПН мигнул желтым.

Reconnecting...

— Все, — сказал Сбой.

Disconnected.

Возле ответа Анне появился красный восклицательный знак.

Message not sent.

Путешественник смотрел на него.

— Министерство завершило соединение?

Мера кивнула.

— Фото сохранилось?

Сбой открыл папку загрузок — файл был там.

— А информация об аккаунте?

— Сделал снимок экрана.

Память посмотрела на него.

— Когда успел?

— Пока вы спорили, открывать фотографию или нет.

— Иногда от тебя есть польза.

— Запишу.

Путешественник снова посмотрел на фотографию: человек возле вокзала смотрел почти прямо в камеру. Семь лет назад. Он не помнил ни этой одежды, ни сумки, ни самого вокзала. Не помнил даже, чтобы когда-нибудь раньше бывал в Городе у моря. Но архив Заперти и человек с неизвестного аккаунта независимо друг от друга утверждали обратное.

— Можно проверить дату файла? — спросил он.

Сбой задумался.

— Можно проверить, какая дата записана в метаданных.

— Это не одно и то же?

— Нет. Метаданные можно изменить.

— Значит, она ничего не доказывает.

— Я не сказал этого. Теперь у нас есть две одинаковые фотографии из двух разных источников. Одна была в архиве Заперти до того, как ты начал искать связь с внешним миром. Вторую только что прислали с аккаунта во внешнем мессенджере. Сам аккаунт создан семь лет назад.

Память поправила:

— Мы не знаем, внешний ли это человек.

Сбой посмотрел на нее.

— Хорошо. Аккаунт во внешнем мессенджере.

— Так точнее.

Путешественник спросил:

— Что вероятнее? Что фотография настоящая или что кто-то очень старательно хочет заставить меня считать ее настоящей?

Сбой подумал.

— Плохая новость в том, что оба варианта интересные.

Мера вдруг наклонилась к ноутбуку.

— Подождите. — Она открыла небольшое окно с журналом соединения. В нем было несколько строк времени и коротких цифровых адресов. Мера указала на одну строку.

— Это мы.

На соседнюю.

— Это Министерство.

Еще ниже находилась третья.

— А кто это?

Сбой перестал улыбаться.

— Когда появился?

— За минуту до отключения.

— Внешний?

— Нет. Внутренняя сеть Заперти.

Путешественник посмотрел на нее.

— Кто-то был подключен к той же линии?

— Да.

— Он видел, что мы делали?

— Не обязательно.

— Что тогда видел?

Сбой ответил:

— Что на старой служебной линии есть еще одно подключение.

— Значит, нас заметили.

— Соединение заметили, нас — не факт. — Память посмотрела на скрытую дверь. — По этому адресу не определить, кто.

— Министерство?

— Может быть.

Путешественник посмотрел на Чатграм.

— Неизвестный отправитель?

Сбой ответил:

— Тоже может быть.

Мера закрыла журнал.

— Сегодня больше ничего не включаем.

Она потянулась к сетевому адаптеру и резко убрала руку.

— Горячий.

Сбой коснулся корпуса кончиком пальца.

— Очень.

Зеленая лампа на коробке мигнула. Погасла. Снова загорелась. Потом исчезла окончательно. Мера подождала несколько секунд и нажала кнопку сбоку. Ничего. В комнате появился слабый запах нагретого пластика.

— Все. Сгорел.

Путешественник посмотрел на маленькую коробку.

— Это плохо?

Сбой повернулся к нему.

— Нет. Мы обычно радуемся, когда оборудование перестает работать.

— Я уточняю масштаб.

Мера отсоединила адаптер от ноутбука.

— Без него этот ноутбук не увидит министерскую линию.

— Получится починить?

Она осмотрела корпус.

— Можно попробовать. Но он и до этого держался на упрямстве.

Сбой добавил:

— К тому же иностранный.

— Нужен новый?

— Или такой же старый, который еще не умер.

— Где взять?

Сбой и Мера переглянулись.

— Точно не в государственном магазине, — сказал Сбой. Путешественник вспомнил импортную батарею в его ящике. Кофе за стеклом. Товары, которые официально существуют только для того, чтобы граждане могли ознакомиться с фактом их наличия.

— Неучтенный обмен?

Сбой посмотрел на него.

— Уже лучше.

— Это тот самый рынок, который ты отказываешься называть рынком?

— Если назвать его рынком, кто-нибудь захочет оформить торговое разрешение.

Память закрыла папку.

— Нам нужно уходить. Сейчас. Если кто-то во внутренней сети заметил наше подключение, могут начать проверять физические ответвления линии.

Мера завернула адаптер в кусок ткани и убрала в сумку. Сбой скопировал фотографию на маленький накопитель и отключил ноутбук. Он вышел последним из комнаты, закрыл скрытую дверь и передвинул шкаф на место. На этот раз движение мебели показалось Путешественнику слишком громким.

Они поднялись наверх. В здании горел только дежурный свет. Турникет показал: «ПОВТОРНОЕ ПРИСУТСТВИЕ: 01:06. УКАЗАННАЯ ПРИЧИНА ВОЗВРАТА: ПЕРЕМЕЩЕННОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ИМУЩЕСТВО. СТАТУС ИМУЩЕСТВА: НЕ ПОДТВЕРЖДЕН».

Путешественник посмотрел на Сбоя.

— Твоя отвертка зарегистрирована?

— Нет.

— Значит, я вернулся вернуть вещь, которой для системы нет.

— Начинаешь соответствовать компании.

Турникет открылся.

На улице они разошлись сразу: Память ушла первой, Мера — через две минуты. Сбой и Путешественник остались возле перекрестка.

— Завтра води себя обычно, — сказал Сбой.

— Я уже не помню, как.

— Работай. Отправь плохое наблюдение. Не ищи город. Не открывай внешние каналы.

Если кто-то следит за твоим профилем, резкое увеличение любопытства после сегодняшнего вечера будет выглядеть как резкое увеличение любопытства после сегодняшнего вечера.

— Глубоко.

— Иногда прямое объяснение экономит время.

Путешественник помолчал.

— Скажи, это же я на фотографии?

Сбой посмотрел на него.

— Ты хочешь технический ответ или тот, который тебе понравится?

— Технический.

— Лицо совпадает. Пропорции совпадают. Особенности совпадают настолько, насколько можно судить по фотографии.

— Значит, я?

— Значит, человек на фотографии выглядит как ты.

— Я никогда не был в Городе у моря.

— Ты уверен?

Путешественник резко остановился и посмотрел на Сбоя.

— Конечно.

Сбой смотрел спокойно.

— Тогда это важнее фотографии.

— Я должен сомневаться в собственной памяти?

— Нет. Но ты находишься в месте, где у архива есть твоя фотография за семь лет до твоего прибытия, а кто-то присылает полный снимок, датированный семью годами ранее. На твоём месте я хотя бы допустил, что вопрос немного шире хорошей памяти.

Сбой пошел к своей улице. Через несколько шагов остановился.

— И еще. Никому не говори про неизвестный аккаунт.

— Память и Мера уже знают.

— Никому кроме тех, кто был в комнате.

— Почему?

— Чем меньше круг осведомленных, тем проще понять, от кого информация ушла дальше.

— Это твоя логика?

— Нет. Это математика.

Он ушел.

На следующий день Управление выглядело точно так же. Это раздражало. После фотографии семилетней давности Путешественнику казалось, что хотя бы одна лампа должна гореть иначе.

Очереди стояли. Табло меняло номера. Возле пятого окна мужчина объяснял, что не может предоставить копию справки, потому что оригинал находится в учреждении, которое эту копию требует.

Путешественник включил терминал. «ДОБРОЕ УТРО. НОВЫЙ РАБОЧИЙ ПЕРИОД — НОВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ УВИДЕТЬ ЗНАКОМОЕ В НОВОМ КОНТЕКСТЕ». Путешественник несколько секунд смотрел на фразу. Потом закрыл.

Норма сидела за своим столом.

— Что-то не так? — спросила Норма.

— Почему?

— Вы не ответили на приветствие системы.

— Она не ждет ответа.

— Это не значит, что его нельзя дать.

Путешественник посмотрел на нее.

— Доброе утро.

Норма кивнула.

— Теперь лучше.

Она положила на стол бумаги. Путешественник не выдержал.

— Норма.

— Да?

— Вы когда-нибудь видели имя Порядок раньше?

Она не изменилась в лице. Совсем. Только взгляд задержался на нем.

— До Вашего появления?

— Да.

— В документах?

— Где угодно.

Норма медленно положила планшет на стол.

— Имена повторяются.

— Повторяются?

— Некоторые.

— А Порядок?

Пауза.

— Я не веду реестр повторяемости имен.

— Но такое возможно?

— Возможно.

— У человека может быть то же имя, что было у другого?

— Имена являются функциональными идентификаторами, а не формой собственности.

— А номера?

Норма посмотрела на него внимательнее.

— Номер не должен повторяться в одной активной учетной категории.

— А если категория уже не активна?

— Порядок.

— Что?

— Один неправильный вопрос может быть случайностью.

Он узнал фразу — она уже произносила ее раньше. После поиска настоящего имени.

— А два уже считаются интересом.

— Именно.

Она взяла планшет.

— Сегодня у Вас уже один.

И ушла.

Путешественник некоторое время не двигался. Это могло быть предупреждение. Могло быть напоминание. Могло быть просто продолжение того, что Норма говорила всегда. Он не знал. Память была права: иногда лучший способ не испортить факт — не придумывать к нему объяснение. Проблема заключалась в том, что фактов становилось слишком много.

В 15:30 на рабочем терминале Путешественника появилось: «ПЛАНОВАЯ ПРОВЕРКА СОСТОЯНИЯ ПОРТА. НЕ ОТКЛЮЧАЙТЕ ОБОРУДОВАНИЕ». Потом одна строка внизу: «Не сегодня». Путешественник нажал «ОК». Строка исчезла.

К концу периода он отправил наблюдение о человеке, который дважды получил один и тот же талон из-за сбоя принтера. Система ответила: «ВОЗМОЖНА ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА. УТОЧНИТЬ ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ?» Путешественник выбрал «Нет». «ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ: НИЗКАЯ».

Норма закрывала окно.

— Сегодня Вы уходите вовремя?

— Планирую.

— Хорошо.

— Почему?

Она посмотрела на часы.

— Потому что два добровольных продолжения трудового присутствия подряд могут сформировать ожидание.

— У кого?

— У работодателя.

Путешественник улыбнулся.

— Нельзя допускать.

— Обычно не рекомендуется.

Он надел куртку. Когда проходил мимо Нормы, она тихо сказала:

— Иногда повторное использование не означает повторение.

Путешественник остановился.

— Что?

Норма уже складывала бумаги.

— Я сказала, что повторное использование рабочего места не означает повторение рабочего периода. Вы забыли отметить завершение.

Он посмотрел на терминал. Действительно. Не нажал «Завершить». Подошел. Норма не смотрела. Путешественник нажал кнопку. «РАБОЧИЙ ПЕРИОД ЗАВЕРШЕН».

Он вышел и остановился на улице. Повторное использование не означает повторение. Возможно, она действительно говорила о рабочем месте. Возможно.

На следующий день Сбой появился в Управлении с утра. В руках — папка технических актов.

— Есть две новости.

— Обе плохие?

— Одна дорогая.

— А вторая?

— Возможно, тоже.

Он положил папку на край стола.

— Адаптер? — спросил Путешественник, не поднимая взгляда на собеседника.

— Мера вскрыла: ремонтировать можно, если очень хочется потратить время и потом все равно купить другой. Нужен новый.

— Такой же?

— Не обязательно. Главное, чтобы работал со старой линией.

— Иностраный?

— Скорее всего. Уже ищем.

Путешественник наконец посмотрел на него.

— В неучтенном обмене?

— Видишь, как хорошо звучит.

— Как налоговое нарушение. Вторая новость?

Сбой перестал улыбаться.

— Утром служба внутренней безопасности запросила проверку старой служебной линии.

Путешественник почувствовал, как напряглись плечи.

— Значит, то третье подключение было их?

— Не знаю. Не начинай объединять факты без доказательств.

— Нас нашли?

— Нет. «Нас нашли» будет, когда они найдут комнату. Пока ищут линию. — Сбой взял папку. — Сегодня работаешь. После работы уходишь. И никаких подвигов.

— А ты?

— Я технический сотрудник. У меня официальное право находиться возле проблемы.

— А если проблема — ты?

Сбой улыбнулся.

— Тогда я идеально назначен. Постараюсь выглядеть человеком, которого раздражает, что его заставили проверять старое оборудование.

— Тебе даже играть не придется.

— Поэтому меня и держат.

Он ушел.

За двадцать минут до конца рабочего периода в зал вошли двое мужчин: одинаковые серые куртки, без папок, без талонов. Они не встали ни в одну очередь. Первый подошел к Норме и показал удостоверение. Второй мужчина осматривал помещение. Не людей — камеры, терминалы, двери, технические панели. Потом на секунду задержал взгляд на Путешественнике.

Телефон в кармане завибрировал. Он не достал.

Норма указала мужчинам в сторону лестницы — туда, где находился технический коридор. Они ушли. Через минуту следом прошел Сбой и исчез за той же дверью.

Путешественник оставался у своего рабочего терминала: перед ним гражданин объяснял, что хочет перенести очередь с четверга на пятницу, потому что в четверг обязан стоять в другой очереди.

— Можно? — спросил мужчина.

Путешественник посмотрел в форму.

— Нет.

— Почему?

— Система считает участие в двух очередях одновременной готовностью получить две услуги.

— Но физически я не могу быть в двух местах.

Путешественник почти рассмеялся.

— В системе можете.

Мужчина тяжело вздохнул.

— И что делать?

Путешественник нашел поле «Причина временного отсутствия: болезнь, служебная необходимость, исполнение государственного требования».

— Ваша вторая очередь государственная?

— Все очереди государственные.

— Тогда укажите, что в четверг отсутствуете в связи с исполнением другого государственного требования.

Мужчина посмотрел на него.

— Так можно?

Путешественник вспомнил Норму.

— Если соответствует фактам.

Мужчина улыбнулся.

— Спасибо.

Путешественник поднял глаза — Норма стояла у своего стола. Она видела, но ничего не сказала.

Телефон снова завибрировал. На этот раз Путешественник достал. СИГНАЛ: «В ЗОНЕ ВАШЕГО ПРИСУТСТВИЯ ЗАФИКСИРОВАНЫ СОТРУДНИКИ СЛУЖБЫ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ. Общественно ответственному гражданину рекомендуется сохранять обычное поведение». Впервые система дала совет, которому он решил последовать буквально.

Проверка длилась тридцать восемь минут. Мужчины вышли вместе со Сбоем. Один держал планшет, второй — фотографировал что-то в коридоре. Сбой нес коробку со старыми кабелями и выглядел так, будто его раздражало существование проводов как класса. Первый мужчина остановился возле лестницы и что-то спросил. Услышанный ответ явно не дал повода для улыбки. Оба сотрудника безопасности направились к выходу.

Норма подошла к Путешественнику.

— Рабочий период завершен.

Он посмотрел на часы. Действительно.

— Сотрудники безопасности тоже закончили?

— Их рабочий период не относится к моим обязанностям.

— Что они проверяли?

Норма посмотрела на него.

— Техническое оборудование.

— Какое?

— В последнее время Вы очень интересуетесь тем, что не относится к Вашей работе.

— Мне выдали приложение специально для этого.

Норма чуть склонила голову.

— Тогда тем более стоит помнить, что интерес должен быть общественно полезным.

Она ушла.

Сбой появился у выхода минут через пять. Путешественник вышел следом. Они не разговаривали до следующего квартала.

— Ну? — спросил Путешественник.

— Комнату не нашли.

Он выдохнул. Сбой продолжил:

— Нашли старое ответвление. Решили, что оно давно не используется.

— Зачем приходили тогда?

— Зафиксировали необычную активность.

— Нашу?

— Не написано.

— Значит, пока все нормально?

Сбой остановился и посмотрел ему прямо в глаза.

— У нас сгорел единственный адаптер, служба безопасности проверяет линию, а кто-то с аккаунта семилетней давности присылает твою фотографию из места, где ты никогда не был.

— Хорошо. Вопрос снимается. — Они пошли дальше. — Что теперь?

— Несколько дней линию не трогаем. Если найдем адаптер — решим. — Сбой помолчал. — Есть люди, которые продают вещи, официально отсутствующие в продаже. В основном импорт: техника, аккумуляторы, лекарства, продукты.

— И государство об этом не знает?

Сбой вновь пристально посмотрел на него.

— Государство знает обо всем. Оно само пользуется отсутствующими товарами.

Путешественник вспомнил стеклянную витрину и импортный кофе.

— У меня второй уровень и льготы на импорт.

Сбой остановился.

— Не вздумай пока ничего оформлять. После проверки линии заявка от тебя на иностранное сетевое оборудование будет выглядеть недостаточно случайно.

— Значит, неофициально.

— Значит, сначала узнаем цену.

Они дошли до перекрестка. Сбой собрался уходить.

— Подожди. Сообщение. Про предыдущего Порядка.

Сбой задумался.

— Пока у нас есть только слова неизвестного человека. И фотография.

— Норма подтвердила, что имена повторяются.

— Она подтвердила, что это возможно.

— Ты специально всегда оставляешь себе возможность не сделать вывод?

— Очень полезная привычка, когда другие слишком хотят его сделать.
Путешественник посмотрел на него.
— А ты хочешь узнать, кто был Порядком до меня?
Сбой ответил не сразу.
— Теперь — да.
И ушел.

В гостинице Путешественник открыл блокнот и долго смотрел на пустую страницу. Писать не хотелось. После сегодняшнего разговора любая формулировка казалась либо преждевременным выводом, либо признанием в том, чего он сам еще не понимал. Он уже собирался закрыть блокнот, но все-таки сделал запись:

«До этой недели я был уверен, что самое страшное — исчезнуть так, чтобы снаружи решили, будто тебя никогда не было. Оказалось, что хуже — найти себя в прошлом, которого не помнишь.

Несколько недель назад я сел в поезд. Семь лет назад человек с моим лицом стоял возле вокзала в Городе у моря. Первое я помню. Второе — нет. Незнакомый написал, что до меня здесь был Порядок. Само сообщение, конечно, ничего не доказывает. Хуже другое: фотографию, которую он прислал, я уже видел в своем архивном деле.

Раньше я хотел выяснить, как выбраться из Заперти. Теперь сначала придется понять, кто именно должен отсюда выйти».

Глава 9. Разрешение на отсутствующее

На следующий день ничего не изменилось: Путешественник проснулся в той же гостиничной комнате, в которой провел последние недели, увидел тот же потолок, тот же край шторы, тот же винт на прикроватной тумбе. За съемной панелью лежал билет с настоящим именем. В блокноте на последней странице оставалась вчерашняя запись. В телефоне — СИГНАЛ, гостиничные напоминания, рабочий профиль и ни одного признака того, что где-то за пределами Заперти Анна ждала ответа, который он не успел отправить.

Телефон поприветствовал: «Доброе утро. Ваш уровень общественной ответственности сохраняется». Некоторые вещи система умела сохранять значительно надежнее связи с внешним миром.

До полудня Сбой в Управлении не появился. Пару раз Путешественник ловил себя на мысли, что слишком старательно не смотрит в сторону технического сектора, и в конце концов перестал себя контролировать.

Норма работала у третьего окна: она вернула гражданину заявление на замену удостоверения, потому что копия старого была заверена после истечения срока его действия. Все согласно инструкции.

— Для замены недействующего документа необходимо подтвердить факт его недействительности.

Мужчина был в недоумении.

— Удостоверение же просрочено.

— Это одно из возможных оснований.

— А дата здесь зачем?

— Чтобы подтвердить, когда именно Вы узнали, что документ недействителен.

Мужчина перевел взгляд на Путешественника, будто надеялся, что в соседнем окне действуют другие законы. Путешественник отвел взгляд.

Телефон завибрировал: «РЕКОМЕНДУЕМОЕ НАБЛЮДЕНИЕ: гражданин демонстрирует затруднение при принятии документально подтверждаемого факта». Он нажал «Не сейчас». Через десять минут СИГНАЛ предложил уточнить причину отказа. Путешественник выбрал: «Недостаточно данных». Приложение ответило: «НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ДАННЫХ УЧТЕНА КАК ДАННЫЕ».

Сбой появился сразу после обеда с коробкой старых разъемов: подошел к соседнему терминалу, открыл нижнюю панель и несколько минут действительно что-то делал. Путешественник ждал, но Сбой не посмотрел в его сторону. Наконец он достал из коробки кабель, сравнил его с уже подключенным и тихо сказал:

— Сегодня после работы не задерживайся.

— Вчера говорил то же самое, — отозвался Путешественник, не отрываясь от терминала.

— Иногда рекомендации сохраняют актуальность.

— Адаптер?

Сбой продолжал рассматривать внутренности терминала.

— Мера пыталась. Теперь у нас есть старый адаптер, который не работает, и хорошее понимание того, почему он не работает.

Путешественник замолчал на несколько секунд.

— Новый нашли?

— Ищем.

— Ты вчера сказал, что уже ищите.

— Поиск не всегда заканчивается находкой. Ты должен это знать лучше всех. — Сбой закрыл панель. — Сегодня уйдешь вовремя. В гостиницу. А дальше тебе напишут.

Путешественник наконец оторвался от терминала.

— Кто?

— Если бы хотел сказать, не использовал бы слово «напишут». — Он взял коробку и ушел.

СИГНАЛ почти сразу же предложил создать наблюдение о техническом сотруднике, который находился возле рабочего места дольше среднего времени обслуживания. Путешественник нажал «Нет». Приложение спросило: «Объект не представляет интереса?» Он выбрал: «Технические работы завершены». Система подумала. «Факт завершения технических работ не исключает общественной значимости предшествующего поведения». Путешественник перевернул телефон экраном вниз.

Норма подняла глаза.

— Это не отменяет уведомления.

Он посмотрел на нее.

— Вы уже говорили.

— Значит, хотя бы это система запомнила.

— В отличие от всего остального.

Норма слегка нахмурилась. Она задержала взгляд на телефоне, потом вернулась к своим бумагам.

После работы он ушел вовремя. Турникет сообщил: «Рабочее присутствие завершено в нормативный период. Отклонений не зафиксировано». Это прозвучало почти как похвала.

До восьми вечера ничего не происходило. Путешественник успел поужинать, принять душ, три раза проверить телефон и дважды сказать себе, что больше проверять не будет.

В 20:16 пришло сообщение Единой сети от неизвестного отправителя: «Завтра. 18:40. ПВЗ № 3. Вход со двора. Сектор приема имущества». Через минуту вместо сообщения осталось только уведомление: «Сообщение удалено отправителем». Система позволяла отправителю удалить сообщение из переписки, но почему-то считала необходимым сохранить доказательство того, что оно существовало. Путешественник открыл карту в Единой сети и ввел «ПВЗ № 3». Поиск выдал: «Пункт вещевого зачета № 3» и адрес. Он записал адрес в блокнот, потом зачеркнул. После этого вырвал лист и порвал на четыре части. Через секунду понял, что четыре части все еще прекрасно читаются, если их сложить вместе. Порвал еще раз.

На следующий день Сбой прошел через зал с папкой технических актов, остановился возле Путешественника и спросил:

— Принтер работает?

— Да, — ответил Путешественник, посмотрев на принтер.

— Плохо. Мне нужна причина находиться здесь. — Он нажал кнопку подачи бумаги. Принтер втянул чистый лист, подумал и выдал его обратно. — Теперь работает подозрительно.

— Я получил сообщение.

— Какое?

— Которого больше нет.

Сбой кивнул.

— Хорошее сообщение.

— Ты пойдешь?

— Нет.

— Почему? — Путешественник посмотрел на него.

— Потому что человек, к которому тебя ведут, меня знает. А тебя пока нет.

— Это преимущество?

— На таких встречах — одно из немногих. — Сбой наклонился к принтеру. — Билет с собой не бери. Телефон оставишь в гостинице.

— А как я туда доберусь без карты?

— Перед выходом посмотри маршрут и запомни.

— Запомнить? Рискованная технология.

— Зато Министерство не запрашивает доступ к ней. — Он выпрямился. — Там будет Память.

— Почему не ты?

— Я уже сказал. — Сбой посмотрел на него. — Ты задаешь слишком много вопросов человеку, который всего лишь пришел чинить работающий принтер.

— Так он работает?

Сбой нажал кнопку еще раз. Принтер издал короткий звук и показал: «НЕИЗВЕСТНАЯ ОШИБКА».

— Теперь нет. — Сбой удовлетворенно кивнул и ушел.

Путешественник добрался до двора ПВЗ, как ему показалось, к назначенному времени. Телефон остался в гостинице. Без него улица ощущалась странно тихой: не было вибраций, подсказок, предупреждений о приближении к объектам ограниченной полезности, никто не сообщал, что он отклонился от привычного маршрута. Это походило почти на свободу.

Пункт вещевого зачета № 3 занимал первый этаж длинного серого здания. С улицы работал обычный вход, где на двери висела табличка: «ПРИЕМ ПРЕДМЕТОВ, УТРАТИВШИХ ПОДТВЕРЖДЕННУЮ БЫТОВУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ». Путешественник обошел здание: во дворе находилась металлическая дверь без вывески, рядом стояли три мусорных контейнера и тележка с пустыми коробками.

Он постучал. Никто не ответил. Постучал снова. Из-за двери раздалось:

— Если сдавать — с улицы.

— Я ничего не сдаю.

— Тогда зачем стучишь?

Путешественник задумался.

— Мне сказали прийти.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в проеме можно было разглядеть женщину лет шестидесяти: темные волосы были собраны в узел, на шее висели очки.

— Кто сказал?

— Человек, который не пришел.

Женщина посмотрела на него внимательнее.

— Сам не пришел и ничего не объяснил? Значит, Сбой.

Дверь открылась.

— Заходи.

Внутри пахло картоном, тканью и пылью. Помещение оказалось складом: вдоль стен стояли металлические стеллажи с коробками. На каждой была наклейка: «НЕ ВОСТРЕБОВАНО», «НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО», «ОЖИДАЕТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ», «ВРЕМЕННО НЕ СУЩЕСТВУЕТ В УЧЕТЕ». Больше всего Путешественнику понравилась последняя формулировка.

Память сидела за столом, а рядом, как всегда, стояла чашка чая.

— Опоздал на две минуты.

— Часов нет.

— Хорошее оправдание.

Женщина закрыла дверь.

— Он без телефона?

— Да, — сказала Память.

— Проверяла? — Женщина пристально посмотрела на нее.

Память вздохнула.

— Порядок, карманы.

Путешественник выложил на стол ключ от гостиницы, бумажник, служебную карту и два талона из Управления, которые забыл выбросить. Женщина взяла карту и стала внимательно ее изучать.

— Второй уровень. И наблюдатель.

Путешественник посмотрел на Память.

— Про наблюдателя тоже там написано?

— Нет, — ответила женщина. — Это видно по лицу.

— Тогда у меня очень информативное лицо.

— В Заперти лицо иногда информативнее профиля.

Она вернула карту и представилась:

— Квота 80-20.

— Порядок 0-17-314.

— Знаю. Если человек приходит ко мне вместе с Памятью и по рекомендации Сбоя, то обычно я заранее узнаю, как его зовут.

— Нам нужен адаптер, — сказала Память.

— Вам много чего нужно. — Квота посмотрела на нее.

— Сейчас адаптер. — Память назвала модель. Квота сразу перестала улыбаться.

— А прежний где взяли?

— Министерство.

Квота пошла вдоль стеллажей, проверяя коробки с техникой. В одной лежали старые телефоны, в другой — аккумуляторы, в следующей — кабели в заводской упаковке. Адаптеров не было.

Путешественник заметил несколько полок с книгами.

— Книги тоже?

— Особенно книги.

— Их запрещают?

— Не обязательно. «Не запрещено» и «разрешено к распространению» — разные статусы.

— Не отвлекайся, — еле слышно произнесла Память.

На нижней полке он заметил банки кофе. Упаковку узнал сразу.

— Откуда он у вас?

Квота посмотрела на кофе.

— Из коробки.

— А коробка откуда?

— Из другой коробки.

Память усмехнулась. Квота посмотрела на часы и открыла металлический шкаф с лекарствами. В этот момент из соседнего помещения вышла женщина лет тридцати и остановилась возле открытой дверцы. Квота достала две упаковки, внимательно рассмотрела их и вернула одну на полку. Вторую положила в бумажный пакет и протянула женщине.

— Половину сегодня — остальное через неделю, — сказала Квота.

Женщина кивнула.

— Ему хватит?

— Если принимать так, как сказал врач.

Женщина сжала пакет.

— Через неделю точно будет?

— Точно бывает только то, что уже случилось.

Женщина вышла из помещения через другую дверь.

— Лекарства тоже официально отсутствуют? — спросил Путешественник.

— Нет. Официально они есть. — Квота закрыла шкаф.

— Тогда почему...

— Потому что наличие товара и возможность его получить — разные услуги. — Она вернулась за стол. — Теперь про адаптер.

Память повторила название модели. Квота достала толстую тетрадь и начала листать страницы.

— Был такой. Один.

— Был?

— Три месяца назад. Передали.

— Кому?

— Человеку, которому он был нужен.

— Исчерпывающе, — заметил Путешественник.

— Ты у Сбоя учился? — Квота подняла на него взгляд.

— Видимо, общение с ним не проходит бесследно.

Она провела пальцем по строке.

— Есть аналог.

Память наклонилась.

— Работает со старой линией?

— Должен.

— Когда можно получить?

— Когда будет разрешение. — Квота резко захлопнула тетрадь.

Путешественник не сразу понял.

— Какое разрешение?

— Вот поэтому ты здесь. — Квота посмотрела на него. — Адаптер находится на складе внешних поставок.

— Министерском?

— Формально — подрядчика.

— А неформально?

— Неформально в Заперти ничего не бывает. Просто не все процедуры предназначены для граждан.

Квота открыла ящик стола, достала сложенный лист и положила его перед Путешественником. «РАЗРЕШЕНИЕ НА ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ ВНЕШНЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ». Путешественник внимательно прочитал название бланка.

— И мне его дадут?

— Возможно. — Квота указала на его служебную карту. — Расширенная общественная ответственность. Допуск к наблюдению.

Путешественник перевел взгляд на Память.

— Я думал, наблюдение дает право только писать доносы.

— Государство любит универсальные инструменты, — сказала Квота. — Особенно если платить за них уже не нужно.

Он продолжил читать: ФИО получателя, учетный идентификатор, категория оборудования, основание, предполагаемый срок использования и цель применения. Ниже список вариантов: «Служебно-техническая», «Общественно-наблюдательная», «Контрольная» и «Свой вариант».

— Тебе лучше выбрать общественно-наблюдательную цель применения. Другого подходящего основания у твоего профиля нет.

Он поставил палец ниже — там находилось поле «Объект применения оборудования».

— А здесь система потребует указать объект наблюдения, — продолжала объяснять Квота, — против которого будет использоваться оборудование.

— Адаптер?

— Формально не адаптер, а средство сетевого доступа повышенной совместимости. Системе спокойнее выдавать оборудование, когда она знает, кому оно должно мешать.

Путешественник перевел взгляд на Память.

— Вы хотите, чтобы я указал человека?

— Нет, — спокойно ответила Квота и откинулась на спинку стула. — Я предлагаю получить адаптер. А для этого системе нужен объект.

— То есть человек?

— Это самый простой вариант.

— И кого я должен указать?

— Любого, кого система примет.

— Нет, — резко перебила ее Память.

Квота пожала плечами:

— Тогда не любого.

Путешественник отодвинул лист.

— Это и есть цена? Я не буду отправлять наблюдение на человека ради оборудования.

— Никто не просит отправлять наблюдение.

— Нужно написать, против кого оно будет использоваться. Разница небольшая.

Квота никак не отреагировала на его возражение.

— Иногда в Заперти достаточно слова, чтобы одно действие считалось совсем другим.

Память взяла бланк.

— Что будет с тем, кого он укажет?

— Зависит от категории — если человек уже находится под наблюдением, новый запрос просто добавят к его существующей карточке. Отдельную проверку проводить не придется.

— А если нет?

— Могут открыть техническое основание для наблюдения.

Путешественник встал.

— Нет.

Квота не удивилась.

— Тогда нет адаптера.

Путешественник посмотрел вокруг: телефоны, аккумуляторы, книги, лекарства, кофе — вещи, которых либо официально не было, либо которые существовали не для всех.

— Сколько он стоит?

Квота назвала сумму больше двух его месячных зарплат.

— За старый адаптер?

— За новый.

— Он же уже куплен.

— Государством.

— Тогда почему я должен платить?

— Ты не должен. Можешь оформить разрешение.

Путешественник снова сел.

— А если я заплачу?

— Я найду человека с разрешением.

— Тогда он сам укажет объект в заявке?

— Да, но уже будет не твоя проблема. Ты получишь адаптер.
Путешественник замолчал. Память вернула форму на стол.
— Есть третий вариант?
— Всегда. — Квота перевела взгляд на нее. — Найти основание без человека.
— Ты только что сказала, что нужен объект.
— Объектом может быть не только человек: организация, заявление, технический инцидент, учетная единица. Система любит объекты почти так же, как и людей.
— Тогда почему ты сразу не сказала? — Вопрос прозвучал резче, чем Путешественник планировал.
— Хотела понять, насколько тебе нужен адаптер. Вижу, что нужен.
— Содержательное исследование.
— Бесплатное, — невозмутимо ответила Квота.
— Что можно указать? — прервала их Память.
Квота достала другой бланк.
— Лучше всего существующий номер наблюдения или заявления с технической категорией.
— Где он возьмет такой номер?
— У него есть СИГНАЛ и доступ. Найдет.
Путешественник почувствовал, как разговор снова становится неприятным.
— Что именно мне нужно сделать?
Квота развернула форму к Путешественнику и указала на нужные поля.
— Подать через личный кабинет запрос на оборудование. Категория — общественно-наблюдательная. Цель — подтверждение сетевого поведения объекта. В поле объекта нужен учетный номер. Номер найдешь в заявлениях, с которыми ты работаешь.
— Я не собираюсь вписывать номер случайного человека.
— Найди не случайного.
— А если взять заявление, рассмотрение которого уже завершено? — Память снова посмотрела на бланк.
— Можно, — согласилась Квота, — если система примет.
— А если не примет? — спросил Путешественник.
— Получишь отказ и попробуешь еще раз.
Он снова посмотрел на Память.
— Это ваш план?
— Нет. Пока ничей.
Квота собрала листы.
— Будет разрешение — будет рабочий адаптер. Не будет — останетесь с тем, что у вас уже есть.
— Со сгоревшим? — недоумевал Путешественник.
— Именно.
Путешественник направился к выходу, но у двери остановился.
— Ты сказала, государство само пользуется этими товарами.
Квота кивнула.
— Тогда почему они здесь?
Она посмотрела на стеллажи.
— Потому что система распределяет не вещи, а право считать их необходимыми.
Память уже открыла дверь, чтобы выйти. Квота добавила:
— Сначала система решает, кому вещь необходима. Потом выясняется, что она все-таки существует.
Они вышли на улицу и некоторое время шли молча. Наконец Путешественник спросил:

— Давно вы знакомы?

— Достаточно давно.

— Ты ей доверяешь?

— В пределах конкретной задачи.

— Откуда у Квоты все эти вещи?

Память продолжала смотреть перед собой.

— То, что ты увидел, существует потому, что об этом знают не все и не одинаково. Если начнешь собирать полную картину, однажды у тебя появится желание ее кому-нибудь показать.

— Я не СИГНАЛ.

— Пока нет.

Путешественник смотрел на нее.

— Сбой тоже так думает?

— Сбой думает, что каждый человек представляет техническую неисправность, пока не доказано обратное.

— А ты?

— Я работала в архиве. Я считаю, что доказательство тоже может быть неисправно.

Перед тем как разойтись, он спросил:

— Подавать запрос?

— Решай сам. Ты хотел свободы. Иногда она выглядит как отсутствие человека, который говорит, что тебе делать.

Путешественник вернулся в гостиницу позже обычного. На входе терминал показал:

«Позднее возвращение зарегистрировано. Причина не требуется, поскольку пользователь не запросил ее указать». На несколько секунд он задержал взгляд на экране и прошел в комнату. Телефон лежал там, где он его оставил. За четыре часа пришло семь уведомлений: три от СИГНАЛА, два от гостиницы, одно о профилактических работах и одно от Единой сети. В нем говорилось, что Путешественнику теперь доступна новая категория запросов в разделе «ОБЩЕСТВЕННОЕ СОДЕЙСТВИЕ».

В списке действительно появилась новая строка: «Техническое обеспечение общественно значимого наблюдения». Квота сказала, что право у него уже есть, но раздел появился только сейчас. Путешественник уже не спешил считать такие совпадения случайными. Он открыл форму — она практически полностью совпадала с бумажной. Часть полей система заполнила сама:

Имя: ПОРЯДОК 0-17-314.

Уровень доступа: 2.

Общественная ответственность: расширенная.

Оборудование: Путешественник ввел название адаптера, которое запомнил. Система предложила выбрать средство сетевого сопряжения внешнего производства. Он нажал.

Цель: подтверждение сетевого поведения объекта.

Объект наблюдения: пусто.

Путешественник закрыл форму.

Через минуту открыл снова — поле по-прежнему требовало заполнения. Путешественник попробовал оставить пустым — «объект обязателен для указания». Тогда он ввел: «Не установлен» — «указанное значение не соответствует формату учетного идентификатора». Затем попробовал ввести «Технический инцидент» — то же самое. Закрыл форму.

СИГНАЛ тут же прислал: «Вы не завершили запрос на оборудование. Продолжить?» Путешественник выбрал «Нет». Через секунду: «Напомнить позже?» «Нет». «Отказ от напоминания учтен».

Утром Сбой в техническом секторе не появился. Ближе к обеду СИГНАЛ напомнил: «Незавершенный технический запрос может снижать эффективность вашего участия». Чтение этого уведомления прервала Норма, которая положила на стол Путешественника пачку заявлений. Он вздрогнул от неожиданности и взглянул на стопку — первым лежало заявление с пометкой: «РАССМОТРЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО», в верхнем углу стоял номер 7-171-07.

— Почему оно опять у меня? — удивился Путешественник.

Норма повернула лист к себе и нашла глазами пометку.

— Ошибка распределения.

Она взяла заявление в руки и уже собиралась уйти.

— Норма.

— Да? — Она остановилась.

— Что происходит с номером заявления после завершения?

— Ничего. Он остается номером заявления.

— Его можно использовать повторно?

— Для чего?

Путешественник пожал плечами.

— Просто интересуюсь.

— Вы в последнее время слишком часто интересуетесь формами учета.

— Работа влияет.

Норма еще раз посмотрела на закрытое заявление.

— Номер относится к конкретной учетной операции. Даже после завершения.

— А если операция техническая?

— Какая именно?

Путешественник понял, что зашел дальше, чем хотел.

— Неважно.

Норма продолжала пристально смотреть на него.

— Тогда ответ тоже неважен. — Она развернулась и ушла.

Путешественник выдохнул.

Через пять минут на рабочем терминале появилось уведомление: «Дополнительные материалы к заявлению № 7-171-07». То самое закрытое заявление. Только теперь в электронной карточке заявления появился новый раздел: «ТЕХНИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: СЕТЕВАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ». Пять минут назад никакой сетевой верификации там не было. Он посмотрел на Норму — она разговаривала с гражданкой и не замечала его. Путешественник открыл историю изменений:

«11:58 — рассмотрение завершено».

«12:03 — архивирование».

«12:16 — добавление основания сетевой верификации».

Исполнитель не указан. Норма тем временем продолжала диалог с женщиной:

— Нет, подпись подтверждает ознакомление с решением, а не согласие.

Путешественник вернулся к экрану. Внизу появилась отметка: «ДОПУСТИМО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КАЧЕСТВЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ». Он закрыл заявление и открыл в телефоне незавершенный запрос на получение адаптера. В поле «Объект наблюдения» он ввел номер 7-171-07, но отправлять пока не стал. В это же время Норма закончила с гражданкой и встретила с ним взглядом.

СИГНАЛ напомнил о себе: «ЗАПРОС ГОТОВ К ОТПРАВКЕ».

Путешественник выключил экран.

Через час Путешественник направился в архив, чтобы отнести пачку завершенных заявлений. Сбой оказался там же: стоял у открытого технического шкафа и проверял соединение кабеля.

- Вчера я встретился с Квотой.
- Знаю. Она написала. — Сбой не отрывался от кабеля, будто разговор его не касался. Путешественник подошел чуть ближе и стал говорить тише, почти шепотом.
- Она хочет разрешение.
- Не хочет. Ей все равно.
- Тогда зачем?
- Потому что адаптер на складе.
- Похоже, Норма помогла мне. Она принесла мне закрытое заявление, а после нашего разговора в его карточке появилась категория «Сетевая верификация».
- Сбой замер с разъемом в руках и медленно повернул голову.
- Ты рассказал что-нибудь Норме?
- Нет. Только спросил, можно ли повторно использовать номер закрытого заявления.
- Сбой закрыл шкаф. Путешественник продолжил:
- Система принимает номер.
- Тогда проблема не в номере. — Сбой выдохнул. — А в Норме. Она не должна знать, зачем тебе понадобился номер закрытого заявления.
- Она и не знает. Я ничего ей не сказал.
- Ты спросил про повторное использование номера сразу после того, как вчера сходил к Квоте.
- Она не знает, что я был у Квоты.
- Ты очень оптимистично относишься к объему чужого незнания.
- Путешественника задело, как легко Сбой допускал худшее.
- Если бы она хотела меня сдать, сделала бы это раньше.
- Это не аргумент. Люди не обязаны хотеть одно и то же каждый день.
- Ты же сам говорил не делать выводы без доказательств.
- Я и не делаю. Я беспокоюсь.
- Разница?
- Вывод остается. Беспокойство работает.
- Путешественник поставил папку с заявлениями на полку.
- Это номер закрытого заявления.
- Какого?
- Не знаю.
- Прекрасно. Ты собираешься получить через легальное разрешение оборудование для нелегального подключения, используя номер неизвестного закрытого заявления, которое тебе фактически подложила Норма.
- Теперь это звучит как готовая формулировка для протокола. У тебя есть другой вариант? — Путешественник прислонился к шкафу.
- Заплатить.
- Две зарплаты?
- Уже три. Пока мы обсуждаем, цена растет.
- На несколько секунд воцарилось молчание.
- Номер запомнил? — спросил Сбой.
- Путешественник назвал номер, Сбой шепотом повторил.
- Не нравится. Слишком аккуратный для случайного.
- У тебя техническая паранойя.
- У меня технический опыт.
- Путешественник на секунду перевел взгляд в сторону двери.
- Отправлять?

— Не здесь. В гостинице. Служба безопасности уже проверяет рабочую сеть, поэтому отправить через нее заявку на иностранное сетевое оборудование — считай, отметить в журнале.

— Но сам запрос Норма все равно может увидеть в системе.

— Норма уже что-то увидела.

Путешественник уловил в его голосе недовольство.

— Тебе это не нравится.

Сбой посмотрел на него.

— Мне не нравится, когда человек помогает раньше, чем я понял, на чьей он стороне.

— А если она на нашей?

— Тогда мне будет еще неприятнее. Значит, она знает больше, чем мы. — Он взял кабель.

— Вечером отправишь. Только один раз. Если система запросит дополнительные данные — не отвечай.

— Почему?

— Потому что дальше ты начнешь импровизировать.

— Я умею.

— Именно.

Вечером уже в гостинице Путешественник открыл запрос — все заполненные поля сохранили информацию. Внизу форма требовала подтверждения: «ПОДТВЕРЖДАЮ, что оборудование будет использовано исключительно в целях общественно значимого наблюдения». Путешественник нажал «Отправить». Система уточнила: «Вы осознаете ответственность за нецелевое использование оборудования?» Он выбрал утвердительно. «УТОЧНИТЕ СТЕПЕНЬ ОСОЗНАНИЯ: В ПОЛНОЙ МЕРЕ, В ДОСТАТОЧНОЙ МЕРЕ, ТРЕБУЕТСЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ». Путешественник выбрал: «В достаточной мере».

«ПОЧЕМУ НЕ В ПОЛНОЙ?»

— Потому что вы сами предложили такой вариант, — с недоумением сказал он вслух. Система не отреагировала. Путешественник нажал «Назад» и поменял свой ответ на: «В ПОЛНОЙ МЕРЕ». «ЗАПРОС ПРИНЯТ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ БУДЕТ СФОРМИРОВАНО В ТЕЧЕНИЕ 10 РАБОЧИХ ДНЕЙ». Десять рабочих дней: за это время Анна могла решить, что он снова исчез. Через минуту пришло новое уведомление: «С УЧЕТОМ ВАШЕГО УРОВНЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗАПРОС ПЕРЕВЕДЕН В УСКОРЕННУЮ КАТЕГОРИЮ. РЕШЕНИЕ БУДЕТ СФОРМИРОВАНО В ТЕЧЕНИЕ 3 РАБОЧИХ ДНЕЙ». Он усмехнулся — доносительство действительно открывало двери, даже если никого не сдавать.

До обеда следующего рабочего периода запрос оставался на рассмотрении. После обеда статус изменился на «ТРЕБУЕТСЯ УТОЧНЕНИЕ». Путешественник напрягся. «УКАЗАННЫЙ ОБЪЕКТ 7-171-07 НЕ ИМЕЕТ АКТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПРИВЯЗКИ. УТОЧНИТЬ?» Сбой говорил не отвечать — Путешественник так и сделал. Через пять минут статус изменился сам на «УТОЧНЕНИЕ ПОЛУЧЕНО». Путешественник медленно поднял голову — Норма сидела за столом и заполняла журнал. Статус запроса вновь изменился: «СОГЛАСОВАНО». Еще через минуту: «РАЗРЕШЕНИЕ № 221-94 СФОРМИРОВАНО». Путешественник решил все-таки подойти.

— Норма, у Вас есть минутка?

Она посмотрела на часы.

— До следующего талона меньше минуты.

— Мне хватит.

Путешественник положил перед ней телефон экраном вверх с открытым разрешением. Норма прочитала:

— Запрос согласован.

— Я вижу. Только я ничего не уточнял, а система сообщила, что уточнение получено.

— Система иногда уточняет данные автоматически, если находит более точную категорию.

Путешественник выдержал небольшую паузу.

— Норма, Вы что-то меняли в этой заявке?

— Вопрос сформулирован недостаточно точно.

— Вы поняли, о чем я.

— Понимание вопроса не обязывает принимать его формулировку.

Путешественник слегка улыбнулся.

— Хорошо. В закрытом заявлении появилась техническая категория. Я ввел в запрос номер этого заявления. Затем система запросила уточнение, а через пять минут сообщила, что оно получено, хотя я ничего не отправлял. Вы имеете к этому отношение?

Норма перевела взгляд с телефона на Путешественника.

— Для чего Вам это оборудование?

Он замолчал. Она слегка подняла брови.

— Видите? Иногда точность формулировки полезна обеим сторонам. Возможно, Вы просто правильно заполнили заявление.

— Случайно? — искренне удивился Путешественник.

— В Заперти многое происходит случайно после правильного заполнения формы.

У третьего окна загорелся номер.

— Время. — Норма встала и направилась к окну.

Через десять минут СИГНАЛ предложил создать наблюдение: «СОТРУДНИК НОРМА 12-08. ОСНОВАНИЕ: НЕДАВНЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОВЫШЕННОЙ СМЫСЛОВОЙ ПЛОТНОСТИ». Даже СИГНАЛ начинал уставать придумывать нормальные формулировки.

В тот же вечер в разрешении появились QR-код и адрес Пункта выдачи № 14. Пункт находился в складском квартале. Внутри не было ни сотрудников, ни стойки — только ряд металлических ячеек и экран со сканером.

Путешественник поднес QR-код. «ПОДТВЕРЖДЕНО. ВАША ЯЧЕЙКА 1406». Где-то в стене щелкнул замок, и одна дверца приоткрылась. Внутри лежала небольшая коробка с иностранным логотипом. Как только Путешественник взял ее в руки, на экране сканера появилось сообщение: «ОЦЕНИТЕ ПРОЦЕСС ПОЛУЧЕНИЯ». Он посмотрел на еще не вскрытую коробку и выбрал пять звезд. «БЛАГОДАРИМ ЗА ОБЪЕКТИВНУЮ ОЦЕНКУ».

Путешественник вышел из Пункта выдачи с коробкой под мышкой. Не успел пройти и нескольких метров, как его окликнули:

— Получил? — Квота стояла у стены напротив. — Пойдем.

Она провела его через квартал к закрытой мастерской по ремонту обуви. На двери висело: «РЕМОНТ ВРЕМЕННО НЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ В СВЯЗИ С ОТСУТСТВИЕМ НЕОБХОДИМОСТИ В РЕМОНТЕ». Квота открыла боковую дверь, и они зашли. Внутри были старый прилавок и несколько пустых стеллажей.

— Показывай.

Он отдал ей коробку. Она открыла и проверила модель.

— Подходит.

Она достала из-под прилавка другую коробку — внутри лежал похожий адаптер.

— Это что?

— Ваш.

Путешественник посмотрел сначала на нее, потом на коробку.

— Я думал, наш на складе.

— Ваш новый был на складе. Этот — мой.

— Тогда зачем разрешение?

— Мне нужен был новый.

Путешественник несколько секунд молчал.

— Мы обменялись?

— Можно и так сказать.

— Почему сразу не отдала его?

— Потому что тогда у меня не было бы нового.

Путешественник взял старый: он был потертый, но целый.

— Работает через внешнюю линию?

Квота взглянула на него так, будто глупее вопроса никогда не слышала.

— Не задавай вопросы, на которые тебе не понравятся ответы.

— Государство разве не заметит, что оборудование, которое оно мне выдало, теперь у тебя?

— Заметит. Только где в разрешении написано, что ты обязан носить его с собой?

Путешественник задумался. Действительно.

— А если проверят?

— Скажешь, что используется по назначению.

— У тебя на все находится нужная формулировка.

— Я двадцать лет проработала в снабжении.

Квота открыла дверь.

— Передай Сбою: три дня не подключать к старой линии. Служба безопасности еще смотрит.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у службы безопасности тоже есть снабжение.

Сразу же после начала следующего рабочего периода Сбой появился у стола Путешественника. На этот раз он даже не делал вид, что что-то чинит: просто остановился рядом.

— Где?

Путешественник достал из сумки старую коробку.

— Это не тот.

— Новый Квота оставила себе.

Он взял адаптер и начал вертеть его в руках, рассматривая разъемы.

— Память хочет тебя видеть. После работы. — Он положил адаптер обратно.

— В комнате?

— Нет. Комнату пока не используем.

— А где тогда?

Сбой назвал знакомое Путешественнику место — Центральный архив Министерства соответствия.

— Ты шутишь? Центральный архив?

— Рядом.

— Это успокаивает.

— Никто не просил успокаиваться.

Вечером Путешественник пришел к зданию архива. Оно выглядело почти торжественно: высокий фасад, каменные ступени, герб Министерства. Над входом: «ПРОШЛОЕ ДОСТУПНО В ПРЕДЕЛАХ АКТУАЛЬНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ».

Память ждала в переулке сбоку.

— Не сюда.

Они прошли вдоль здания к маленькому кафе для сотрудников и заказали чай. Память выбрала столик возле стены.

— Сбой сказал, что ты достал адаптер.

— Получилось. Ты поэтому позвала?

— Нет.

Она достала из сумки папку — Путешественник сразу узнал ее.

— Ты носишь это с собой?

— Сегодня да.

Память раскрыла папку и достала оттуда два листа: один оставила сверху, второй пока прикрывала ладонью.

— После той фотографии в Чатграме я начала искать имя Порядок.

— В своих документах из архива?

— Да. Сначала ничего.

— Сбой знает?

— Не все. Он слишком любит соединять технические детали.

Путешественник усмехнулся.

— Он говорит о тебе то же самое, только про архив.

— Поэтому мы все еще работаем вместе. — Она отпила чай. — Я просмотрела листы замены, старые описи и несколько ведомостей перемещения. Имя «Порядок» встречается редко. До тебя я нашла два упоминания.

— Два человека?

— Не уверена. В одном случае есть только имя без номера. В другом — номер.

— Какой?

Память не ответила.

— Сначала другое.

Она взяла лист и повернула его к Путешественнику. «ВЕДОМОСТЬ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ УЧЕТНЫХ ЕДИНИЦ». На документе стояла дата восьмилетней давности. Ниже — несколько строк: имена, категории, основания. В одной из них было указано: «ПОРЯДОК» без номера. Статус: «ВЫБЫЛ».

— Куда?

— Не указано.

— Это мог быть тот человек, о котором написал неизвестный?

— Не знаю.

— Почему тогда показываешь?

— Чтобы ты не решил, что следующее автоматически все объясняет.

Путешественник посмотрел на нее.

— Вы со Сбоем договорились? Звучите одинаково.

— Плохой признак.

Она убрала ладонь с другого листа — «КАРТОЧКА СЛУЖЕБНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ». Ниже в документе стоял учетный идентификатор. Память указала на номер в этой строке.

— Это я нашла сегодня.

ПОРЯДОК 0-00-001. Он задержал взгляд на номере — нули и единица слишком напоминали начало отсчета.

— Это настоящий документ?

— Насколько архив вообще умеет быть настоящим.

Он прочитал следующую строку: «МЕСТО РАБОТЫ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОКЗАЛ». Путешественник перечитал строку: до этого перед ним лежала чужая архивная история. Теперь она пересекалась с его собственной.

— Вокзал, — произнес он уже вслух.

«СТАТУС: ПЕРЕМЕЩЕН».

«МАРШРУТ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ: ПУТЬ 0».

На минуту все остальное отступило: разговоры за соседними столами, звон чашек, открывшаяся дверь — все это происходило где-то рядом, но не с ним. Он смотрел только на четыре строчки в карточке служебного перемещения.

— Где ты это нашла?

— В листе замены транспортной категории.

— Этот документ был в архиве?

— Не сам документ. Его копия осталась среди листов замены.

Память показала на обратную сторону листа — там стояла печать «ПОДЛЕЖИТ ЗАМЕНЕ. НОВАЯ ВЕРСИЯ НЕ СФОРМИРОВАНА В СВЯЗИ С ОТСУТСТВИЕМ АКТУАЛЬНОЙ УЧЕТНОЙ ЕДИНИЦЫ».

— Документ собирались заменить, но заменять было уже некого, — пояснила Память.

— Тут написано «перемещен». Значит, его маршрут проходил через Путь 0?

— В карточке указан такой маршрут. Это все, что мы знаем.

— Ты сейчас как Норма, — невольно заметил Путешественник. Он снова посмотрел на документ — дата была семилетней давности.

— В то же время, когда появилась моя папка. Когда был зарезервирован кофе. Когда создан аккаунт, который прислал фотографию. И фотография тоже датирована семью годами назад. Все связано.

— Возможно.

— Это уже не совпадение.

— Возможно.

Он посмотрел на Память.

— Он был первым?

— Так выглядит номер. Но номер может выглядеть как угодно.

— Ты говоришь об этом так спокойно, будто перед нами обычный архивный лист.

Память посмотрела в окно.

— Я двадцать лет работала среди документов, которые становились опасными только после того, как человек начинал считать их объяснением.

— А чем они являются?

— Следами. Иногда в никуда.

Путешественник хотел взять карточку, но Память сразу положила ладонь сверху.

— Не забирай. Единственная копия у меня. Завтра покажу Сбою и Мере.

Она убрала карточку обратно в папку.

— А если служба безопасности найдет ее раньше? — Путешественник кивнул на папку.

— Тогда у нас будет другая проблема.

— Но ты носишь архивные документы с собой.

— Только сегодня. Потом верну туда, где их никто не найдет.

— В архив?

— Порядок. — Она улыбнулась впервые за весь разговор. — Иногда лучше не знать, где лежит доказательство.

Они допили чай. У выхода Путешественник остановился.

— Память, если Порядок был до меня, почему мне дали то же имя?

— Система повторно использует имена.

— Но номер другой. Норма сказала, что номер не должен повторяться в активной категории. Значит, его категория больше не активна.

— Правила могли измениться.

Путешественник покачал головой.

— Ты умеешь одним ответом добавить еще несколько вопросов.

— Архивная привычка.

Он вспомнил слова Нормы — та сказала почти то же самое про ошибки.

На улице уже стемнело. Путешественник шел в гостиницу один. Телефона в кармане не было — он предусмотрительно оставил его в комнате. Город казался другим без устройства, которое объясняло, где он находится и зачем. На перекрестке он остановился. В нескольких кварталах отсюда был Центральный вокзал — место, где он впервые увидел Заперти. Семь лет назад там был другой Порядок.

Путешественник посмотрел в сторону вокзала: из-за домов была видна верхняя часть крыши. Он подумал об Анне. О красном восклицательном знаке. О новом адаптере, который теперь лежал у Сбоя. О старой линии, к которой пока нельзя подключаться. О Норме, которая помогла ему получить разрешение и сделала вид, что ничего не произошло. О Квоте, которая превратила право наблюдать за людьми в способ получить импортное оборудование. О Памяти, которая носила в папке человека, находившегося здесь семь лет назад. Раньше Путешественнику казалось, что Заперти — это просто город, из которого нельзя уехать. Теперь становилось ясно: система не заканчивалась улицами. Она продолжалась в архивах, железнодорожных маршрутах, складах, переписках и фотографиях семилетней давности.

Он дошел до гостиницы. Терминал у входа загорелся: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ПОРЯДОК 0-17-314». До этого дня Путешественник видел только собственный номер. Теперь перед глазами стоял другой. 0-00-001. Терминал повторил: «ПОДТВЕРДИТЕ ВХОД». Путешественник приложил карту, и створки открылись.

В комнате он достал блокнот и открыл последнюю страницу: под вчерашней записью оставалось место. Он написал одну строку:

«До меня здесь уже был Порядок. В карточке его перемещения указан Путь 0...»

На этот раз в конце было многоточие.

Глава 10. Согласованное присутствие

Утром Путешественник еще не успел встать с кровати, как телефон показал новое уведомление СИГНАЛА: «За последние сутки ваша наблюдательная активность снизилась. Вы можете компенсировать недостаточное участие в удобное для вас время». Ниже находилась только одна кнопка — «Сейчас». Путешественник перевернул телефон экраном вниз. Через минуту тот завибрировал снова: система решила, что для выбора удобного времени требуется предварительно подтвердить его наличие.

Вчера вечером Память показала ему документ о перемещении другого Порядка. Ночью Путешественник несколько раз просыпался и смотрел в сторону прикроватной тумбы, где за съемной панелью лежал его собственный билет. Он находился там уже достаточно долго, чтобы превратиться в предмет домашней обстановки, который нельзя было ни использовать, ни выбросить.

В Управлении Норма занималась распределением очереди. На табло появилось новое объявление: «СОКРАЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ ОЖИДАНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНО НА ПЕРИОД ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОЖИДАНИЯ». Под объявлением уже выстроилась очередь граждан, желавших получить разъяснение о сроках его действия. Норма выдавала им бланки: на каждом требовалось указать, с какого момента человек считает себя ожидающим.

Сбой появился ближе к десяти, но к Путешественнику не подошел. Поставил на свой стол коробку с неисправными кабелями, открыл журнал технических работ и какое-то время делал вид, что действительно собирается их описывать. Изредка он поднимал голову в сторону Нормы — Путешественник заметил это еще до того, как Сбой встретился с ним взглядом.

В обед Сбой оказался рядом с ним у автомата с водой.

— Я видел документы. Память обещала показать их тебе и Мере, — сказал Путешественник.

— Покажет после работы. Адрес места сегодняшней встречи тебе передадут.

Автомат выдал стакан, но не воду. Сбой нажал кнопку еще раз. На экране появилось: «ВЫ ПОВТОРНО ВЫБРАЛИ ВОДУ. ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО ПРЕДЫДУЩИЙ ВЫБОР БЫЛ СДЕЛАН ОСОЗНАННО». Вода наконец появилась. Сбой наполнил стакан и, не выпив ни глотка, вылил половину в раковину. Автомат поблагодарил его за разумное потребление.

— Квота сказала не подключаться к старой линии три дня, — напомнил Путешественник.

— Я знаю. Адаптер лежит там, где его никто не станет искать без соответствующего разрешения.

Сбой вернулся в технический сектор, оставив Путешественника наедине с автоматом и вопросами, на которые не было ответов.

Ближе к концу рабочего дня на обороте одного из служебных листов Путешественник обнаружил карандашную запись: «17:20. Кафе у бывшей конторы переучета городского имущества». Никаких имен в записке не было. Он перевернул лист: на лицевой стороне находилось заявление гражданина о том, что ему по ошибке прислали уведомление об отсутствии ошибки.

Кафе оказалось небольшим заведением в двух кварталах от Управления. Бывшая контора переучета занимала соседнее помещение и давно не работала, но старая вывеска все еще висела над входом. Когда Путешественник зашел, все остальные уже собрались: Память разливала всем чай, Мера рассматривала бумажное меню, на котором все цены были закрыты наклейками «УТОЧНЯЕТСЯ», Сбой задумчиво смотрел в окно.

— Хорошо, что все пришли, — сказала Мера, отложив меню.

Сбой протянул руку к папке Памяти.

— Показывай.

— Сначала договоримся, что именно написано в документах, — ответила она.

— Я умею читать.

— Ты умеешь соединять прочитанное с тем, чего там нет. Именно поэтому я хочу договориться заранее.

Память разложила на столе две копии так, чтобы их могли видеть все четверо. Первую — ведомость восьмилетней давности с именем Порядок без номера — она положила чуть в стороне. Вторую, с идентификатором 0-00-001, подвинула к Мере. На ней значился Центральный вокзал, статус «ПЕРЕМЕЩЕН» и маршрут «ПУТЬ 0».

Мера прочитала документ и задумалась.

— Это не пассажирская карточка.

— Никто и не говорит, что пассажирская, — сказала Память.

— Здесь нет даты отправления, номера состава, станции назначения.

— Он работал на вокзале, — напомнил Путешественник.

— В карточке так написано, — поправила Память.

Сбой потер переносицу.

— И что? Сотрудника вокзала могли перевести в другой сектор. Путь 0 мог быть не маршрутом, а служебным обозначением участка вокзала.

— Участка вокзала, название которого совпадает с надписью на моем билете, — сказал Путешественник.

— Именно поэтому мне и не нравится это совпадение.

Память посмотрела на него.

— А может, ты не любишь совпадения, которые не можешь объяснить?

— Я не люблю совпадения, которые начинают считать объяснением.

Мера не участвовала в споре. Она положила рядом свои листы: несколько распечаток с таблицами, где в правом столбце стояли только даты, интервалы времени и буквенно-цифровые обозначения.

— Это не доказательство, — сказала она. — Но это повод проверить.

Путешественник наклонился к листам и не увидел ничего похожего на расписание поездов.

— Что это?

— Когда мы искали старую линию, я записала время, когда Министерство обычно открывает внешний канал. После вмешательства неизвестного в наше последнее подключение решила посмотреть, происходило ли в то же время что-нибудь необычное на вокзале.

— И? — нетерпеливо спросил Сбой.

— В день нашего последнего подключения на вокзале с 22:41 до 23:00 отключали табло и закрывали боковой вход из-за технических работ. Я сравнила другие выходы Министерства во внешнюю сеть с открытыми объявлениями вокзала и нашла еще несколько таких совпадений. — Она указала на отмеченные строки. — Через три дня это повторится: короткое окно внешней связи снова приходится на те же девятнадцать минут технических работ на вокзале. Этот промежуток я для себя назвала техническим перерывом. Больше из открытых уведомлений ничего не узнать.

Сбой перестал смотреть в окно.

— Покажи остальные совпадения.

Мера подвинула лист. Он сравнил записи и впервые за вечер не ответил сразу.

— Ты уверена, что это не плановая проверка электропитания?

— Нет. Поэтому нам нужен вокзал.

Память убрала документы в папку, прежде чем кто-либо успел попросить поддержать их еще немного.

— Нам нужна не догадка о вокзале, — сказала она. — Нам нужно понять, что там происходит и почему в архивной карточке семилетней давности указан Путь 0.

Путешественник еще раз посмотрел на выделенный Мерой интервал.

— А если за эти несколько минут подключения мы ничего не найдем?

— Тогда придется ждать следующего совпадения, — ответила Мера.

— А когда он будет?

Она убрала лист.

— Вот это я не смогла выяснить.

Когда они вышли из кафе, уже стемнело. Мера ушла первой, а Сбой и Память задержались у входа, продолжая спорить о том, где безопаснее хранить архивную папку.

— Уверена только в том, что она окажется не в том месте, куда ты собираешься ее спрятать, — ответила Память.

— Можно хотя бы иногда воспринимать мою профессию серьезно?

— Именно поэтому я не отдаю тебе бумажные документы.

Они разошлись. Путешественник остался на углу, наблюдая за светофором, который слишком долго обещал разрешить переход. Девятнадцать минут. Мера нашла закономерность, Память — старый документ. Этого было достаточно, чтобы продолжать проверку, но слишком мало, чтобы считать Путь 0 найденным. И все же он не мог избавиться от ощущения, что ответы находились где-то рядом, внутри знакомого вокзального здания. Семь лет назад там значился другой Порядок. Несколько недель назад он сам вышел на площадь перед вокзалом. Между этими событиями умещалась жизнь, о которой ему, возможно, никогда не позволят узнать. На экране светофора появилось: «ПЕРЕХОД БЕЗ ПОДТВЕРЖДЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ». Путешественник перешел улицу.

Утром следующего дня город сообщил о начале Недели открытых транспортных услуг. На остановках появились плакаты: «ТРАНСПОРТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОТКРЫТА. ДОСТУПНОСТЬ ТРАНСПОРТА УТОЧНЯЕТСЯ». У входа в Управление раздавали дополнительные талончики на получение разъяснений, почему некоторые маршруты временно исключены из перечня доступных.

Путешественник задержался возле одного из плакатов: на схематической карте особенно ярко выделялся Центральный вокзал. От него расходились толстые линии, обрывавшиеся у края изображения. Под картой находилась надпись: «ДЛЯ ВАШЕГО УДОБСТВА ПРЕДСТАВЛЕНЫ ТОЛЬКО ДОСТУПНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ». Он поискал легенду — та советовала не делать выводов об отсутствующих маршрутах на основании их отсутствия.

Норма заметила, что он заинтересован плакатом.

— Вы опаздываете к рабочему месту, — сказала она.

— Я расширяю транспортную грамотность.

— Для этого предусмотрен отдельный период.

— Когда?

— После завершения текущего.

Путешественник подумал о том, что впервые за все время знакомства она не предложила ему заполнить какую-нибудь форму. Возможно, даже такая доброжелательность в Заперти требовала предварительного уведомления.

После работы он направился в то самое кафе напротив Центрального вокзала, где в первый день познакомился с Тишиной. Там почти ничего не изменилось. На стекле у входа висела табличка с часами работы, поверх которых кто-то наклеил листок: «ВРЕМЯ МОЖЕТ БЫТЬ

СКОРРЕКТИРОВАНО БЕЗ ИЗМЕНЕНИЯ ЧАСОВ». Внутри пахло кофе, теплым хлебом и мокрыми пальто. У окна сидели двое мужчин в форме железнодорожной службы. Они говорили о какой-то проверке оборудования и громко возмущались тем, что их обязали проверять не только исправные устройства, но и отсутствие неисправностей в тех, которые давно отключены.

Тишина сидела возле окна и заметила Путешественника раньше, чем он ее.

— Опять без багажа, — сказала она.

— Я теперь почти местный.

— Не спеши. Вряд ли это то, чего ты действительно хочешь.

Некоторое время он молча смотрел через окно на вокзал — с его места хорошо просматривался центральный вход с часами.

— У тебя вопросы, — сказала Тишина.

— Это настолько заметно?

— Ты сел напротив, а смотришь только на вокзал.

Официант принес чай, и Путешественник сделал глоток.

— Я хочу спросить про Путь 0. Он указан в моем билете и в архивной карточке семилетней давности другого Порядка.

— Значит, у тебя теперь два упоминания Пути 0 вместо одного.

— Ты знала о нем?

— О названии или о том, что под ним скрывается?

Путешественник не сразу ответил. Между столиками прошла женщина с корзиной чистых ложек. Тишина дождалась, пока та уйдет в подсобку.

— Давай начнем с названия, — сказал он.

Тишина взяла чашку и недолго вглядывалась в окно.

— Несколько раз я видела, как вечером закрывали боковой вход. Причины на табличках каждый раз были разные: проверка освещения, технические работы, переучет оборудования. Охрана пропускала внутрь только тех, кого ждала.

— И что происходило внутри?

— Если бы я знала, мне не пришлось бы столько времени рассматривать вокзал из кафе.

Путешественник невольно улыбнулся и почувствовал разочарование. Он надеялся услышать что-то более определенное, но Тишина могла рассказать лишь то, что видела сама. Она заметила это.

— Когда ты впервые оказался здесь, то спрашивал, какой поезд уезжает из города. Теперь спрашиваешь про Путь 0. Тебе нужно понять, как сюда попадают или как отсюда уезжают?

Он хотел выбраться, но покинуть Заперти, так и не разобравшись, как он сюда прибыл, теперь казалось почти невозможным.

— Ты веришь, что отсюда можно уехать?

— Для этого я и продолжаю приходить сюда. Но за три года я ни разу не слышала, чтобы объявляли Путь 0. Если он и существует, то вряд ли стоит его искать на общем табло.

Путешественник допил чай и собрался уходить.

— Еще кое-что, — окликнула его Тишина. — Не думай, что семь лет назад здесь обязательно происходило то же самое, что происходит сейчас. У городов тоже меняется порядок жизни. Иногда вместе с названиями людей.

Утром следующего рабочего периода на его стол легла небольшая пачка заявлений о несоответствии личных данных. Люди жаловались, что в одних ведомствах их возраст указывался правильно, в других — на год меньше, а у одного гражданина система решила, что его имя слишком похоже на название организации и временно перевела его в категорию юридических лиц. Последний не смог воспользоваться городской поликлиникой: организациям меди-

цинская помощь не предоставлялась. Одно из заявлений касалось неверно указанного места первичной регистрации. Путешественник задержал взгляд на формулировке: в его собственной учетной записи таким местом значился Центральный вокзал.

— Норма, — сказал он.

— Да? — ответила она, не поднимая головы.

— Если в моей учетной записи местом первичной регистрации указан Центральный вокзал, а транспортная служба не найдет сведений о моем прибытии, это будет считаться расхождением?

Норма отложила карандаш и подняла глаза.

— Только после того, как транспортная служба официально это подтвердит.

— А потом?

— Потом появится основание для межведомственной сверки.

Слова прозвучали настолько буднично, будто речь шла о чужой опечатке. Она работала с его заявлением, видела его учетную карточку и, вероятно, знала значительно больше, чем говорила. Но теперь ее осведомленность показалась ему отдельным документом, доступ к которому он так и не получил.

— Что нужно для сверки?

— Два документа, — сказала Норма. — Выписка из Вашего профиля с местом первичной регистрации и официальный ответ транспортной службы.

— Если она сообщит, что сведений о моем прибытии нет?

— Тогда у двух ведомств будут разные сведения об одном событии. Именно это и сверяют.

— То есть сначала два ведомства должны официально не согласиться друг с другом.

— Если Вам так проще сформулировать.

— Заявитель должен присутствовать?

— Зависит от того, что нужно сверить. Если речь идет о месте первичной регистрации, то заявитель должен присутствовать лично. Самостоятельно проходить в служебную зону не стоит — это может осложнить доступ к процедуре.

— Значит, если вокзал не подтверждает мое прибытие, мне придется туда прийти?

— После подачи обращения Вам предложат время, — ответила Норма и вернулась к работе.

Путешественник не торопился прекращать диалог.

— Эти заявления случайно оказались у меня?

— Их распределила система. В соответствии с Вашим рабочим профилем.

У третьего окна загорелось табло с номером. Норма собрала лежавшие перед ней бумаги и направилась туда. А у Путешественника, возможно, появился официальный способ приблизиться к той части вокзала, куда просто так его не пустили бы. И чем законнее выглядел этот путь, тем сильнее он его настораживал.

После обеда он запросил выписку из собственного профиля. Место первичной регистрации значилось прежнее: Центральный вокзал. Под ним находилось поле «Основание прибытия». Оно было пустым, но рядом стояла отметка, что отсутствие основания не препятствует признанию факта регистрации. Путешественник распечатал выписку и несколько минут держал ее перед собой. Бумага пахла горячим тонером. В строке «Заявитель» стоял Порядок 0-17-314. Его настоящее имя отсутствовало. На этом уровне система была последовательна.

Затем он открыл публичный раздел транспортных услуг и запросил сведения о регистрации пассажира с этим учетным идентификатором. Ответ пришел быстро: «СВЕДЕНИЯ О ПАССАЖИРСКОМ ПРИБЫТИИ НЕ ОБНАРУЖЕНЫ». Следом система поясняла, что отсутствие данных не является доказательством отсутствия события. Под пояснением предлагалось

оценить его ясность. Путешественник сохранил ответ в служебных материалах и, после недолгих колебаний, распечатал его тоже.

Получилось две бумаги. Одна утверждала, что он зарегистрирован на вокзале. Другая не находила сведений о том, что он туда прибыл. Между ними он провел уже несколько недель своей жизни.

Вечером у него состоялся короткий разговор со Сбоем, когда они встретились возле служебного выхода.

— Вчера я виделся с Тишиной в кафе напротив вокзала, — сказал Путешественник.

Сбой озадаченно посмотрел на него.

— Что она сказала?

— Она рассказала, что за последние три года несколько раз видела, как закрывали боковой вход и пропускали людей только по спискам.

Путешественник пересказал разговор с Тишиной.

— Если она видела это сама, уже лучше, — сказал Сбой. — Можно сопоставить ее наблюдения с тем, что нашла Мера.

Путешественник показал две распечатки и объяснил процедуру межведомственной сверки. При упоминании Нормы Сбой напрягся и пристально посмотрел на него.

— Ты не допускаешь, что Норма специально подводит тебя к этим решениям? Сначала закрытое заявление, теперь сверка.

Путешественник убрал бумаги.

— Допускаю. Но если в каждом ее ответе искать подвох, мы вообще не сможем пользоваться тем, что она нам показывает.

— Пользоваться можно. Главное — вовремя заметить, когда пользоваться начинают тобой.

Они стояли на ветру, пока охранник у служебного выхода не попросил определить, относятся ли они к категории сотрудников, уже завершивших рабочее присутствие, или собираются продлить его путем нахождения снаружи.

— Я хочу направить обращение о расхождении данных, — сказал Путешественник, когда они отошли.

— Не сегодня. Сначала Мера еще раз проверит время технического перерыва. У тебя уже есть две бумаги, которые спорят друг с другом; завтра вечером разберемся, как их использовать.

— И все равно не объясняет про Путь 0 ровным счетом ничего.

— Именно. Мы пока даже не знаем, связан ли он с выездом из города.

Путешественник кивнул. В само здание вокзала мог войти любой — он уже бывал там не раз. Проблема заключалась в другом: во время технических работ часть проходов закрывали. Если обращение примут и назначат время на вокзале для очной сверки, это могло дать ему законное основание пройти за пределы обычной пассажирской зоны.

На следующий день ближе к концу рабочего периода Сбой подошел к столу Путешественника и положил рядом короткую записку: «22:41-23:00. Без изменений».

— Мера перепроверила время. Сегодня подключаемся.

— Я все равно хочу попасть в ту служебную зону на вокзале.

Сбой оперся ладонью о край стола.

— Это уже другая задача.

— Она связана с тем, ради чего мы получали адаптер.

— Адаптер мы получали, чтобы восстановить связь с Анной. Ты помнишь?

Путешественник ничего не ответил.

— Именно этого я и боюсь, — сказал Сбой. — Пока мы ищем ответ на твой первый вопрос, у тебя появляются следующие. В какой-то момент ты решишь, что выбраться нельзя, пока не разберешься со всем остальным.

— Я не планирую оставаться в Заперти.

— Я тоже.

Путешественник подумал о людях, которых встретил в Заперти: о Сбое с его проводами и кабелями, Памяти с ее архивными бумагами, Мере с таблицами, Тишине, которая три года продолжала приходить в кафе у вокзала, и Квоте, превращавшей официально существующие вещи в неофициально доступные. Он почти ничего не знал об их прошлом — о том, кем они были до своих нынешних имен и ролей. Человеку, который потерял собственное имя всего несколько недель назад, это вдруг показалось важным.

— А если в архивных карточках не окажется ничего, кроме обычных технических работ?

— Тогда, возможно, впервые порадуемся отсутствию данных.

Вечером Путешественник вернулся в гостиницу, поужинал и оставил служебную сумку на стуле. Он сложил распечатки во внутренний карман куртки: бумажное доказательство выглядело лучше, чем объяснение на словах. Телефон остался на столе — Путешественник не хотел, чтобы устройство снова сообщало ему, как правильно вести себя по дороге к месту, где он собирается нарушить несколько правил.

Комната, которой нет, находилась там же, где они оставили ее после прошлого подключения. В коридоре горел тусклый свет. Дверь была заперта. Путешественник постучал условленным коротким ритмом. Через несколько секунд открыла Мера.

— Без телефона?

Он кивнул.

— Хорошо. Сбой проверяет адаптер и линию. Хочет убедиться, что нет явных признаков постороннего подключения.

Внутри почти ничего не изменилось: два старых стола, разномастные стулья, кабели и иностранный ноутбук. На месте обугленного адаптера лежал прибор Квоты: потертый корпус, неровная царапина возле разъема. Путешественнику показалось странным, что от такой невзрачной вещи теперь снова зависит их связь с внешним миром.

Память сидела у дальнего края стола, перед ней лежала закрытая папка с двумя архивными копиями; ладонь она держала на обложке, будто заранее предупреждала Сбоя не тянуться к бумагам. Мера устроилась рядом с механическими часами. Перед ней лежал лист с двумя рядами времени: выходами Министерства во внешнюю сеть и техническими уведомлениями вокзала. Карандашом Мера обвела ближайшее совпадение: «22:41-23:00».

— У нас сегодня девятнадцать минут? — спросил Путешественник.

— Нет, — ответила Мера. — Девятнадцать минут длится технический перерыв на вокзале. Внешний канал Министерство откроет всего на несколько минут, как обычно.

— Четыре. Если повезет — пять, — сказал Сбой. — Сначала смотрим то, что может быть доступно через внешний архив ведомственных публикаций. Ничего не отправляем, не открываем личные профили и не заходим туда, где требуется авторизация.

Путешественник нахмурился.

— В прошлый раз мы так и не закончили разговор с Анной.

— Знаю. Но если начнем с Чатграма, на архив не останется времени. Сначала проверим, выдержит ли соединение хотя бы один безопасный запрос.

— И что такое безопасный запрос? — спросила Память.

— Тот, который не требует авторизации и не просит подтвердить личность.

— Обнадеживающее определение, — заметила она.

До предполагаемого открытия внешнего канала оставалось семь минут.

— Перед тем как начнем, — сказала Память, — я покажу, что нашла в листе замены.

Она придвинула к ним копию карточки Порядка 0-00-001. На обороте, ниже печати, находилась почти стертая строка. Путешественник видел ее вчера, но не придал значения.

— Здесь есть пометка, — сказала она. — Я сверила ее с другими документами того периода. Так обозначали сопровождение при изменении учетной категории. Но рядом нет идентификатора сопровождающего.

— Может, потому что сопровождения не было? — спросил Сбой.

— Может. А может, его указали в другом документе. Это повод искать ведомость сопровождения, а не придумывать судьбу человека по одной карточке.

Путешественник рассматривал бледные чернила. Семь лет назад кто-то поставил подпись, которую теперь невозможно было прочитать, и отправил бумагу на замену. В результате не сохранилось даже уверенности, что человек, чье имя стояло на карточке, действительно существовал. На бумаге был указан маршрут другого человека, тогда как своего Путешественник до сих пор не знал.

— Если найдется ведомость, — спросил Путешественник, — мы сможем узнать, кто был с ним?

— Если она сохранилась. Если в ней нет исправлений. Если тот, кого мы найдем, не окажется очередной учетной категорией, — ответила Память. — Видишь, сколько условий?

— Достаточно, чтобы СИГНАЛ отказал мне в достоверности наблюдения.

— СИГНАЛ отказал бы тебе даже в праве не наблюдать, — сказал Сбой.

Мера стукнула карандашом по столу.

— Две минуты. Мы готовы?

Вопрос был адресован сразу всем, но ответил только Сбой. Он поднес руку к переключателю старого адаптера. Путешественник сел на стул. Память убрала архивный лист в папку. Несколько секунд они слышали лишь ровное гудение старенького ноутбука.

— Готовы, — сказал Сбой.

Они замолчали. На адаптере загорелся зеленый индикатор, погас, затем загорелся вновь.

— Рано, — сказала Мера.

Индикатор стал желтым, потом вернулся к зеленому.

— Сейчас.

Сбой запустил ВПН.

Connecting...

Authenticating...

Secure connection established.

На экране возникла непривычная страница: простой заголовок, поле поиска, несколько ссылок и ни одного предложения повысить общественную ответственность. Путешественник почувствовал почти детское облегчение. Там, по другую сторону соединения, по-прежнему существовали сайты, которые не знали, как его зовут, и не собирались сообщать ему, что он неправильно распорядился собственной жизнью. Первой мыслью была Анна. Чатграм находился всего в нескольких кликах, но Мера открыла сохраненный адрес старого раздела ведомственных публикаций. Из внутренней сети он был недоступен, а через внешнее соединение открылся. Она ввела «Центральный вокзал» и ограничила поиск датами из своих таблиц. В результате появились те же технические работы, которые она видела раньше в публичных уведомлениях, но теперь записи содержали дополнительные служебные поля. В старом разделе публикации открывались целиком — вместе с техническими полями, которых нынешний интерфейс уже не показывал.

— Нам повезло? — спросил Путешественник.

— Пока мы просто нашли чужую привычку ничего не удалять, — ответила Мера.

— В Заперти это редкое качество, — заметила Память.

Мера по очереди открывала архивные карточки тех публикаций, даты которых совпадали с выходами Министерства во внешнюю сеть. Путешественник заметил строку, которой не было в тексте объявления для пассажиров: «СЛУЖЕБНАЯ КАТЕГОРИЯ: П-0». Мера вернулась к предыдущим записям — во всех стояло то же самое.

«ТРАНСПОРТНЫЙ УЗЕЛ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ».

«СЛУЖЕБНАЯ КАТЕГОРИЯ: П-0».

Путешественник выпрямился.

— Это оно?

— Это повторяющееся обозначение, — сказала Мера. — Оно еще ничего не говорит о поезде.

Память взяла архивную карточку Порядка 0-00-001 и сравнила строку маршрута с буквами на экране.

— Здесь Путь 0, — напомнила она. — А там П-0. Мы не можем считать их одним и тем же только из-за одинаковой первой буквы и цифры 0.

— Но можем проверить, — сказал Путешественник.

Сбой просмотрел несколько архивных записей со служебной категорией П-0. Формулировки различались — закрытие бокового входа, временное отключение табло, изменение режима учета, — но каждый раз П-0 появлялась рядом с теми короткими вечерними работами, которые Мера нашла в открытых объявлениях вокзала.

— Зачем отключать табло? — спросил Путешественник.

— Одна из версий: чтобы пассажиры не увидели информацию, которая им не предназначена, — ответил Сбой.

Память указала на карточку Порядка 0-00-001.

— Проверь дату из нее.

Мера ввела дату. Архив нашел уведомление на тот же день: на Центральном вокзале временно отключали табло и закрывали боковой вход в связи с техническими работами. Под основным текстом публикации снова стояла служебная категория «П-0». Основание было сформулировано иначе: «корректировка учетных единиц».

В комнате наступила тишина.

— Этого достаточно? — спросил Путешественник.

— Для чего? — Память не отводила глаз от листа. — Для вывода, что эти документы связаны? Пожалуй. Для вывода, что Порядок 0-00-001 действительно уехал поездом? Нет. Ни один из этих документов не подтверждает, что человека куда-то перевозили. Пока мы видим только изменение его учетного статуса.

Сбой уже собирался закрыть запись, когда рядом появилась ссылка на приложение — «ВЕДОМОСТЬ СОПРОВОЖДЕНИЯ». Он навел курсор — на экране появились графы «техническое сопровождение», «подтверждение учетного статуса», «присутствие внешнего подтверждающего лица», «результат».

— Похоже на обычную ведомость участников, — сказал Сбой.

— Да, — согласилась Мера. — Только здесь участников определяют не по именам, а по функциям.

Путешественник заметил еще одну странность. В графе «Результат» не было ни прибытия, ни отправления. Для всех записей использовались два возможных значения: «статус подтвержден» и «статус изменен». Память попросила Мэру увеличить этот фрагмент.

— Такие обозначения я видела в архивных листах замены, — сказала она. — Но это может быть просто общий словарь системы.

— В каком смысле?

— Когда ведомства перестают понимать друг друга, они договариваются одинаково называть то, чего ни одно не может объяснить. Потом эти названия начинают жить собственной жизнью.

Путешественник представил, как на вокзале объявляют не прибытие поезда, а изменение статуса тех, кто должен был на нем приехать. Картина показалась нелепой ровно до тех пор, пока он не вспомнил слова Анны о пустом поезде. Если система отдельно фиксировала движение поезда и учетный статус пассажира, отсутствие одного документа еще ничего не говорило о другом. Но пока это было только предположением.

— Нам нужно попасть в служебную зону вокзала и посмотреть, что там происходит во время технического перерыва, — сказал он вместо этого.

Сбой посмотрел на часы.

— Мы еще не знаем, какая именно часть вокзала связана с П-0.

Мера просмотрела сегодняшние публикации с категорией П-0 — одна из них касалась допуска представителей ведомств в закрытую часть вокзала. В ней было указано, что отдельный пропуск не требуется, если присутствие подтверждено Министерством. Рядом с публикацией находилась ссылка на ведомость сопровождения. Мера открыла ее в соседней вкладке, но просмотреть не успела.

— Вот здесь и может пригодиться твоя межведомственная сверка. Если обращение примут и назначат время, у тебя будет официальное основание пройти дальше общего зала на вокзале, — сказала Мера.

— А если обращение не примут?

— Тогда этот вариант отпадает, — ответил Сбой.

Путешественник вспомнил слова Нормы о том, что при такой сверке заявитель должен присутствовать лично. Она будто заранее знала, что ему понадобится официальное основание для прохода в закрытую часть вокзала. Возможно, он просто связывал события задним числом. Возможно, нет.

В углу экрана мигнула маленькая отметка. Мера сразу убрала руку с клавиатуры.

— Что это? — спросил Путешественник.

— Еще не знаю.

Сбой открыл панель соединения, где обычно отображались только два участника. Теперь внизу появилась третья строка, но без адреса. Она исчезла прежде, чем Путешественник успел что-то прочесть.

— Мы тут не одни? — спросила Память.

— Пока не могу подтвердить, — ответил Сбой. — Но проверять не собираюсь.

Он прервал соединение. Мера проверила записи в блокноте.

— Мы могли успеть еще что-нибудь, — сказал с досадой Путешественник.

— Могли, — согласился Сбой. — Например, сообщить службе безопасности, в какой комнате нас искать.

Мера не поддержала шутку и закрыла блокнот. Память еще раз посмотрела на архивную карточку Порядка 0-00-001 и убрала ее в папку.

— П-0 повторяется в разных документах. Теперь бы понять, что за этим стоит, — сказала Память.

— А ты что думаешь? — Сбой обратился к Путешественнику.

Тот несколько секунд молчал. Ему не хотелось признаваться, что почти все время он думал об Анне, хотя сам настоял на поиске сведений о Пути 0.

— Я хочу подать запрос на сверку, — сказал он наконец.

— Знаю. — Сбой отодвинул стул. — Вопрос в том, что ты будешь делать, если тебе действительно назначат время на вокзале.

Мера вернулась к одной из страниц, которую успела открыть до отключения, и замерла.

— Подождите.

Сбой уже убирал кабели в коробку.

— Что еще?

— Я не посмотрела дату исполнения в той ведомости сопровождения, которую открыла перед отключением.

Мера прокрутила уже загруженную страницу вверх: в заголовке стояла дата публикации — сегодня, дата исполнения — завтра. Ниже находилось поле «Создано: вчера, 09:41». Память наклонилась к экрану.

— Публикация не относится к сегодняшнему техническому перерыву, — сказала Мера. — Это отдельная ведомость на завтра.

На странице было всего несколько строк. Последняя относилась к присутствию внешнего подтверждающего лица. В графе «Исполнитель» уже стоял конкретный идентификатор: ПОРЯДОК 0-17-314.

— Совпадение? — спросил Путешественник.

— Случайным тут может быть только то, что мы его заметили, — ответил Сбой.

— Что означает «внешнее подтверждающее лицо»? — спросила Память.

Под названием поля на уже загруженной странице было пояснение: «УЧАСТНИК, НАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ УЧЕТНОГО СТАТУСА». О том, чей статус предполагалось менять, там не говорилось.

— Это не то, о чем я собирался подавать обращение, — сказал Путешественник. — Я хотел сверить две записи: в одной я зарегистрирован на вокзале, в другой сведений о моем прибытии нет.

— Именно, — ответила Мера. — А здесь тебя назначили подтвердить изменение чьего-то учетного статуса. Это совсем другая процедура.

Сбой еще раз проверил время создания найденной ведомости: вчера в 09:41. Путешественник вспомнил тот день: в этот час он еще разбирал заявления о несоответствии личных данных. О межведомственной сверке он спросил Норму только ближе к полудню.

— Норма могла сделать это заранее? — спросил он.

— Могла, если у нее есть доступ к формированию таких ведомостей, — сказал Сбой. — Или система выбрала тебя автоматически. Меня беспокоит другое: почему из всех возможных людей там оказался ты.

— А если это ловушка?

— Тогда у нас наконец есть документ, который выглядит как приглашение в ловушку, — ответила Память.

Путешественник снова посмотрел на строку со своим идентификатором. Рядом находилось поле «Присутствие», напротив стояло: «СОГЛАСОВАНО». Ниже — примечание, почти незаметное из-за мелкого шрифта: «ОТДЕЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ УЧАСТНИКА НЕ ТРЕБУЕТСЯ».

— Но я не соглашался участвовать в этом, — тихо сказал он.

Никто не ответил. Мера дописала номер ведомости и время в блокнот. Память положила рядом архивную карточку Порядка 0-00-001. Между двумя записями было семь лет. В старой значился «Путь 0». В новой — согласованное присутствие Порядка 0-17-314 на завтра. Это не доказывало, что события связаны, но оба документа снова вели к Центральному вокзалу.

— Тебе не обязательно идти, — сказала Мера.

— В документе уже решили, что я буду, — ответил он.

— Документы еще не распоряжаются твоими ногами, — заметила Память.

Путешественник хотел бы ей поверить. Он вспомнил, как добровольно подал запрос на получение адаптера, нажимал нужные кнопки и объяснял себе каждый шаг необходимостью.

Теперь без его участия ему назначили роль в совсем другой процедуре. И подтверждение от него не требовалось.

— Завтра я все-таки оформлю обращение на сверку, — сказал он.

Сбой поднял голову.

— После того, что мы увидели?

— Именно после этого.

Сбой некоторое время смотрел на него, затем убрал адаптер в коробку.

— Тогда сначала выясним, чем межведомственная сверка отличается от процедуры изменения учетного статуса. Иначе ты придешь туда проверять документы, а окажется, что проверяют тебя.

У гостиницы терминал вывел обычное приветствие. Путешественник приложил карту и вошел. Завтра он все равно собирался подать собственное обращение — сверить две противоречащие записи о своем прибытии. Найденная ведомость не имела к этому обращению прямого отношения: в ней ему уже назначили совсем другую роль, которую он не выбирал и смысла которой не понимал. Именно это тревожило сильнее всего. Он еще не сделал своего следующего шага, а система уже ждала его в другом месте. Его присутствие было согласовано, оставалось понять — зачем.